

**ТАДЖИКСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ СОТИМА УЛУГЗАДЕ**

На правах рукописи

УДК 809.155.0+808.0

ББК 81.2 Рус+81.2 Тадж

X - 85

ХОДЖАТОВ БАХТИЁР ДАВЛЯТДЖОНОВИЧ

**СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИКО-
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВВОДНЫХ ЕДИНИЦ В
РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И
НАКАЗАНИЕ» И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ
ЯЗЫКЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.20 -
Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Турсунов Ф.М.

ДУШАНБЕ – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ	8
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ВВОДНЫХ ЕДИНИЦАХ ЯЗЫКА	14-67
1.1. Лингвистическая природа вводных единиц	14
1.2. Особенности вводных единиц в русском языке.....	27
1.3. Особенности вводных единиц в таджикском языке.....	36
Выводы по первой главе.....	65
ГЛАВА 2. СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИ- ЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВВОДНЫХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»	68-96
2.1. Структурно-грамматический анализ вводных единиц	68
2.1.1. Структурно-грамматический анализ вводных слов	68
2.1.2. Структурно-грамматический анализ вводных словосочетаний	82
2.1.3. Структурно-грамматический анализ вводных предложений	83
2.2. Семантический анализ вводных единиц.....	85
2.2.1. Семантический анализ вводных единиц с модальным значением.....	86
2.2.2. Семантический анализ вводных единиц, выражающих порядок мыслей и их связь.....	87
2.2.3. Семантический анализ вводных единиц со значением привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания.....	88
2.2.4. Семантический анализ вводных единиц, выражающих манеру речи...89	
2.2.5. Семантический анализ вводных единиц, указывающих на источник сообщения.....	90
2.2.6. Семантический анализ вводных единиц со значением оценки меры, степени и обычности.....	91
2.2.7. Семантический анализ вводных единиц, выражающих эмоциональную оценку.....	92
Выводы по второй главе.....	94

ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВВОДНЫХ ЕДИНИЦ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК.....	97-152
3.1. Перевод вводных единиц.....	97
3.1.1. Перевод вводных единиц с модальным значением.....	97
3.1.2. Перевод вводных единиц, выражающих порядок мыслей и их связь..	114
3.1.3. Перевод вводных единиц со значением привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания.....	127
3.1.4. Перевод вводных единиц, выражающих манеру речи.....	129
3.1.5. Перевод вводных единиц, указывающих на источник сообщения.....	136
3.1.6. Перевод вводных единиц со значением оценки меры, степени и обычности.....	140
3.1.7. Перевод вводных единиц, выражающих эмоциональную оценку.....	143
Выводы по третьей главе.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	153
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	158
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	160
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.....	177
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	180

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении истории развития человечества учёные-лингвисты заметили, что автоматическое пользование языком приводит к тому, что язык не воспринимается как предмет изучения. Многие великие цивилизации древности, хотя у них существовала письменность, обходились без исследования языков. С тех пор как человечество осознало, что язык нуждается в изучении, вопросы лингвистики стали во главу угла исследований многих учёных, начиная с древности.

В этом плане Республика Таджикистан также не остаётся в стороне. За период государственной независимости у таджикских языковедов актуализировался особый интерес к изучению грамматической структуры разноструктурных языков, что привело к появлению большого количества исследований сопоставительного характера.

Хотя проблема вводных слов является одной из основных тем лингвистической литературы, до сих пор не проведено достаточно полного исследования, которое бы определило грамматическую роль вводного элемента в предложении, в которое он входит. Также не было проведено исследований, которые бы раскрыли смысловые функции, синтаксические связи, морфологическое выражение и способы передачи вводных слов с одного языка на другой.

Актуальность темы исследования. Актуальность работы заключается в необходимости описания вводных конструкций в структурно-грамматическом, семантическом, функциональном и переводческом аспектах, что позволит использовать функциональный и семантический потенциал вводных слов в дальнейших исследованиях по описанию и сопоставлению исследуемых единиц в таджикском и русском языках. Тема настоящей диссертационной работы приобретает особую актуальность также благодаря тому факту, что, несмотря на существование большого количества переводов художественных произведений, осуществлённых в прошлом столетии с русского языка на таджикский язык, научно-исследовательские

работы, посвящённые анализу качества и адекватности переводов, незначительны, а по переводам отдельных авторов вовсе отсутствуют. Исследование структурно-грамматических, семантико-функциональных и переводческих особенностей вводных единиц способствует интенсификации дальнейшего изучения коммуникативного синтаксиса русского и таджикского языков.

Степень изученности научной темы. Проблема вводных слов издавна рассматривалась в исследованиях отечественных и зарубежных учёных-лингвистов. Различные проблемные стороны вводных слов изучали такие известные лингвисты, как Н.И. Греч (впервые переводит изучение рассматриваемого языкового явления с уровня пунктуационного на уровень грамматический) [52, с. 247-248], А.Х. Востоков, И.И. Давыдов (выделяют два типа вводных предложений: одни из них выражают модальные значения, другие являются средством сообщения добавочного замечания), А.Х. Востоков (делает попытку разграничения вводных слов от вставных конструкций, так как до этого они рассматривались под одним понятием «вводное предложение») [41, с. 174]. Бытуют также противоположные мнения, например, Ф.И. Буслаев считает, что всё-таки между вводным и главным предложением существует связь. На этом основании, он не допускает возможности «опущения» вводных единиц из состава предложения и не отрицает вообще наличия связи вводных слов с предложением.

Далее, А.А. Потеня и Д.Н. Овсяннико-Куликовский приводят свои суждения о вводных словах. Они считают, что вводные слова - это вводные предложения или остатки вводных предложений, результат сокращения некогда полного предложения [87, с. 258]. А.М. Пешковский, в свою очередь, расценивает вводные единицы как субъективно-объективную категорию, то есть «как говорящий относится к той или иной мысли». Он считает их совершенно независимыми и отмечает, что при произношении они получают особый темп, другую силу и другой тон. Аналогично отзывается В. А.

Богородицкий, но с некоторым добавлением: «при произношении они получают особый темп (чаще - более быстрый) и другую силу и тон (тише и ниже) [21, с. 240]. Академик А.А. Шахматов отмечает, что функционируют и вводные слова, и вводные предложения, упоминая при этом, что при опущении вводных слов смысл предложения не изменится, и они могут замениться полными предложениями.

В таджикском языкознании существенный вклад в исследование структурных, семантических особенностей, коммуникативных и прагматических свойств вводных конструкций внесли И. Норова, Ф. Зикриёев, Ш. Рустамов, Б. Ниёзмухаммадов и Ш. Ниёзи. В работах этих ученых поднимается и исследуется круг вопросов, связанных с изучением вводных слов и сочетаний, семантико-синтаксическими признаками данных единиц в таджикском языке.

Особая заслуга в исследовании вводных слов в таджикском языке принадлежит И. Норовой, которая считает, что вводные слова служат для выражения субъективного отношения говорящего к высказываемой мысли [171, с. 51]. Её классификация исследуемых единиц является наиболее развёрнутой, в которой она выделяет по значению 17 групп вводных компонентов. Ф. Зикриёев в дополнение отмечает наличие предлогов в образовании вводных единиц, уделяя особое внимание вводным предложениям. Его заслуга состоит в их классификации по семантике [182, с. 29]. В свою очередь, Ш. Рустамов приводит наиболее конкретную и содержательную классификацию, состоящую из 7 семантических групп. Авторы Грамматики таджикского языка 1955 года Б. Ниёзмухаммадов и Ш. Ниёзи выдвинули свою весьма интересную формулировку: «Слова могут быть вводными в том случае, если они не являются непосредственно членами предложения» [168, с. 118].

Несмотря на большое количество научной литературы по исследованиям вводных конструкций русского и таджикского языков, проблемы точного установления их статуса в предложении, использования знаков препинания

при их обособлении, структурно-семантического формирования в аспекте сопоставления и способов и средств их перевода остаются пока ещё нерешёнными, поэтому цель и задачи предлагаемого диссертационного исследования направлены на их решение.

Связь работы с научными программами (проектами), темами.

Вопросы данного исследования тесно связаны с учебными планами высших учебных заведений и темами научных исследований. Выводы исследования могут способствовать дальнейшему развитию образовательных программ в области языкознания и переводоведения. Предмет данного исследования выполнен в рамках одного из направлений научно-исследовательской работы кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде. Также диссертационное исследование связано с «Государственной программой совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года (Постановления Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2019 года, №438)».

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Цель и задачи исследования. Целью настоящей диссертационной работы является анализ структурно-грамматических и семантико-функциональных особенностей вводных единиц в тексте художественного произведения и эффективности методов передачи этих слов с русского языка на таджикский язык.

В данной работе были решены следующие **задачи** с целью достижения поставленной цели:

- изучение лингвистической природы, свойств и особенностей вводных единиц;
- анализ различных подходов русских и таджикских языковедов к исследованию структурно-семантических и функциональных особенностей вводных единиц в исследуемых языках;
- структурный анализ вводных единиц на материале избранного источника;
- определение семантических особенностей вводных единиц выбранного для анализа романа;
- установление морфологической принадлежности вводных слов романа;
- анализ функциональных особенностей вводных единиц романа, составляющих основу адекватного перевода;
- оценка эффективности различных методов перевода вводных единиц с русского языка на таджикский язык.

Объектом исследования являются вводные единицы в русском и таджикском языках, а также средства и способы их передачи на таджикский язык.

Предметом исследования является сопоставительный анализ вводных единиц русского и таджикского языков в структурно-семантическом и переводческом аспектах.

Теоретические и методологические основы исследования.

Теоретическими и методологическими основами диссертации служат научно-теоретические труды лингвистов и переводоведов в области сопоставительного языкознания и переводоведения. При рассмотрении теоретических вопросов данной диссертации были использованы труды видных русских и таджикских исследователей по синтаксису русского и таджикского языков, таких как Н.И. Греч, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Д.Н. Овсяниково-Куликовский, А.М. Пешковский, В.А. Богородицкий, А.А. Шахматов, А. Н. Гвоздев, Е.С. Скобликова, Н.С. Валгина, Д.Е. Розенталь, М.И. Фомина, В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов, И. Норова, Ф. Зикриёев, Ш. Рустамов, Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Ниёзи, М. Норматов, Б. Камолиддинов.

Методы исследования:

- методы компонентного и контекстуального анализа, необходимые для разработки классификации языкового материала;
- сопоставительный анализ исследуемых единиц в русском и таджикском языках;
- описательный метод;
- метод статистического анализа для установления численного соотношения исследуемых единиц и др.

Источником иллюстративного материала исследования послужило произведение русского писателя Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на двух языках.

Научная новизна исследования состоит в том, что типологические особенности вводных единиц русского и таджикского языков в сопоставительном аспекте недостаточно исследованы и изучены. В данном исследовании впервые методом сопоставительно-типологического анализа исследовались структурно-грамматические и семантико-функциональные особенности вводных единиц в русском и таджикском языках на примере конкретного произведения и его перевода на таджикский язык. В процессе

изучения и исследования данной темы на основе языковых материалов анализированы основные аспекты изучения вводных единиц – структура, семантика, морфологическая характеристика, интонация и стилистический аспект, а также выявлены основные методы и приёмы передачи исследуемых единиц русского языка на таджикский.

Особое внимание уделяется переводческому аспекту, так как результаты анализов способствуют решению фундаментальных вопросов таджикского переводоведения. В результате установлены приёмы словарных соответствий, методы лексической, лексико-грамматической и грамматической трансформации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Выявление особенностей вводных слов в русском и таджикском языках даёт возможность представить реальную картину данной категории языковых единиц в сравниваемых языках

2. Структурная классификация вводных конструкций русского и таджикского языков определяет частотность использования данной языковой единицы по структуре.

3. Семантическая классификация вводных конструкций устанавливает продуктивность использования той или иной семантической группы в художественных произведениях.

4. Сопоставительно-типологическое исследование вводных слов русского и таджикского языков является важным и актуальным в контексте языкознания и переводоведения. Такое исследование позволяет установить сходства и различия между этими языками в использовании вводных слов, что может быть полезно для переводчиков и изучающих эти языки. Кроме того, данное исследование может служить основой для последующих сопоставительных и типологических исследований, а также предоставить лингвометодическую основу для изучения иностранных языков на базе родного языка.

5. Установление способов и средств передачи исследуемых единиц на таджикский язык способствует формированию определённой теории по проблеме перевода вводных конструкций.

6. Важно анализировать способы правильного и адекватного перевода вводных конструкций с учетом их смысла и содержания на исходном языке и языке перевода. Это позволяет обеспечить точность и соответствие перевода вводных конструкций в рамках рассматриваемых языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что материал и научные результаты данной диссертации могут послужить как научный источник по вопросам системы вводных конструкций русского и таджикского языков для лингвистов и переводоведов. Теоретическая значимость исследования также заключается в том, что полученные итоги исследования средств и способов передачи вводных единиц русского языка на таджикский язык внесут определённый вклад в таджикское переводоведение. Установленные методология и методика сопоставления вводных единиц русского и таджикского языков могут быть использованы в процессе изучения языковых и лексикологических явлений других славянских и иранских языков.

Практическая значимость исследования. Материал и результаты исследования, в частности связанные с устранением лексических и переводческих трудностей вводных слов исследуемых языков, можно использовать в практике изучения иностранных языков в сопоставлении с таджикским языком. Результаты данной диссертации также могут быть использованы в процессе разработки и чтении лекционных курсов по сопоставительной типологии языков и переводоведении, специальных курсов для студентов, магистрантов, докторантов (PhD) и специалистов, при написании выпускных квалификационных работ по синтаксису, переводу и переводоведению, а также при разработке учебных пособий и учебных материалов. Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях различных аспектов языкознания и перевода. Результаты

исследования помогут решить трудности, теоретические и практические задачи языкознания и перевода. Таблицы и примеры диссертации можно использовать в качестве наглядного материала на курсах синтаксиса, теории и практики перевода, в изучении как таджикского, так и русского языков.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность исследовательской работы подтверждается точностью данных, достаточным количеством материалов исследования, обработкой результатов исследования, объёмом публикаций и проведением диссертационного исследования. Выводы и рекомендации представлены на основе научного анализа результатов теоретических, сравнительных и экспериментальных исследований. При этом достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается привлечением опытно-лексических, аналитических, сопоставительных, переводческих и других методов, способствующих правильному использованию путей и способов, а также особенностей перевода вводных конструкций с исходного языка на язык перевода, что очень важно с точки зрения обретения знаний в сфере сопоставительного языкознания и переводоведения.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Данное диссертационное исследование, озаглавленное как «Структурно-грамматические и семантико-функциональные особенности вводных единиц в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и средства их выражения в таджикском языке», соответствует утвержденному Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан шифру специальности 10.02.20 - Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Личный вклад диссертанта выражается в том, что он впервые исследовал вводные единицы русского языка в сравнении с таджикским языком в переводческом аспекте с использованием диаграмм и статистического анализа. Собранные автором теоретические и практические

материалы уникальны и вносят ценный вклад в решение ряда существенных проблем таджикского перевода.

Апробация и реализация результатов диссертации. Основные положения диссертации излагались на ежегодных научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского государственного института языков имени С. Улугзаде (ныне Таджикский международный университет иностранных языков имени С. Улугзаде) (2017-2023 гг.). Также материалы исследования обсуждались на методических, теоретических семинарах и заседаниях кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского международного университета иностранных языков имени С. Улугзаде (протокол № 11 от 30 июня 2023 г.).

Публикации по теме диссертации. Основное содержание диссертационного исследования изложено в 13 статьях, опубликованных автором в научных журналах, в том числе - 8 статей в рецензируемых журналах, включенных в реестр ВАК РТ при Президенте Республики Таджикистан и ВАК Российской Федерации.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка научной и художественной литературы и приложения. Объём диссертации составляет 188 страниц компьютерного набора. Первая глава посвящена теоретическим вопросам, связанным с вводными единицами русского и таджикского языков. Вторая глава включает в себя структурно-грамматический анализ вводных единиц русского и таджикского языков. Третья глава посвящена проблемам семантики и перевода вводных единиц сопоставляемых языков. В заключении подводятся итоги проведённого исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ВВОДНЫХ ЕДИНИЦАХ ЯЗЫКА

1.1 Лингвистическая природа вводных единиц

При изучении той или иной языковой единицы или понятия немаловажное значение имеет история её изучения, так как поэтапное рассмотрение предмета исследования помогает наиболее полно и подробно представить всю картину предстоящего исследования. Это даёт возможность более детально раскрыть их природу, свойства и особенности. Разные учёные в своё время по-своему трактовали проблему вводных и вставных конструкций.

Так, Н.И. Греч в своей работе «Практическая русская грамматика» (1827 г.) отмечает: «Вводное предложение есть совершенно постороннее предложение, не имеющее никакой грамматической связи с главным; например: У меня, *поверите ли*, замерзает вода в комнате», т.е. «вводное предложение - это особое предложение, которое только вставляется в середину речи, не подчиняясь другим членам предложения» [52, с. 247-248]. В начале цитаты автор упоминает о существовании вводных предложений, функционирующих в синтаксическом отношении как главные и придаточные предложения. Однако в продолжении цитаты он разграничивает вводные предложения от вышеназванных типов предложений, указав на отсутствие грамматической связи исследуемых единиц с главною предложением. Автор оставил без внимания смысловые отношения вводного предложения с основным предложением в отдельную синтаксическую категорию, объединив вводные предложения с вставными конструкциями.

В установлении типов вводных предложений свой вклад внесли А.Х. Востоков и И.И. Давыдов, которые выделяют два типа вводных предложений. Свою гипотезу учёные выдвинули в «Начертаниях русского синтаксиса» П. М. Перевлесского: «одни из них выражают модальные значения, другие являются средством сообщения добавочного замечания» [109, с. 152]. Действительно, подобное утверждение доказывает факт

преобладания в количественном соотношении вводных слов, выражающих модальные значения над другими разрядами исследуемых единиц. Однако во второй части высказывания смешиваются вводные слова со вставными конструкциями, так как основное назначение последних как раз и связано с добавочным замечанием. Видимо, следовало бы принять во внимание субъективную позицию, которая является основным фактором разграничения вводных слов от вставных конструкций.

Вторая половина XIX века сыграла существенную роль в изучении вводных слов и предложений. Именно в этот период началось пристальное изучение вводных единиц со стороны русских учёных. Однако теория того времени основывалась на том, что под понятием вводных конструкций подразумевались и вводные, и вставные конструкции, так. Понятия «вводность» и «вставочность» не были разграничены, поскольку не были выявлены их особенности, не проведено исследований, в которых данные понятия были бы изучены на достаточном уровне. А.Х. Востоков впервые пытается разграничить понятия вводности и вставочности, используя при этом термин «вводное предложение»: «Между частями главного предложения может быть вставлено особое предложение, называемое вводным, которое не привязывается местоимениями или союзами к главному предложению, и может быть опущено без нарушения смысла; например: Он, **я думаю**, скоро возвратится: мы, **вероятно**, увидим его» [41, с. 174]. Учёный в своём утверждении выдвинул определённую установку вводным предложениям в целом - как языковому явлению, отметив место и отсутствие синтаксической связи вводных слов с основным предложением. Этих утверждений недостаточно для точного и чёткого разграничения вводных и вставных конструкций. Нельзя не заметить, что в данном определении учёный основывается на структурно-семантических характеристиках вводного предложения, однако, как и в предыдущем утверждении не учитывается субъективное отношение говорящего к высказываемой мысли.

Ф.И. Буслаев уподобляет вводные конструкции сложным предложениям, указав при этом способ их соединения с основным предложением, хотя упоминает об отсутствии грамматических средств, соединяющих исследуемые единицы с предложением: - «Это разновидность одного из сложных или слитных предложений, которые должны быть соединены по способу подчинения, но вставлены в предложение без всякой видимой грамматической связи» [26, с. 64]. Учёный утверждает, что «между вводным и главным предложением существует связь, так как он не допускает возможности «опущения» вводных единиц из состава предложения и не отрицает вообще наличия связи вводных слов с предложением» [26, с. 64]. Исследователь рассматривает проблему вводных слов за пределами структурно-семантического подхода. Вместо этого, он обращает внимание на отсутствие формальной и смысловой связи некоторых слов или групп слов с остальной частью предложения.

Очень интересные взгляды на проблему у А.А. Потебни и Д.Н. Овсяннико-Куликовского. А.А. Потебня считает, что вводные слова это вводные предложения или остатки вводных предложений. В работе Д.Н. Овсяннико-Куликовского «Синтаксис русского языка» можно наблюдать следующую точку зрения: «Вводные слова возникли как результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть» [87, с. 258]. Такая гипотеза как раз и препятствует разграничению понятий «вводность» и «вставочность». Учёный не делает четкого разграничения между понятиями вводности и вставочности, что может вызывать некоторую путаницу: «...слова, находящиеся вне предложения, но при нем» [87, с. 259]. Для Д.Н. Овсяннико-Куликовского основополагающим принципом в данном вопросе является предикативность предложения. В связи с этим он основывается на различное соотношение трех грамматических лиц в формировании вводных слов. Учёный утверждает, что в образовании вводных конструкций, большую роль играет первое лицо, выполняющее роль говорящего. «В известном смысле оно всегда

чувствуется в каждом акте предсказания, скрываясь за его пределами, откуда иногда оно как бы «выглядывает» вроде: например, полагаю, мне кажется и т.п.» [88,с.283]. Перечисленные характеристики свидетельствуют о том, что в предложении ощущается факт присутствия субъективной точки зрения, следовательно, такое предложение выражает субъективное отношение говорящего к сообщаемому.

Немаловажным фактом является и то, что Д.Н. Овсяннико-Куликовский обращал особое внимание на вводные слова в составе главного предложения, носящего основную информацию и высказал следующее утверждение: «данные конструкции выражают отношение предиката-субъекта к сообщаемому» [88, с. 284]. Учёный также обращал внимание на явление бессубъектности во вводных конструкциях: *как известно, как указывалось, как говорится, нужно сказать* и др. Это свидетельствует о том, что структура предложений в русском языке основана на явлении предикативности, которое играет ключевую роль в разъяснении вводных слов.

Наиболее развёрнутое определение принадлежит А.М. Пешковскому. Учёный утверждает, что понятие «вводность» относится к субъективно-объективным категориям. Он считает, что вводные слова показывают, «как говорящий относится к той или иной мысли: верит он в нее или нет, доволен он ей или нет, хочет он ее осуществления или нет; что говорящий считает высказанную мысль не своей, а чужой; выражают отношение данной мысли к предыдущей речи и стоящие на рубеже между вводными словами и союзами и т.д.» [97, с. 409-410]. В своём определении исследователь основывается на трёх критериях. В начале цитаты учёный раскрывает понятие «вводность», то есть интерпретирует его, разбивая на более мелкие детали, которые в основном отражают особенности вводно-модальных единиц. Второй отрезок цитаты свидетельствует о способности вводных слов указать на чужую мысль и наконец, в конце высказывания отражена функцию вводных слов

относительно порядка мыслей и их связи, напоминающие в какой-то мере союзы.

Вводные слова и сочетания не являются частями текущей мысли, так как они могут быть вставлены в середину предложения, но не грамматически связаны с ним. Они обычно составляются из вводных предложений, которые вставляются в основное предложение для добавления дополнительной информации или выражения субъективного отношения говорящего.

Предложения такого типа можно встретить в произведениях художественной литературы, в частности в творчестве таких классиков как Л.Н. Толстой, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин и др. Например: ... В красном лице её чуть брезжил тот огонёк, который, **Кити чувствовала**, когда-то освещал её всю (Л. Толстой). ... Она же была в туалете, который, *она знала*, шёл к ней (Л. Толстой). Я всякому, **ты знаешь**, рад (А. Грибоедов). Вечор, **ты помнишь**, вьюга злилась... (А. Пушкин). Буран, **мне казалось**, ещё свирепствовал (А. Пушкин) [97, с. 410].

В приведённых примерах наблюдается способ недоговорённости или незавершённости мысли, в результате чего образуются следующие вводные выражения: «**Знаешь**, я не к Порфирию иду, надоел он мне» [174, с. 501]. «Его разговор, **казалось**, возбудил общее, хотя и ленивое внимание» [174,с.13]. Такое изменение способствует историческим изменениям в семантической структуре лексических единиц языка. Большинство вводных выражений, которые часто употребляются или становятся краткими, могут постепенно лишиться своего исходного значения или эмоциональной окраски. Например, семантика следующих единиц не имеет никакого отношения к составляющим им компонентам: *видите ли*, когда нечего видеть; *одним словом*, когда употребляется очень много слов; *слава богу*, *ради бога*, *бог знает*, *чёрт возьми* в устах человека неверующего и т.д. В случае полного исчезновения первоначального значения таких выражений они превращаются в частичные слова: *конечно*, *да*, *нет*, *чай*, *знать*, *мол*, *де*, *дескать* и т.д. А.М. Пешковский высказал свои мысли относительно таких

слов следующим образом: «Эти частичные слова отличаются от прочих частичных слов только тем, что соответственно своему происхождению не вступают в связь ни с одним из членов данного предложения» [97, с. 410]. Автор этим хочет сказать, что эти частичные слова в своё время предназначались к выражению другой мысли и в результате языковых процессов лишились своего первоначального объёма, оставаясь в составе других предложений в меньшем объёме. И именно соотесённость к другой мысли не позволяет этим единицам вступить в грамматическую связь с другими членами предложениями.

Следует отметить, что не всегда вводные слова и сочетания употребляются в качестве вводных конструкций, в частности это касается вводных частичных слов. Такие слова могут употребляться в качестве ответа (частицы): ты был там? - да; видел его? - нет; пойдешь еще раз? - конечно и т. д. Частицы - *да* и *нет* примечательны тем, что они чаще употребляются в изолированном виде, чем во вводных конструкциях. Подобное суждение чувствуется и в словах А.М. Пешковского, который выражает вышеизложенное следующим образом: «Неверно было бы считать такие одиночные слова и сочетания предложениями, хотя бы и неполными. Это только фразы, то есть интонационные единицы, но не грамматические» [97, с. 410-411]. Автор ссылается на той мысли, что хотя фразы и обладают признаками интонационной завершенности и смысловой законченности, но не равнозначны понятию предложения, так как реальный объём информации, содержащийся в предложении известен только самому говорящему. Поэтому их нельзя считать предложением или какой-либо его разновидностью.

По вопросу вводных предложений В.А. Богородицкий приводит следующее определение, в котором особо подчёркивает их независимость, имея в виду то, что к ним нельзя поставить вопрос от членов предложения, как и от них к членам предложения: «будучи совершенно независимыми, вставляются в другое предложение без каких-либо связующих слов, это - так называемые вводные предложения. При произношении они получают особый

темп и другую силу, и другой тон» [21, с. 240]. Учёный в своём утверждении также обращает внимание на их фонетические свойства: их особый темп связан с паузами в зависимости от места расположения в главном предложении; произносятся менее интенсивно, но с более строгим и категоричным тоном.

Сторонником идеи о том, что в русском языке наряду с вводными словами функционируют и вводные предложения является также А.А. Шахматов, который исходит из того, что данные предложения не обладают ни признаками главных, ни признаками второстепенных членов предложения. Он утверждает, что вводные предложения хотя и вставляются в главное предложение, но к основной мысли не относятся: «Так назовем те слова предложения, которые не могут быть определены ни как главные, ни как второстепенные его члены, слова, стоящие поэтому вне предложения, но вдвинутые, вставленные в него: они вносят в предложение определенное значение, видоизменяя или дополняя сказуемое предложения» [158, с. 265]. Учёный считает, что вводные слова не имеют грамматической связи с членами предложения и не являются их частью. То значение, которое он указывает как раз и является субъективным отношением говорящего к сообщаемому и которое, по мнению учёного, дополняет сказуемое.

А.А. Шахматов отождествляет значение и грамматическую функцию вводных слов с обстоятельством, которые выражаются наречием, отмечая при этом то, что связь вводных единиц со сказуемым и подлежащим слабее, чем с обстоятельством. Он также считает, что при опущении вводных слов смысл предложения не изменится, а сами они могут замениться полными предложениями: «В значительном числе случаев значение и грамматическую функцию таких слов можно сравнить со значением и функцией обстоятельства, следовательно, наречия, но связь вводных слов со сказуемым гораздо слабее, чем с обстоятельством; они представляются устранимыми без нарушения смысла предложения, а формальным их отличием является возможность быть замененными полным предложением» [158, с. 265].

А.А. Шахматов также отмечает, что вводные слова могут быть результатом редуцированных предложений и представлять собой остатки полноценных предложений. «Это обстоятельство стоит в связи с самым происхождением вводных слов: они являются редуцированными по своему смыслу предложениями и восходят к настоящим предложениям» [158, с. 265].

А.М. Пешковский ограничивается рассмотрением вводных слов, не уделяя внимания вводным предложениям, лишь упоминая о них: «В числе других видов предложений есть вводные предложения; вводными словами признаем только редуцированные предложения» [158, с. 265]. В последнем отрезке цитаты учёного в ход вступает термин «редуцированные предложения». Это говорит о том, что он согласен с мнением предыдущих учёных о том, что вводные слова - это наследие некогда полноценных предложений.

В своём исследовании А.А. Шахматов основывается на происхождении вводных слов и использует это в своих выводах, и в качестве доказательства появления того или иного вводного слова он приводит примеры из произведений русских классиков. Он рассматривает вводные слова, как восходящие к односоставным и двусоставным предложениям, а двусоставные - к двусоставным несогласованным и двусоставным согласованным, оставляя при этом без внимания вводные слова и словосочетания, не связанные с происхождением предложений: «Наиболее целесообразным представляется разделение вводных слов на такие, которые восходят к односоставным предложениям, и на такие, которые восходят к двусоставным предложениям. Среди последних одни восходят к предложениям двусоставным несогласованным, а другие к двусоставным согласованным» [158, с. 265]. Учёный приводит примеры с вводным словом «признаюсь», которое относится к односоставным определённо-личным бесподлежащим предложениям первого лица: «Ну, мастер, *признаюсь*, наш секретарь читать...»; «Я, *признаюсь*, рад, что вы одного мнения со мною»; «Я было хотела ему тоже словца два сказать, да, *признаюсь*, оробела» [158, с.

266]. Данная единица выражает общий экспрессивный характер высказывания, то есть может употребляться для передачи любых эмоций говорящего, нельзя его отнести к определённому разряду вводных слов, выражающих различные чувства.

Таким образом, на основе изучения истории вводных и вставных конструкций можно сделать следующие выводы:

Вводные и вставные конструкции рассматривались:

1. как:

- вводные предложения наравне с главными и придаточными предложениями;
- предложения, выражающие модальные значения и служат для добавления дополнительных замечаний в тексте;
- остатки вводных предложений;
- предложения, вставленные в другое предложение без использования связующих слов.

2. В истории синтаксиса русского языка изучение вводных единиц проводилось в рамках типов грамматической связи, таких как согласование, управление и примыкание.

3. Анализ материалов по истории изучения вводных слов показал, что они всегда рассматривались как единицы, не имеющие грамматическую связь с предложением. Это говорит о том, что вводные слова не вступают с членами предложения в подчинительную связь по способу согласования, управления и примыкания.

Действительно, в трудах лингвистов XIX и XX вв. понятия вводности и вставочности смешивались, и рассматривались как одно и то же явление. Однако со второй половины XX века эти понятия начали рассматривать как самостоятельные языковые явления.

Чёткое представление о различиях между вводными словами и вставными конструкциями действительно позволяет более полно и глубоко исследовать эти синтаксические явления. При разграничении вводных и

вставных конструкций необходимо учитывать не только субъективно-модальное и объективно-модальное значения, но и то, что они вносят дополнительную информацию.

В современной русистике вводные и вставные конструкции рассматриваются как два различных языковых явления, в отличие от таджикского языка, где отсутствует отдельное понятие «вставные конструкции», т.е. и вводные, и вставные конструкции представлены одним термином «вводные конструкции».

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой приводится следующее определение вводного предложения. Данное определение повторяет всё сказанное выше, в котором отмечается всего лишь его независимость и отсутствие грамматической связи с членами предложения: «Вводное предложение – это предложение, вставленное в другое предложение, но не связанное грамматически с его членами» [9, с. 72].

Далее в этом же словаре отмечается следующее утверждение, касающееся отсутствия грамматических средств между вводными словами и предложением: «Вводное слово – это слово не связанное формально-грамматически с другими словами в предложении, не являющееся членом предложения и выражающее, например, отношение говорящего к высказываемому, отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи или указывающее на то, что говорящий считает высказанную мысль чужой» [9, с. 72]. Уже во втором определении речь идёт о том, что центральное место в трактовке вводных конструкций принадлежит субъективно-модальному значению, т.е. отношению говорящего к сообщаемому. Они могут иметь как объективную модальность, выражая факт или обстоятельство, так и субъективную модальность, выражая эмоциональное отношение говорящего к высказываемому.

В учебнике «Академическая грамматика - 60» наряду с уже названными признаками вводных слов отмечается их способность указать на источник сообщения, определённый порядок мыслей и связь между ними: «Вводными

называются такие синтаксически не связанные с предложением слова и сочетания слов, которые выражают отношение говорящего к тому, о чём он говорит, общую оценку сообщения, либо заключают в себе указание на его источник, связь с другими сообщениями» [50, с. 141]. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что между вводными конструкциями и главным предложением отсутствует какая-либо грамматическая связь.

В приведённых ниже словах говорится о конкретных отношениях вводных слов с предложением и его отдельными членами и упоминается об общих функциях всех типов вводных единиц: «Вводные слова и вводные сочетания слов относятся либо к предложению в целом, либо к отдельным его частям или членам. Вводные предложения выполняют те же функции, что и вводные слова» [50, с. 141].

Вводные слова относятся к средствам выражения субъективной модальности. Подобное утверждение встречается во многих учебниках и учебных пособиях для вузов, в частности, в «Грамматике современного русского литературного языка - 70» приводится следующая точка зрения: «включенные интонационно и занимающие в предложении свободную позицию» [51, с. 614]. В этом определении особый акцент ставится на роль интонации в использовании вводных слов и их место по отношению к главному предложению.

Подробная характеристика вводным единицам даётся в учебнике «Русская грамматика - 80». В нём приводятся сведения, касающиеся объёма, значения модальности, порядка мыслей, привлечения внимания, манеры речи, источника сообщения, меры и степени и эмоциональной оценки: «К вводным словам и сочетаниям слов относится довольно обширная и легко пополняющаяся группировка лексико-синтаксических единиц - словоформ и в разной степени устойчивых сочетаний, выражающих отношение к сообщаемому или его характеристику: экспрессивную реакцию на сообщение; подчеркивание... Вводные предложения по своей функции смыкаются с вводными словами и сочетаниями слов; отличие состоит в том,

что вводные предложения по форме являются законченными или относительно законченными сообщающими единицами» [121, с. 174]. Также отмечено незначительное отличие вводных предложений от вводных слов, которое выражается в признаке завершенности мысли, содержащейся во вводном предложении.

В учебнике «Русская грамматика - 80» приводятся также сведения о месте вводных конструкций, семантических отношениях с основным предложением, синтаксических связях с членами предложения т.п. «Место вводных слов, вводных предложений и сочетаний в предложении свободное; они легко занимают позиции в начале, в конце или в середине предложения, свободно вводятся в него и свободно из него изымаются. Синтаксические связи с каким-либо членом предложения или с предложением в целом у них отсутствуют» [121, с. 230].

Для адекватного использования вводных единиц необходимо помнить, что данные языковые средства функционируют за рамки основной мысли. С точки зрения синтаксической они находятся вне предложения, то есть занимают автономную позицию по отношению к основному предложению. Действительно подобная идея предлагается в некоторых учебниках и учебных пособиях для вузов.

Так, Н.С. Валгина в учебнике для вузов «Синтаксис современного русского языка» пишет: «Вводными являются слова, сочетания слов и предложения, которые выражают отношение говорящего к высказанному, дают общую оценку сообщения, указывают на источник сообщения, связь с контекстом, а также могут относиться к отдельным членам предложения и ко всему предложению» [29, с. 265]. В этом определении автор обращает внимание на такой аспект как связь вводных слов с контекстом, под которым подразумевается контакт исследуемых единиц по значению.

Подобным же образом вводные единицы характеризуются в учебнике Н.С. Валгиной, Д.Э. Розенталя, М.И. Фоминой. В нём «вводными называются слова, грамматически не связанные с членами предложения, не

являющиеся членами предложения и выражающие отношение говорящего к высказываемой мысли, характеризующие способ ее оформления и т.п. Вводным словам присуща интонация вводности, они могут относиться или ко всему предложению, или к отдельным его членам» [28, с. 397-398]. Кроме того, авторы учебника обратили внимание на своеобразную интонацию вводных слов, которая в зависимости от их места в предложении может изменить свой темп и силу.

В учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Ю. Максимова «Современный русский язык» отмечается: «В большей степени связаны по смыслу с основным сообщением вводные единицы: слова, сочетания слов и предложения» [10, с.161]. Основной акцент ставится на то, что «вводные конструкции имеют общие дифференциальные признаки, из которых отметим следующие: отношение говорящего к сообщаемому; 2) из способов выражения доминантой является категория модальных слов; 3) вводные единицы в устной речи выделяются интонацией» [10, с. 162]. Это определение отличается от других тем, что оно обобщает представление о вводных словах, устанавливая их дифференциальные признаки, в которых отражаются такие признаки вводных слов как общее значение, способы выражения и выделение интонацией.

Итак, результаты анализов обработанного материала учебников показали, что вводные слова в предложении занимают автономную позицию. Они могут занимать препозицию, интерпозицию и постпозицию по отношению к главному предложению, хотя в постпозиции их актуальность несколько снижается. Подобная теория поддерживается авторами учебников, которые также солидарны в следующем:

- вводные конструкции не вступают с членами предложения в подчинительную связь, они не могут быть связаны с ними грамматически. Это значит, что к ним не применимы способы подчинительной связи, к ним нельзя поставить вопрос от членов предложения, также как и к членам предложения от них.

- вводным конструкциям свойственно относиться к отдельным членам предложения, а также ко всему предложению;

- вводные конструкции выражают отношение говорящего к сообщаемой информации, в них содержится общая оценка сообщения, а также отражают субъективное отношение говорящего к тому, что было сказано.

1.2 Особенности вводных единиц в русском языке

Чтобы глубже проникнуть в суть языковых явлений недостаточно иметь общие сведения о них, необходимо изучить их функции, особенности, назначение, структуру и т.д. В определении разрядов вводных слов важную роль играет связь между вводным компонентом и основным высказыванием. Однако данная проблема также зависит от состава вводных единиц. Исходя из полученных сведений, изложенных в первом подразделе, можно остановиться на следующем определении вводных конструкций: «Вводными называются слова, сочетания слов и предложения, грамматически не связанные с членами предложения, не являющиеся членами предложения и выражающие отношение говорящего к высказываемой мысли, а также обладающие интонацией вводности» [138, с. 181]. Рассмотрим мнение учёных относительно семантических групп вводных конструкций.

Одним из первых на семантические особенности вводных конструкций обратил внимание В.В. Виноградов, который считал, что этими словами говорящий выражает отношение к форме и содержанию своего высказывания, и отнес вводные слова к языковым средствам субъективной модальности. «Субъективная модальность охватывает всю гамму реально существующих в естественном языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого» [34, с. 38–79]. Под способами квалификации сообщаемого автор имеет в виду модальные частицы, модальные глаголы, интонацию и другие средства. От того насколько эффективно используются средства и способы субъективной модальности говорящим, зависит его коммуникативная стратегия, его индивидуальность и стиль речи.

По мнению А.И. Аникина, «вводные слова можно разделить на две основные группы: 1) вводные слова, выраженные модальными словами, и 2) вводные слова, представленные другими частями речи». [35, с. 5-33]. Учёный считает, что между вводно-модальными словами и основным высказыванием отсутствует какая-либо синтаксическая связь, так как они выражают отношение говорящего к содержанию высказывания. Вводные слова, в роли которых выступают другие части речи, также не имеют никакой связи с основным высказыванием, хотя поддерживают с ним различные семантические отношения.

Р.А. Каримова выдвигает предположение о том, что, среди вводных слов и сочетаний слов, в зависимости от их значения можно выделить четыре основные группы. Особое внимание уделяется вводным словам с модальным значением, выражающие степень достоверности высказывания. «Особенность данной семантической группы вводных конструкций заключается в том, что составляющие ее вводные слова и сочетания слов принимают участие в выражении модальности сообщения» [61, с. 137]. В данном утверждении речь идёт о том, что вводные конструкции данной семантической группы указывают на степень достоверности, уверенности, вероятности или возможности того, что сообщается. В качестве примеров можно привести такие вводные единицы, как, *пожалуй, в каком-то смысле, безусловно, некоторым образом* и т.п.

Вопрос субъективно-модальных значений упомянут и в учебнике «Русская грамматика – 80». В нём представлены сведения о многогранности значений данных единиц, количестве групп и некоторой их близости с модальными частицами: «Круг субъективно-модальных значений, выражаемых вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями, близок к кругу значений, выражаемых модальными частицами, но полностью с ним не совпадает» [121, с. 174]. Идея заключается в том, что в большинстве случаев вводные конструкции используются параллельно с модальными частицами, обладающими субъективно-

модальными значениями, но в более ограниченном объёме, так как не могут функционировать изолированно. Несмотря на то, что вводно-модальные слова и модальные частицы выражают субъективно-модальные значения, по своей форме и степени свободы в тексте не совпадают.

В классификациях вводных конструкций наблюдается незначительная разница в количественном соотношении. В учебнике В.В. Бабайцевой и Л.Ю. Максимова представлена классификация, состоящая из восьми функционально-семантических групп вводных слов, словосочетаний и предложений. Авторы учебника считают, что группа со значением уверенности выражает достоверность сообщения или факта, а группа со значением неуверенности - предположение и допущение. Подобные явления характерны для вводных конструкций, которые и представляют значение субъективной модальности. Данные значения выражаются самыми многочисленными группами языковых единиц, среди которых доминантой являются модальные слова. В связи с тем, что данные единицы составляют большую часть вводных компонентов, они представлены в самом начале классификации В.В. Бабайцевой и Л.Ю. Максимова: «а) уверенность - *конечно, разумеется, полагаю, бесспорно, правда*; б) неуверенность - *наверное, кажется, вероятно, очевидно, видно, по-видимому*; в) эмоциональная оценка - *к счастью, к несчастью, к сожалению, странное дело*; г) источник сообщения - *по преданию, по пословице, по слухам, по моему, говорят*; д) отношения между частями высказывания - *кстати, к примеру, например, наконец, в частности, главное, между прочим, во-первых*; е) оценка стиля высказывания - *по выражению, короче, другими словами, выскажусь прямой, прямо скажем, говоря образно, честно говоря*; ё) степень обычности фактов - *по обыкновению, по обычаю, бывает, случается, как водится, как всегда*; ж) привлечение внимания к сообщаемому - *видишь (ли), знаешь (ли), помнишь (ли), понимаешь (ли), представь*» [12, с. 166]

Н.С. Валгина также придерживается того мнения, что основной пласт вводных слов и словосочетаний составляют вводные единицы с модальным

значением. Учёный считает, что посредством данных языковых средств говорящий выражает оценку степени достоверности сообщаемой информации - уверенность, предположение, сомнение, неуверенность и т.п.

1. «Большую группу составляют вводные слова с модальным значением, выражающие оценку говорящим степени достоверности сообщаемого (уверенность, предположение, сомнение, неуверенность и т.п.): *конечно, несомненно, безусловно, бесспорно, очевидно, без всякого сомнения, вероятно* и др.» [30, с. 392].

2. «Оценку сообщаемых фактов с точки зрения их обычности выражают вводные слова: *бывает, случается, как водится, как всегда, по обыкновению* и др.» [30, с.392].

3. «Эмоциональную оценку сообщаемого дают вводные слова, выражающие чувства говорящего (радость, удовольствие, сожаление, удивление, негодование и т.п.): *к счастью, к радости, к удовольствию, к сожалению, странное дело, неровен час, чего доброго, как нарочно* и др.» [30, с. 392].

4. «На связь мыслей, последовательность изложения указывают вводные слова: *во-первых, во-вторых, с одной стороны, с другой стороны, наконец, наоборот, напротив, однако* и др.» [30, с. 392].

5. «Вводные слова указывают на приемы и способы оформления мыслей, на экспрессивный характер высказывания: *словом, одним словом, короче говоря, вообще говоря, иначе говоря, так сказать, другими словами, лучше сказать* и др.» [30, с. 392].

6. «Вводные слова указывают на источник сообщаемого: *по словам, по мнению, по сведениям, по-моему, дескать, по моим расчетам, как известно* и др.» [30, с.392].

7. «Особую группу составляют вводные слова, обращенные к собеседнику или к читателю с целью привлечь его внимание к сообщаемому, внушить определенное отношение к излагаемым фактам: *видишь (ли), видите*

(ли), понимаешь (ли), понимаете (ли), пойми, поймите, вообразите себе, извините, простите, пожалуйста и др.» [30, с.392].

Единственное отличие классификации вводных конструкций в учебниках Н.С. Валгиной и В.В. Бабайцевой в их количестве и оно заключается в том, что семантические группы уверенность и неуверенность у Н.С. Валгиной объединены в одну группу, остальные группы имеют незначительные различия в названиях.

Н.В. Адамчик считает, что вводные слова и вводные словосочетания различаются своими девятью значениями. В отличие от классификаций Бабайцевой и Валгиной он отмечает, что «вводные слова ещё могут указывать на оценку меры того, о чём идёт речь (*самое большее, по крайней мере, без преувеличений*), а вводные слова, указывающие на экспрессивный характер высказывания (*кроме шуток, между нами, честно говоря*), выделяет в отдельную группу» [125, с. 633]. Аналогичная характеристика вводным конструкциям содержится в справочном издании «Современный русский язык» Д.Э. Розенталя, в котором наблюдается незначительная разница в названиях и последовательной очерёдности семантических групп [197, с. 363].

Несмотря на то, что имеются некоторые разногласия в количестве и названиях групп, вводные конструкции в плане семантики обобщаются, т.е. все перечисленные их особенности наблюдаются в семи разрядах классификации Н.С. Валгиной

Основной причиной возникновения модальных слов, как отдельной лексико-грамматической группы, стала их специфическая функция в качестве вводных слов. В эту группу входят наречные слова, происхождение которых указывает на их модальное значение, такие как *очевидно, конечно, вероятно*.

Важно отметить, что вводные конструкции могут быть представлены как отдельными словами, словосочетаниями, так и целыми предложениями. Вводные предложения, вводные слова и словосочетания выполняют одни и

те же функции, но вводные предложения обладают более сложной структурой и содержанием.

Вводные предложения выделяются интонационно, отделяясь от остальной речи паузами, более низким тоном и более быстрым темпом речи. Они отличаются от вводных слов и словосочетаний структурно, так как они воспроизводят определенные схемы простого предложения.

Следующее, на что обратили внимание языковеды, - это синтаксические особенности вводных конструкций. Немаловажными являются их отличительные синтаксические признаки: а) функция субъективной оценки в составе коммуникативной единицы; б) автономная синтаксическая оформленность; в) интонационное выделение в составе высказывания [156, с. 171]. Например:

Стало быть, этот немец теперь выезжает, и, *стало быть*, в четвертом этаже, по этой лестнице и на этой площадке, остается только одна старухина квартира... » [174, с. 6]. Данные слова относятся к главному герою романа Родиону Раскольникову, когда он размышляет о состоянии дел относительно лестничной площадки старухины квартиры. Посредством вводного сочетания «стало быть» он выражает своё предположение по поводу квартиры Алёны Ивановны.

Такой же характеристикой обладает следующее предложение, относящееся к автору произведения, в котором носителем субъективной оценки выступает вводное сочетание «должно быть»: *«Должно быть*, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость [174, с. 7]. В этом контексте источником субъективной модальности выступает сам автор, который якобы по выражению глаз героини определяет её подозрительное отношение к Родиону Раскольникову.

Чтобы выработать для себя более конкретную установку по отношению к вводным единицам также важно учитывать разнообразие их форм: а) предложно-падежная форма существительных: *к сожалению*, *к*

счастью, по словам, без сомнения, на радость; б) форма глагола: *надеюсь, думаю, чувствую, считаю, поверь;* в) инфинитивы и деепричастия: *лучше сказать, короче говоря, должно быть, между нами говоря, надо полагать честно говоря,;* г) фразеологизмы: *чего доброго, в конце концов, того и гляди, тем более, не дай бог, не ровен час;* д) наречия и предикативы: *видно, несомненно, во-первых.*

При произношении вводных слов наблюдается понижение голоса и ускорение темпа, а также ощущается их «своеобразная безударность», которая выражается в их монотонности в потоке речи. С точки зрения фонетики такое явление получило название «интонация вводности», которая состоит из интонации включения и интонации исключения. Важную роль при использовании вводных слов играют паузы, которые позволяют выделить их из основного текста и придать им большую значимость.

Аналогичными интонационными установками обладают и вводные предложения. Известно, что и вводные предложения могут находиться в разных позициях по отношению к основному предложению. В середине основного предложения вводное предложение выделяется паузой, низким тоном произнесения и быстрым темпом речи.

Общее содержание любого текста зависит от характера вводных слов. Вводные слова помогают говорящему выбрать определённый ритм для своих высказываний, позволяют регулировать смысловые возможности отрезков коммуникативной единицы. Ещё одной особенностью вводных слов и словосочетаний является то, что они синтаксически подвижны, то есть могут находиться практически в любом месте высказывания, даже в самых сложных синтаксических конструкциях, что способствует изменению модальности любой части высказывания. Такое свойство вводных слов способствует наиболее приемлемой организации текста и адекватной передаче его содержания.

То, что вводные конструкции представляют собой отдельную синтаксическую категорию не вызывает у современных лингвистов никакого

сомнения. Учёные также солидарны в том, что в вводные конструкции используются говорящим с целью выразить своё отношение к сообщению. Иногда они относятся ко всему предложению, а иногда к его отдельным членам. Вводные конструкции не могут быть членами предложения, так как не относятся к предложению, не связаны с членами предложения грамматически.

Существуют стилистически нейтральные вводные единицы (межстилевые), которые могут употребляться в любых текстах вне зависимости от стиля речи. В этом плане наиболее продуктивны слова книжного стиля (*к глубокому сожалению, смею сказать, по всей вероятности, само собой разумеется,*) и разговорного стиля (*знать, мол, чай, видать, видно,*) и др.

Вводные слова, так же как и другие, стилистически окрашенные языковые средства, могут быть разделены на экспрессивные и функциональные. Вводные слова экспрессивного характера служат для выражения дополнительной информации, а именно отношения говорящего к предмету речи. В то же время, функциональные вводные слова характеризуют сферу общения и используются как в разговорном, так и в книжном стилях.

В толковых словарях можно найти стилистические пометы, которые помогают определить экспрессивно-стилистическую окраску вводных слов. Эти пометы указывают на границы использования слова в определенных стилях речи.

Известно, что книжная лексика лишена слов, выражающих различные чувства. В связи с этим в строгих текстах книжной речи не рекомендуется использовать вводные слова с эмоциональной оценкой сообщения. В качестве примера можно привести такие сочетания слов как «к счастью», «к сожалению», «к удивлению», «нечего греха таить» и т.д. Однако они находят свое применение в живом общении людей и в художественных произведениях, поскольку придают речи экспрессивную окраску и

позволяют выразить радость, удовольствие, огорчение, удивление и другие эмоции.

Профессор Г.Я. Солганик в своей книге «Синтаксическая стилистика» по поводу стилистически окрашенных вводных слов пишет следующее: «Стилистически окрашенные вводные слова не закреплены за функциональными стилями, их дополнительная окраска ориентирована на тип речи - разговорный или книжный» [140, с. 39]. Автор имеет в виду то, что вводные слова такой категории не могут относиться к какому-либо конкретному стилю, их применение зависит от языковой ситуации, в которой они используются.

Вводные единицы находят своё применение в различных функциональных стилях благодаря их разнообразной семантике. Их функциональное использование зависит от стилистических возможностей в зависимости от значения вводных слов, типа речи, стилевой окраски и особенностей контекста высказывания.

«В разговорной речи широко используются вводные слова, выражающие: а) эмоциональную оценку высказывания (*к счастью, к несчастью, на беду, чего доброго*); б) оценку говорящим степени достоверности высказывания (*конечно, кажется, без сомнения, само собой*); в) призыв к собеседнику с целью привлечь его внимание (*послушайте, согласитесь, знаете ли, сделайте милость*)» [140, с. 39].

Лексика разговорного стиля используется в неформальной, непринуждённой обстановке общения и отличается эмоциональностью, образностью, конкретностью и простотой речи. В этом стиле редко используются: а) выражения, указывающие на порядок и связь мыслей (*во-первых, наконец, в частности*); б) выражения, характеризующие отношение к способу выражения мысли (*по выражению, прямо скажем, иными словами*).

Таким образом, результаты анализов показали, что вводные конструкции в русском языке:

- выражают отношение говорящего к форме и содержанию своего высказывания, то есть принимают участие в выражении субъективной модальности сообщения;

- несмотря на некоторые разногласия в количестве и названиях групп, в плане семантики обобщаются, т.е. все перечисленные их особенности наблюдаются в семи разрядах классификации Н.С. Валгиной;

- по составу могут быть словами, словосочетаниями и предложениями;

- с точки зрения морфологической принадлежности выражаются модальными словами, другими частями речи, а также фразеологическими оборотами;

- характеризуются своеобразной интонацией, которая выражается в понижении голоса и быстром произнесении по сравнению с остальной частью предложения, а также в своеобразной безударности.

- используются в различных функциональных стилях, и их использование определяется их семантикой, стилевой окраской, типом речи и контекстуальными особенностями высказывания.

1.3 Особенности вводных единиц в таджикском языке

Вопрос о вводных словах, как важнейших единицах синтаксиса, привлекал внимание исследователей таджикского языка с 60-х годов XX века. Существенный вклад в исследование структурных, семантических особенностей, коммуникативных и прагматических свойств вводных конструкций внесли И. Норова, Ф. Зикриёев, Ш. Рустамов, Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Ниёзи и М. Норматов. В работах этих ученых поднимается и анализируется круг вопросов, связанных с изучением вводных слов и сочетаний, семантико-синтаксическими признаками данных единиц в таджикском языке.

В таджикском языке вводные конструкции могут быть выражены словами, словосочетаниями и предложениями. И. Норова отмечает: «Вводные слова и сочетания в таджикском языке, служат для выражения субъективного отношения говорящего к высказываемой мысли. Они не могут

быть членами предложения и не имеют грамматических отношений с членами предложения, но придают ему различные оттенки значения» [171,с.51]. Например: «Латиф, **умраш дароз бод**, бачаи ношудак, **ба қавли гапе**, ошолуд» [185, с. 4]. Соҳибаи хона вайро ҳар кор карданӣ бошад ҳам, **ӯ, аслан**, аз ҳеч як соҳибхона наметарсид [180, с. 4]. **Бо вучуди он**, ин дафъа ба кӯча баромада ҳатто худӣ **ӯ** аз тарси вохӯрдан бо қарзхоҳаш маҳви хайрат гашт [180, с. 5].

Другой таджикский языковед Ш. Рустамов приводит более примитивное определение: «Вводными называются слова, выражающие отношение говорящего к сообщаемому» [168, с. 117]. Такое определение несколько упрощает первоначальное усвоение вводных слов, но оно явно недостаточно для конкретной теоретической установки по отношению к данным единицам. Например:

Хушбахтона, Зебӣ пас аз муддате ба роҳ бозгашт (С. Улуғзода). **Эҳтимол**, то рафтани шумо онҳо гӯсфандонашонро ба чаро гирифта бароранд (С. Айнӣ). **Воқеан**, ман аз ҳад зиёд варқосӣ мегӯям. Аа он сабаб ҳам ба коре азм намекунам, ки мелаққам [180, с. 5]. (4) ...Ҳамту ба хотири хаёлҳои рангинам худро тасалӣ медиҳам; ҳамаи ин хаёлбандӣ асту бас. Ҳа, **дарвоқеъ**, хаёлбандӣ аст!» [180, с. 5]. Аммо дере нагузашта **ӯ** гӯё ба андешаҳои чуқуре **фурӯ** рафт, **аниқтараш**, ҳатто гӯё ба як навъ ҳолати мадхушӣ афтод ва ба давру пеши худ нимнигоҳе накарда, ҳатто ба давру пешаш нигоҳ кардан ҳам нахоста, ба роҳаш давом кард [180, с. 5-6]. **Аз афти кор**, чавон ба пиразан нигоҳи дигар хели махсусе карда буд, ки дар чашмонаш банохост боз ҳамон ифодаи шубҳа пайдо шуд [180, с. 8]. **Ба хаёлам**, бояд дар куттии болои ҷевон бошад, - тахмин мекард **ӯ** [180, с. 10].

Таджикский языковед М. Норматов представляет наиболее подробное определение вводных слов и словосочетаний, поскольку последующие исследования и наблюдения показали, что в процессе развития таджикского языка вводные слова и словосочетания совершенствовались, пополнялись и приобрели новые функции: «Вводные слова не являются членами

предложения, они не имеют синтаксических отношений с членами предложения, поэтому к ним нельзя поставить вопрос от членов предложения, так как. выражают отношение говорящего к высказанной мысли» [170, с. 177]. Такое толкование исследуемых единиц наводит на мысль, что вводные слова и сочетания добавляются к основному предложению различные оттенки значения и делают его более ясным и точным.

В таджикском языке вводные слова, словосочетания и предложения не могут иметь синтаксическую связь с предложением. Кроме того, такие слова придают высказыванию дополнительную характеристику и могут исправлять или уточнять его. Вводные слова и сочетания не входят в состав главного предложения, они выступают в качестве дополнительных слов. Несмотря на то, что вводные слова выражают характер мысли говорящего, они не способны изолированно выражать мысли и находятся в составе главного предложения. Например: «**Афсӯс**, ки ман дар он рӯзҳо бинобар тангии вақт аз баёзи Савдо чизеро навишта гирифта натавонистам ва фақат ба мутолиаи сар-сарӣ қаноат кардам ... » [б - А]. В этом предложении сначала выявляется причина сожаления говорящего, затем, если опустить вводное слово «афсӯс», то нельзя установить, с каким чувством (радость или сожаление) говорящий выражает свое мнение.

В следующем предложении вводное словосочетание «аз рӯи қавли Абдузоҳир» указывает на источник сообщения, то есть говорящий ссылается на чужую мысль. Данное словосочетание выражает субъективную модальность, при его отсутствии высказывание приобретает признак объективной модальности, в которой отражается отношение сообщаемого к действительности: «**Аз рӯи қавли Абдузоҳир**, аҳолии шаҳр, ки як моҳ боз дар орзуи дидани сангсоркунӣ аз кӯча ба кӯча ва аз майдон ба майдон медавидаанд... » [б - А].

Следует отметить, что одни и те же слова могут выступать и в роли вводных слов и в роли членов предложения. Лишь в предложении вводные слова и сочетания приобретают признак вводности, так как слова

употребляются с разными значениями в разных предложениях. Из этого следует, что в таджикском языке, как и в русском, одни и те же слова в разных контекстах могут употребляться как в роли вводных, так и в роли других членов предложения.

По этому поводу авторы Грамматики таджикского языка 1955 года Б. Ниёзмухаммадов и Ш. Ниёзи выдвинули весьма точную формулировку: «Слова могут быть вводными в том случае, если они не являются непосредственно членами предложения»:

- *Масалан, хӯчаини мо сояи вайро аз девор метарошад* (Раҳим Чалил, Одамони човидон).

- *Одатан, ман баъд аз сер кардани шикамам қаҳ-қаҳ зада механдам ва ба ҳар сӯ даво-давӣ мекунам, - ҷавоб дод Шағол* (К. Наимӣ «Афсонаҳо»).

Гуфт рӯбаҳ: «Зи ҳосили пурмағз

Масалан, лаблабуи қандӣ нағз». (А. Баҳорӣ «Ошноҳо»).

Саркашона накардаед адо

Масалан, хаспулӣ, аминона. (М. Гурсунзода).

Чудой ба ҳар ҳол, мушкил, *хусусан:*

Зи чонон чудой пас аз ошноӣ. (С. Айнӣ «Одина»).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в плане определения и установления лингвистической природы вводных слов между учёными особых разногласий нет, всё сводится к тому, что вводные слова грамматически не связаны с основным предложением, т.е. к основной информации никакого отношения не имеют, а лишь придают ей различные смысловые оттенки.

Таджикские языковеды обратили внимание на различные аспекты изучения вводных слов. Стоит отметить, что они также заинтересовались вопросом установления связи между вводными словами и структурой основного предложения. Предметом исследований стали такие аспекты

вводных слов как их состав, значение, морфологические характеристики, интонация и стилистические особенности вводных слов.

Исследования вводных единиц по составу показали, что в таджикском языке, аналогично русскому языку, можно выделить три типа исследуемых единиц: отдельные вводные слова, вводные словосочетания и вводные предложения. Исследуя этот аспект, И. Норова делает следующие замечания о количестве и структуре вводных слов и сочетаний: «Исследования показывают, что количество вводных слов и сочетаний в таджикском языке очень велико и сильно отличается по структуре» [171, с. 53]. По мнению исследователя самыми распространёнными среди вводных слов и сочетаний являются: а) простые вводные слова (*инак, масалан, афсӯс, воқеан, ростӣ и др.*); б) вводные слова с предлогами и без предлогов (*ба фикрам, мутаасифона, баръакс, аз афташ*); в) составные слова и вводные словосочетания (*аз афти кор, ба назари ман, гуфтагӣ барин*).

М. Норматов классифицирует вводные конструкции в зависимости от их состава в четыре группы: «Вводные единицы встречаются в форме слов, сочетаний, словосочетаний и даже предложений» [170, с. 178]. В образовании вводных единиц немаловажную роль играют предлоги, послелого и союзы, при их помощи формируется большое количество вводных конструкций. Учёный предлагает следующий перечень вводных слов по составу:

а) вводные слова: *албатта, аҷаб, воқеан, афсӯс, дарег, ниҳоят, дуруст, асосан, масалан, инак, хайрият, хуллас, хӯш, шояд* и др. Например: Раскольников ба мансабдор пайваста назар меафканд. Вай, **албатта**, боз аз он сабаб ҳам пайваста менигарист. ки худи мансабдор низ ба сӯи ҷавон бо исрор назар медӯхт ва аён буд, ки вай ба гап сар кардан бо ҷавон майлу рағбати калоне дорад [180, с. 14]. – Ман ба шумо баъди ду-се рӯз, **шояд**, боз як чиз биёрам, Алёна Ивановна ... аз нукра ... кори калон ... як қутии папирос ... ҳамин ки вайро аз ҷӯраам гашта гирифтам, мебиёрам [180, с. 11]. Ва, **ниҳоят**, баъди баромадан ба кӯча, ӯ нидо дардод: «Ё парвардигор! Ин қадар

нафратовар аст ҳамаи ин! Ва находки, наход, ки ман... не, ин гапи намешудагӣ, ин гапи бемаънӣ! - боз гуфт *ӯ* бо катъият [180, с. 11];

б) вводные сочетания: *ба фикрам, ба гумонам, аз афташ, ба ростӣ, ба туфайли, дар ҳақиқат, дар охир, ба қавле, афсӯс ки, гуфтагӣ барин, мумкин аст, дуруст аст* и др. Например: Ба суханпардозихо ҳам, **аз афташ**, дар натиҷаи одат намуданаш ба сӯхбат дар майхонаҳо бо ҳар хел одамони ношинос майлу рағбат пайдо карда буд [180, с. 17]. Баъзан кас ҳатто зик мешавад. **Ба ростӣ**, гумон карда будам, ки аз шумо ягон гапи тоза мешунавам [180, с. 551]. **Дар ҳақиқат**, дар сару либоси вай, ҳатто дар мӯйҳояш хасу хошок чо-чо часпида монда буд [180, с. 16];

в) вводные словосочетания: *аз афти кор, аз ин ҷумла, ба ҳамин тариқ, аз рӯйи шундаи, ба ибораи дигар, беҳуда нест ки, дурӯғ нашавад* и др. Например: **Аз афти кор**, Мармеладов дар ин чо кайҳо боз одами маълуму машҳур буд [180, с. 17]. Бақияш чилупанҷ тин, бо панҷтиниҳои сиёҳ, ана, марҳаматт бигиред, **ба ҳамин тариқ**, Родя, акнун сарутани ту обод шуд, чунки, ба ҳаёли ман, пальтои ту на ин ки боз хизмат мекунад, балки ҳатто ҳар намуд алалхусус босалобат аст: ана ҳамин аст фоидаи либос фармудан ба Шармер! [180, с. 156] Ман он қадар ҳам одами аблаҳ нестам... ҳарчанд, **аз тарафи дигар**, ҷангу ҷанҷол ва занозанӣ ҷой дорад... яъне ки дар оянда барҳам меҳӯрад, аммо ҳоли хозир, ҳанӯз ҳаст... туфу! сабил! Сари касро гаранг мекунед-да! [180, с. 431];

г) вводные предложения: **Маълум мешавад, ки** боз ягон хел сандуқча, ё худ ягон ҷои дигар будааст [180, с. 10]. – Раскольников ба издиҳом одат накарда буд, **ва чунон ки дар боло гуфта гузаштем**, аз ҳама гуна ҷамъият алалхусус вақтҳои охир канораҷӯӣ мекардагӣ шуда буд [180, с. 13]. **Чуноне ки дар боло қайд шуд**, дарстайёркунии мо рӯзона дар ҳуҷраи Абдухалил Махдум ташкил меёфт (С.Айнӣ). **Назар ба маълумоте ки ман баъд аз чанд моҳ гирифтам**, *ӯ* дар замони хурдсолиаш саҳҳоф (муқовасоз) будааст (С.Айнӣ). Ҳоло ин кор, **чунон ки навакак гуфтам**, «аз бекорӣ кадуқорӣ» аст (С.Айнӣ).

Приблизительно такого же мнения придерживаются авторы учебника «Таджикский язык: Синтаксис» Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Рустамов: «Не только слова, но и словосочетания и предложения могут быть вводными, функционально они не отличаются от вводных слов, выражают отношение говорящего» [168, с. 117].

По мнению Ф. Зикриёева, вводные слова и сочетания в основном выражаются морфологическими средствами, однако встречаются случаи, когда обращение может быть использовано в качестве вводного компонента. Например: Саломат бошед, **бикачон**, - гуфт оймулло, - ин духтари ширин аз кучо? [182, с. 29] Чаноби мӯхтарам, чаноби мӯхтарам! - хитоб намуд Мармеладов, худро ба даст гирифта, - **эй аълоҳазрати ман**, шояд ҳамаи ин гапҳои ман ба шумо ҳам хандаовар намояд, чунон ки ба дигарон хандаовар менамояд, шояд ман бо ин дама гапҳои аҳмақонаам дар бораи ҳама иҷтирокчиҳои ҳаёти оилавиам шуморо фақат нороҳат кунонда истода бошам, аммо барои ман хандаовар нест! [180, с. 26]. Лутфан бигӯед, **йигит**, оё шумо ягон вақт... ҳм... лоақал бе ягон умедворӣ қарз пурсида будед [180, с. 17]. Гӯш кунед, **таксир**, ман, - гуфта ба гап сар кардӣ, бо фосила ва бо тамоми қувва ҳашму ғазабашро фурӯ нишонда, вале ба ҳар ҳол нафастанг шуда ва ҳашшос зада, - ман аз ин пештар ҳам, баробари ин ҷо даромаданам, пай бурда будам, ки ба шумо маъқул нестам, аммо қасдан ин ҷо мондам, то бином ки баъд ҷӣ мешавад [180, с. 181]. Лутфан, ба ҳамин суол ҷавоб диҳед, **йигит**: оё шумо метавонед... Не, ин тавр не, инро пурқувваттар ва равшантар карда мегӯям: оё шумо метавонед, оё шумо чуръат доред, ки ҳозир ба ман нигариста гӯед, ки ман ҳайвонам? [180, с. 18] Дар хонаи занакӣ кушташуда шумо, таксирам, соати даҳи шаб, не, ҳатто соатҳои ёздаҳи шаб ҷӣ кор мекардед, гуфта мепурсидам [180, с. 408]. Бигурезед, **йигитча!** Балки ҳанӯз фурсат ҳаст. Ман аз таҳти дил мегӯям. Ҷӣ, пул надоред? Ман раҳпулӣ медиҳам [180, с. 570].

Таким образом, из перечисленных классификаций вводных слов по составу больше всех нам подходит классификация, предложенная М. Норматовым, в которой он выделяет четыре группы вводных единиц. И.

Норова, хотя и придерживается такого мнения, подразделяет вводные конструкции в три группы по составу, объединив составные слова и вводные словосочетания в одну группу. Также необходимо учитывать участие обращений в образовании вводных единиц.

Рассмотрим следующий аспект изучения вводных слов, т.е. значение (функционально-семантические группы). И. Норова предлагает самую подробную классификацию вводных конструкций среди исследователей, так как ее исследование полностью посвящено этому аспекту:

1. Вводные слова, выражающие различные чувства:

а) «радость: *хушбахтона, хайрият, ҳар чи и др.*» [б - А]. Например: **Ҳар чи**, барои гуфтугузор мавзӯ тайёр буд ва ӯ фавран ба хамин мавзӯ часпид [180,с. 251] Инро гуфта ӯ дар миёнҷои пиёдагард, **ки ҳарчӣ ин дафъа хилват буд**, сари зону истод - Бас кунед, илтимос мекунам, шумо чӣ кор мекунад? - Пульхерия Александровна, бағоят ба изтироб афтода фаръед кашид [180,с.238]. **Ба бахти ӯ**, дар пеши дарвоза ин дафъа низ касе набудааст [180,с.89];

б) «сожаление: *афсӯс ки, муттасифона, ҳайфо, ҳайф ки, ҳайф аст, дарего и др.*» [б - А]. Например: Ман ба пеши меҳмонҳо амакамро монда меравам; вай одами бебаҳо; **Афсӯс, ки** ту бо вай ҳоло шинос нашуда меравӣ. Хайр, бало ба паси ҳамаи онҳо [180, с. 225]. Бисъёр, бисъёр фикри ғалатӣ, аммо... аслан, диққати маро ин қисми мақолаи шумо не, балки баъзе фикру мулоҳизаҳои шумо ба худ кашид, ки шумо онҳоро дар поёни мақола баён кардаед, аммо, **мутаассифона**, танҳо бо ишораҳои норавшан баён кардаед... [180, с. 302-303]. Ӯ гуё акнун, **қасд кардагӣ барин**, инро фаромӯш карда буд: «Худоё! Ту ба ман фақат хаминро гӯй: оё онҳо ҳамаашро медонанд ё худ ханӯз намедонанд? [180, с. 151];

2. «Вводные слова, выражающие источник сообщения: *ба фикри шумо, назар ба қавли, ба фикри ман, мувофиқи гуфти, ба назари мо и др.*» [б - А]. Например: **Ба фикри ман**, дар ҳамаи ин корҳояш вай бисъёр аз ҳад гузарондааст; аммо, феълу атвори Марфа Петровна хамин хел аст [180, с. 42].

Вай ҳамон рӯзи ба хонаи мо бори аввал омаданаш ман одами хушфёъл гуфт, аммо, **ба қавли худӣ вай**, тарафдори «фикру акидаҳои наслҳои нави мо» ва душмани ҳар гуна хурӯфот будааст [180, с. 43]. Писари шумо маъноӣ ин суҳанҳоро касдан муҳобот кардааст, ба ҳаде ки ба ақли кас рост намеояд, ва маро ба ниятҳои бад доштани муттаҳам мекунад; **ба назарам**, ӯ ин қорро дар асоси мактубҳои шумо кардааст [180, с. 354];

3. «Вводные слова, выражающие уверенность и решимость: *бешубҳа, шубҳае нест, дуруст аст, ҳеҷ шак, бешак и др.*» [б - А]. Например: **Бешубҳа**, Раскольников нав худашро бисёр маълум ва ошқор карда буд, аммо ба ҳар ҳол аз рӯи далел қор ханӯз фаш нашуда буд; ҳамаи ин ҳоло гапи хушқу ҳолӣ буду бас. Лекин оё ҳамааш ҳамин хел бошад, оё вай ҳамаи инро ҳамин хел мефаҳмида бошад? [180, с. 417] Аммо ин гумонаш беасл баромад ва ӯ саҳт ноумед шуд. Ӯ, **албатта**, бурдборона ва қариб бе ҳеҷ эътироз ба ҳамааш, ҳатто ба инаш ҳам тобоварӣ мекард [180, с. 474]. **Дарвоқеъ**, ман ба қарибӣ аз Разумихин қор талабидан меҳостам, то ки вай аз ягон қой дарс ёфта диҳад ё худ ягон қори дигар... - гуфта ба дил мегузаронд Раскольников, - аммо вай акнун ба ман қӣ, ёрӣ карда метавониста бошад? [180, с. 64];

4. «Вводные слова, выражающие предположение, допущение: *эҳтимол, тақрибан, тахминан, ба гумонам, аҷаб, аҷаб аст, шояд и др.*» [б-А]. Например: **Эҳтимол**, ба пушти садҳо ва ҳазорҳо одамон офтоб мерасид; даҳҳо ханадон аз кашшоқӣ, аз парешонӣ, аз фисқу фучур, аз бемористонҳои касалии узви таносул наҷот меёфтанд, - ҳамаи ин қорро ба пули кампир қардан мумкин мешуд [180, с. 80]. **Шояд**, хуб нашуд, ки ман пеши вай даромадам. Худам ҳам намедонам, ки барои қӣ ба пеши вай даромадам [180, с. 607]. - Дурӯғ меғӯям? Хайр, **шояд**, дурӯғ меғуфта бошам. **Шояд**, дурӯғ гуфта бошам. Ин хел чизҳоро ба хошири занҳо овардан намешавад [180, с. 582];

5. «Вводные слова, выражающие взаимозависимость мыслей: *ба ҳамин тариқа, ба ин тариқа, ба ҳар ҳол, ҳамин хел, ин аст и др.*» [б-А]. Например: **Ба ҳамин тариқ**, ӯро лозим омадааст қандин рӯз пайваста ба хонаи ҳамаи

сокинони шаҳр равад, зеро баъзеҳо ранчидаанд ки ӯ касони дигарро авлотар доништа аввал ба назди онҳо рафта будааст... [180, с. 42]. Акнун аниқ шудагӣ барин, ки ману Дуња ба Петербург меравем, аммо қай рафтанамодро намедонам, **ба ҳар ҳол**, ба зудӣ, бисъёр ба зудӣ меравем, ҳатто эҳтимол, баъди як ҳафта ба роҳ бароем [180, с. 47]. - Свидригайлов инро мегуфтунду худ бағоят ором ва хунсард менамуд. - Гапро бисъёр кашол додед, - гуфт Раскольников. - **Ба ҳар ҳол**, шумо хеле аз ҳад гузаштед [180, с. 343];

6. «Вводные слова, выражающие порядок мыслей: *якум, дуйӯм, сейӯм, аз як тараф, аз тарафи дигар, аввало, дар болои ин, сониян и др.*» [б - А]. **Аввалан**, оё ту, Родяи азизам, пай мебарӣ, ки хоҳари ту якуним моҳ ба ин тараф хамроҳи ман зиндагӣ мекунад ва мо дигар аз ҳам ҷудо намешавем [180, с. 38]. Дунечка ана ҳамин хел карданӣ ва ман ба ин фикри вай комилан розӣ ҳастам. **Сониян**, барои он нагуфтем, ки ман бисъёр мехостам дар вақти ба ҳамдигар дар оянда вохӯрданамон туро бо вай дар як ҷо гузорам [180, с. 46]. **Аз тарафи дигар**, навҷавононе хастанд, ки пуштибону мададгори надоранду беҳуда нобуд шуда мераванд, дар ҳама ҷо ҳазорон-ҳазор аз ин гуна навҷавонон хастанд [180, с. 343];

7. «Вводные слова, выражающие итог, результат и вывод: *кӯтоҳ карда гӯем, хулоса карда гӯем, гапро кӯтоҳ кунем, хуллас, хулоса, қисса кӯтоҳ, ба билҷумла, хулосаи калом и др.*» [б - А]. Например: **Хулласи калом**, Родячони ширин, ин мактуб ҷунон риккатовар ва ҷунон олиҳимматона навишта шудааст, ки ман вақти онро хонданам дунгос зада гиристам ва то ин дам онро бе оби дида хонда наметавонам [180, с. 41]. **Қисса кӯтоҳ**, ман ҷӣ хел духтар будани хоҳаратонро фаҳмида гирифтаам, барои ин аз худам хурсандам [180, с. 558]. **Алқисса**, ба муомилаи нағзу олиҷанобонаи ҳамсари ҷаноби Свидригайлов - Марфа Петровна ва ҳамаи аҳли хонадон нигоҳ накарда Дунечка бисъёр азоб мекашад, алалҳусус вақте ки ҷаноби Свидригайлов аз руи одати кӯҳнаи дар полк пайдо кардааш маст мешуд... [180, с. 39];

8. «Вводные слова, выражающие связь мыслей: *масалан, инчунин, дар баробари ин, ҷунонӣ и др.*» [б-А]. Например: Ана, **масалан шумо**, пешакӣ

медонед, нағз медонед, ки фалон кас, фалон гражданини некӯкортарин ва хайрхохтарин ба ҳеч вачҳ ба шумо пул қарз иамедихад, чунки вай барои чӣ бояд пул қарз диҳад? [180, с. 17]. Домод, **масалан**, даставвал ба назари ман ҳам одами тундфеъл намуда буд; лекин охир ин тундхӯии вай маҳз аз сабаби он сар мезанад, ки вай одами кушодадил аст, аслан, ҳамин хел аст вай [180, с. 44]. **Инак**, ҳамин ки вақту соаташ расид, оҳистекак ба ошпазхона даромада, табарро гирифта, баъд аз он, пас аз як соат (баъди тамом шудани ҳама кор), табарро боз ба чояш гузошта метаванист [180, с. 85]. Ҳамин лаҳза падараш, ки кайҳо инчониб аз паси вай медавид, вайро медораду, **ниҳоят**, аз байни одамон гирифта мебарорад [180, с. 72];

9. «Вводные слова со значением привлечения внимания: *мебахшед, намебинӣ, медонӣ, маъзӯр медоред и др.*» [б - А]. Например: Ниҳоят ҳама корро тамом карда баромада рафтани шуда дарро мекушодам, — не, истед, **мебахшед**, боз пеши хизматчӣ бармегаштам, фалон чизро ба ман фахмонда диӯед мегуфтам, ман айнан ана ҳамин хел мекардам! [180, с. 194]. **Медонӣ**, вай он чо бо оббозӣ худашро табобат мекардааст; онҳо он чо як чашмаи обаш хунук доранд, вай дар ҳамон чашма ҳар рӯз оббозӣ мекардааст. Ҳамон рӯз ба об даромадан замон кораш тамом мешавад! [180, с. 268] – **Маъзӯр медоред**, ман ҳам одами бефаросат, - саҳт карда гапи ўро бурид Разумихин, - бинобар ин ҳам биед бас кунем [180, с. 177];

10. «Вводные слова, выражающие просьбу и цель: *набошад, ҳеч набошад, ҳар чӣ бошад и др.*» [б - А]. Например: Оё ба ягон чои хеле дуртар, **ҳеч набошад**, боз ба қазираҳо рафта ва дар ягон чои хилват, дар бешазор, ба таки ягон хел бутта ҳамаи ин чизхоро гӯр кунаду ҳамон дарахтеро, ки дар такаш гӯр кардааст, дар хотир нигоҳ дорад, бехтар нест?» [180, с. 129] Охир далел ҳоло ҳама чизро ҳал намекунад; **ҳеч набошад**, нисфи барори кор ба он вобаста аст, ки кас ин далелхоро чӣ хел истифода мебарад! [180, с. 161] - **Набошад**, худо мушкили маро осон кардааст: ҳафтаи гузашта маро ба Порфирий шинос кунон гуфта аз чонам безор карда буд, акнун худатон ҳамдигаратонро ёфтаедон... [180, с. 292] Дили ман аз Петр Петрович ҳамеша

пур буд, - ба суханаш давом мекард Катерина Ивановна, ба Раскольников мурочиат карда - **хар чӣ ҳам бошад**, албатта, ба вай монанд не... [180, с. 452];

11. «Вводные слова, выражающие уверенность в своих словах: *дар ҳақиқат, ҳақиқатан, хуб аст, дуруст аст, ҳаққо, рост и др.*» [б - А]. Например: **Дар ҳақиқат**, дар сару либоси вай, ҳатто дар мӯйҳояш хасу хошок чо-чо часпида монда буд [180, с. 16]. **Аз як чихат хуб аст, ки** вай маро қариб девона хисоб мекунад», — ба дил гузаронд Раскольников [180, с. 266]. Ман ҳамаашро бо гӯши худам шунидам, ман қасдан барои ҳама гапро фаҳмидан гӯш мекардам, **чунки рости гап**, ҳозир ҳам ҳеч ба ин ақлам намерасад, ҳозир ҳам ин рафторатон чандон бомантиқ нест... [180, с. 467];

12. «Вводные слова, выражающие удивление, недоумение: *ачабо, ё алҳадар, наҳод, во ачабо, мабодо и др.*» [б-А]. Например: **Ачабо**, агар инро гӯяд, эҳтимол, ҳеч кас бовар нам-акард, аммо ӯ дигар ғами тақдири худро чандон намехӯрд, ҳаёти ман акнун чӣ мешуда бошад, гуфта бисъёр фикр намекард, фикр кунад ҳам, бо хавоси парешон ва безътиной фикр мекард [180, с. 543]. Ва, ниҳоят, баъди баромадан ба кӯча, ӯ нидо дардод: «Ин қадар нафратовар аст ҳамаи ин! **Ва находки, наҳод, ки** ман... не, ин гапи намешудагӣ, ин гапи бемаънӣ! - боз гуфт ӯ бо катъият» [180, с. 11]. «— **Во ачабо**, охир ман ба кучое равон будам! Мактубро хондан замон ба роҳ даромадам... » [180, с. 62] - **Боз мабодо**, агар... вайро акнун магар танҳо монда мешавад? Рафта худаширо ба об партояд чӣ?.. Оббо кори хато кардам-да! Мумкин нест!» [180, с. 200];

13. «Вводные слова со значением напоминания, предупреждения: *дар воқеъ, воқеан, гуфтагӣ барин и др.*» [б - А]. Например: **Дар воқеъ**, ин як манзараи ачибе буд, ки диққати мардуми кӯчаро ба худ кашида метавонист [180, с. 501-502]. **Воқеан**, дар байни хабариён Порфирий Петрович ва Зосимов ҳам буданд [180, с. 631-632]. Шумо дар киноя бисъёр бало будаед. Хайр, дигар гап намезанам! Ҳа, **воқеан**, аз гап гап мебарояд, аз фикр - фикр, — шумо нав аз хусуси расму қоида гап задед, ёд доред, доир ба пурсиш... [180, с. 396].

14. «Вводные слова со значением подчёркивания, акцентирования: *махусан, алалхусус, хусусан, баръакс и др.*» [б - А]; Дарвоқеъ, Раскольников қариб батамом сиҳат-саломат буд, **алалхусус**, нисбат ба дирӯза, фақат хеле рангпарида, парешонаҳвол ва андӯҳгин менамуд [180, с. 261]. Шояд шумо гумон карда бошед, ки ман аз рӯи ғараз ба шумо чоплюсӣ мекунам, **хусусан барои он ки ба хоҳаратон қор дорам**, инро худам гуфта будам [180, с. 333]. Агар ба гайр аз ишқу муҳаббат боз иззату эҳтиром ҳам набошад, **баръакс**, аллақай нафрат, қароҳат, беэътиной бошад чӣ, он гоҳ оқибаташ чӣ мешавад? [180, с. 54]

15. «Вводные слова со значением объяснения, разъяснения: *яъне, қанӣ, охир, набояд ки, бояд ки*» [б - А]; Аз чӣ бошад, ки вай бо Разумихин ошно шуд, **яъне**, ошно нашуда бошад ҳам, бо ӯ андак унс гирифта буду қушоду равшантар гап мезад. [180, с. 63] **Қанӣ**, Софья Семеновна, акнун чӣ мегуед?» гуфта хитоб карда буд, аз афташ, ҳанӯз зоҳиран дар айни авҷи рӯҳбаландию бардамӣ, ситезачӯӣ буда, нашъаи ғолиб омаданааш бар Лужин ҳанӯз аз ӯ нарафта буд [180, с. 476]. **Охир**, агар, масалан, ман вафот мекардам ва ин маблағро ба хоҳаратон мувофиқи қонун васият карда бошам, навод вай дар он сурат ҳам аз гирифтани он даст мекашид? [180, с. 343]

16. «Вводные слова со значением противоположности действий: *бо вучуди ин*» [б - А]; Э, акнун ҳар чӣ шуданаш мумкин! **Бо вучуди ин**, ӯ ҳаёлу андешаҳои минбаъдашро бо ваҳму ҳарос аз сар дур мекард ва аз тасаввуроти худ ба тарс меафтад [180, с. 362]. **Бо вучуди ин... бо вучуди ин**, шумо дар ин чо ягон ғараз доштед... Ман акнун ҳамаашро фаҳмидам [180, с. 565]. Шӯҳратпарастиро намегуед, ки дар вай аз ҳама бисъёр аст, шӯҳратпарастӣ ва ҳавобаландӣ, **бо вучуди ин**, боз худо медонад, агар қас дорои фазилатҳои ҳубе бошад... [180, с. 576-577]

17. «Вводные слова, выражающие компромисс, взаимопонимание и благодарность: *болои чаши, қулуқ, ба ҳар ҳол, мумкин аст, ин таъвр бошад*» [б - А]. Например: ...шавҳараш ҳам дар навбати худ бояд ғами хушбахтии Дуяро бихӯрад, мо бошем, алҳол барои шубҳа овардан ба ин мутлақо асосе

надорем, агарчӣ ин кор, **рости гап**, хеле ба зудӣ анҷом гирифт [180, с. 44]. Лекин акнун, **худоро шукр**, ман ба ту пул фиристода метавонам ва умуман, акнун мо худамонро ҳатто таъриф ҳам карда метавонем, ки баҳтамон тофтааст ва ман инро аз шодию хурсандӣ ба ту меғӯям [180, с. 38]. **Ба ҳар ҳол**, Дуња баръало мегӯяд, ки ақлу ҳуши Пульхерия Александровна дар ҷояш нест [180, с. 630].

В классификации авторов учебника «Таджикский язык: Синтаксис» (1976) вводные слова подразделены на шесть основных функционально-семантических групп. Вводные единицы многозначны, наиболее важные из которых перечислены ниже [168, с. 118]:

1. Вводные слова, выражающие решимость, уверенность, убежденность (*албатта, бешубҳа, ҳатман, бегумон, дар ҳақиқат, ҳақиқатан* и др.): **Шодигул, ҳатман**, меояд.

2. Вводные слова, выражающие радость (*хушбахтона, хайрият, ба бахти мо* и др.): **Хайрият**, Шодигул омад.

3. Вводные слова, выражающие сожаление (*афсӯс, мутаассифона, бадбахтона* и др.): **Афсӯс**, Шодигул наомад.

4. Вводные слова, выражающие предположение, допущение (*эҳтимол, дар гумон, тақрибан, тахминан, мумкин* и др.): **Эҳтимол**, Шодигул ояд.

5. Вводные слова, указывающие на порядок мыслей и их связь (*якум, аз як тараф, аз тарафи дигар, ҳамин тавр, ҳамин тариқ, хулоса* и др.): **Ҳамин тавр**, Шодигул омад.

6. Вводные слова, указывающие на источник сообщения (*ба ақидаи ман, назар ба гуфти ӯ, мувофиқи хабари радио* и др.): **Ба фикри ман**, Шодигул меояд.

М. Норматов выделяет восемь функционально-семантических групп вводных конструкций. Он считает, что «вводные слова и сочетания добавляют к мысли различные оттенки значения...» [170, с. 178]. В отличие от И. Норовой и Ш. Рустамова, он приводит наиболее конкретную и содержательную классификацию:

1. Вводные слова и сочетания добавляют к высказанной мысли субъективное отношение говорящего, которое очень разнообразно и выражает множество смысловых оттенков:

а) решимость и уверенность. Это значение выражается словами и сочетаниями *албатта, бешубҳа, бешак, дар ҳақиқат, ҳаққонӣ, одатан, рост, ба ростӣ, рости гап* и др.: Ин суханони Максим Горкий, **бешубҳа**, ба С.Айнӣ таъсири бузург бахшид (А.Маниёзов). Ту, **албатта**, мудохила мекунӣ, роҳ намедиҳӣ (С. Улуғзода). «**Дар ҳақиқат ҳам**, Шокирчон ба қавли худ вафо кард» [б - А]. Рости гап, дар ошъёнаи дуом дари як квартираи холӣ калон кушодагӣ буд ва дар он рангуборчиён кор мекарданд, вале онҳо ҳам ба ӯ нигоҳ накарданд [180, с. 90].

б) соответствие и обоснование. Для выражения этого значения используются слова и словосочетания *аз рӯи одат, расман, аслан, табиист (ки), зотан, ба ҳар ҳол, ба ҳар бобат* и др.: Шумо, **аслаш**, худатон одами хушризқ ҳастед (Ҷ. Икромӣ). **Ҷ аз рӯи одати деринаш**, аз роҳи муқаррарии сайру гаштҳои пештарааш рост ба чониби майдони Сенная равона шуд [180,с.184].

в) сомнение, подозрение, неверие. Это значение чаще всего выражается единицами *эҳтимол, шояд, мумкин, аз афти кор, гумон, тахмин, муқаррар, ба гумонам, яқин, аҷаб* и др.: Рӯз, **ба хаёлам**, рӯзи чоршанбе буд (Р. Ҷалил). **Эҳтимол**, радио шунидан манъ набошад (Ф. Муҳаммадиев). **Ба гумонам**, вай инро бо оҳанги шӯхӣ гуфт (С. Улуғзода). **Эҳтимол**, ман хато кунам, аммо, ба назарам чунин менамояд, ки ман дар ҷавонҳо назари тозаю равшантар, хӯш, назари бештар танкидӣ, яъне кордониро бештар мушоҳида... [180, с.175].

2. Эмоционально-выразительные установки и чувства:

а) радость, счастье, волнение выражаются с помощью единиц *хушбахтона, хайрият, ба бахти мо* и др.: **Хушбахтона**, дилаш аз ин андеша фориғ шуд (С. Айнӣ). **Хайрият**, баъзе вақт ба қишлоқҳо баромада меравад (Р. Ҷалил). Инро гуфта ӯ дар миёнҷои пиёдагард, **ки ҳарчӣ ин дафъа хилват буд**, сари зону истод - Бас кунед, илтимос мекунам, шумо чӣ кор мекунад? -

Пульхерия Александровна, бағоят ба изтироб афтода фаръед кашид [180,с.238].

б) сожаление, упрёк, горе. Эти значения выражаются словами и словосочетаниями: *афсӯс, сад афсӯс, мутаассифона, сад ҳайф, дарез, ҳайҳот* и др.: **Мутаассифона**, то ин дам фаъолияти публитсистии С. Айнӣ аз тарафи мунаққидон ва адабиётшиносони мо ба кулӣ омӯхта нашудааст (А. Маниёзов). «Писар нохуни аз гӯшт чудошуда» мегӯянд дар урф, тьфу! Ман инро ба онҳо нишон меодам! Ман онҳоро хуб боб мекардам! **Сад афсӯс, ки** онҳо вафот кардаанд! [180, с. 432].

в) удивление, просьба, намерение, цель. Для выражения этих значений используются слова *воачабо, аҷиб, навод, аҷабо, илтимос, зинҳор, охир, лоақал, ҳеч набошад* и др.: **Аҷабо**, хамин ки ӯ калиди чевонро ёфта андохт, хамин ки садои чирингос задани калид баромад, гӯё якбора тамоми аъзои баданашро фарошо гирифт [180, с. 94]. Гап зан, **ҳеч набошад**, ба ман дилата холӣ кун (Ҷ. Икромӣ). Худатонро, **зинҳор**, эҳтиёт кунед, ки шамол нахӯред, азизам (Ф. Муҳаммадиев). **Аҷабо**, ӯ ба кучо рафта бошад (С. Айнӣ).

г) верность, уважение, благодарность, признательность. Это значение выражается с помощью слов и словосочетаний *офарин, боракалло, раҳмат, муташаккирам, болои чашим, ба ҷону дил, тоҷи сар, ҷонам садқа* и др.: **Боракалло шер**, ба мо зӯр ёрмандӣ кардӣ (Ф. Муҳаммадиев). **Офарин!** Ман, ошно, хурсанд, мисли пештара ба гап даромадӣ (Ф. Муҳаммадиев). **Шукри ҳақ**, ин ҷо гапро майда карда шиштан асло ҳоҷат нест, ин ҷо тақи гапро гуфтан даркор; аммо агар, ҳар кор аз дасти вай меодада бошад, агар Свидригайлов бо роҳи макру фиребе Дуняро ба доми худ даровардани шавад, - он гоҳ... [180, с. 545].

3. Вводные единицы, выражающие источник сообщения и кому оно принадлежит. Для выражения этих значений используются сочетания и словосочетания *ба шунидам, мувофиқи гуфти шумо, ба фаҳмиши ман, ба гумонам, ба қавле, ба назарам* и др.: **Назар ба қавли Қорӣ Неъмат**, Аҳмадмахдум он дафтарро ба ӯ «ёдгорӣ» гӯён дода будааст (С. Айнӣ).

Масалан, **аз рӯи шундаам**, дар рӯзҳои охир дар Афғонистон вайронӣ рӯй додааст (С. Айнӣ). Ба пурсидан ҳам истиҳола мекунам: агар ягон хизмат бошад, бо чону дил? **Аз рӯи шундам**, модару хоҳаратон омадаанд, ин рост аст? [180, с. 620].

4. Слова и словосочетания, выражающие стиль и порядок речи. Это значение выражается вводными единицами *аз ду сар, ба ибораи дигар, кӯтоҳи гап, мухтасар, умуман, аниқтараиш, дурусттараиш* и др.: **Ба ҳамин тариқ**, маҳаллаи моро Санъатобод меноманд, дурусттараш, ин номи вай не, балки лақаби вай аст (А. Дехотӣ). Бале... ман боз аз хусуси қоида гап мезанам: агар ман ягон касро, ину он, фалону беҳмадонро ҷинойткор донам, **ё аниқтараш**, аз рӯи ягон кор аз вай гумонбар шавам ва ҳамин корро ба ман супорида бошанд... охир шумо ҳуқуқшинос шуданӣ хастед-ку, ҳамту не, Родион Романович? [180, с. 396-397].

5. Связь мыслей и их итог выражается с помощью слов и словосочетаний *хулоса, ҳамин тавр, ба ҳамин тариқ, ниҳоят, оқибат, инак, қисса кӯтоҳ* и др.: **Хулосаи калом**, Одина ба умедвории бисёре дубора ба завод даромад (С. Айнӣ). Мо бисёр кӯчаю пасткӯчаҳоро бурида гузашта, **оқибат**, ба ҳавлии ӯ расидем (С. Айнӣ). **Хулласи калом**, кор бо ҳамин анҷом гирифт, ки ҷинойткорро ба кори дараҷаи дуҷуми каторга ҳамагӣ ба муддати ҳашт сол ҳукм карданд, гуноҳро ихтиёрӣ ба гардан гирифтанд ва нишон дода шудани баъзе сабабҳое, ки гуноҳро сабуқ мекарданд, ба эътибор гирифта шуд, албатта [180, с. 639].

6. Порядок мыслей выражается посредством вводных слов и словосочетаний *якум, аввал, баъд, аз як тараф, аз тарафи дигар* и др.: Ин кор, **аз як тараф**, бисёр харҷ ва ташвиш талаб кунад, **аз тарафи дигар**, ин кори мо дар шаҳр овоза шуда, дар байни мардум хандазор мешавем (С. Айнӣ). Авалаш ин ки, қасди ӯ ба ман равшан набуд, сониян, агар лаб мекушодам, ҳам ба ту бад мешуд, ҳам ба ман (Р. Ҷалил). - **Аввалан**, инро дар кӯча рост истода гуфтан намешавад; **сониян**, шумо гапҳои Софья

Семёновнаро аз даҳони худаш шунавиданатон даркор; **сеюмаш** ин ки ман ба шумо баъзе ҳуччатҳоро бояд нишон дидам... [180, с. 572].

7. Вводные слова и словосочетания со значением подчёркивания выражаются с помощью *хусусан, махсусан, алалхусус, асосан, масалан, баръакс, чунончи, яъне, ба ибораи дигар* и др.: **Масалан**, Яҳёхуча дар ҳар кучо ва ҳар вақт калонноро... кирдорҳои бади онҳоро фош карда мегашт (С.Айнӣ). «Оре, **яъне**, илоҷаш ёфт шуд! Набошад ҳамааш бениҳоят фишор медоду ба танг меовард, гӯё буӯӣ мекарду азоб медод, чунбидан намомонд, майна ҳам гичу гаранг машуд [180, с. 523].

8. Вводные единицы со значением упоминания мысли, привлечения внимания, доброжелательства и солидарности. Это значение выражается словами *дарвоқеъ, воқеан, гуфтагӣ барин, хуб, хайр, аҷаб не, аслан, майлаш, дар ҳар сураат, ба ҳар ҳол, ҳеч қисса не* и др.: **Дарвоқеъ**, Дохунда кори намоёне кард (С.Айнӣ). **Майлаш**, розӣ шуд Малик (Толис). **Воқеан**, аз сӯҳбати мо ба худ шумо низ суде хоҳад расид (Ф. Муҳаммадиев). Охир мову шумо ба ҳар ҳол одамони баодобем; яъне, **дар ҳар сураат**, мо пеш аз ҳама одоби муоширатро бояд риоя бикунем; инро фаҳмидан даркор [180, с. 526].

Таким образом, из всех предложенных классификаций вводных слов по семантике наиболее обширной является классификация И. Норовой, но как можно заметить в ней ощущается чрезмерная раздробленность. В классификации Б. Ниёзмухаммадова и Ш. Рустамова, по нашему мнению, установлены не все основные семантические группы вводных слов. Исходя из этого, можно сделать вывод, что для данного исследования наиболее приемлемой является классификация М. Норматова, так как в ней группы вводных слов приведены более компактно и обширно.

Переходим к рассмотрению морфологической характеристики вводных слов. Вводные слова и словосочетания выражаются различными частями речи. По этому поводу И. Норова пишет: «Вводные слова в таджикском языке выражаются самостоятельными частями речи, союзами и частицами»

[171, с. 55]. Приведём примеры использования частей речи в качестве вводящих слов.

1. Вводящие слова и словосочетания, выраженные существительными: **Дар ҳақиқат**, таби бемор бисёр баланд буд, ба ҳаде ки бо расидани дасташ ба зону аз болои либос гармӣ ба бадани Меҳрмоҳ ҳам гузошт (С. Айнӣ «Дохунда»). **Рости гап**, вай фикр накарда буд, ки ба кисааш ягон чиз андохта меоварад; вай гумон дошт, ки танҳо пул мегирад, бинобар ин, пешакӣ чой тайёр карда намонда буд, — «лекин акнун, ана акнун ман аз чӣ сабаб хурсандам? — гуфта ба дил гузаронд ӯ [180, с. 108].

2. Вводящие слова и словосочетания, выраженные прилагательными: Дар як гӯшаи кабинет, дар тарафи девори акиб, ё худ, **дурусттараш**, дар кунчи девораи тахтагин як дар шинонда буданд, ки ҳозир маҳкам буд: яъне, дар он тарафи девора боз ким-чи хел хонаҳо бояд бошанд. Аммо дере нагузашта ӯ гӯё ба андешаҳои чуқуре фурӯ рафт, **аниқтараш**, ҳатто гуё ба як навъ ҳолати мадҳушӣ афтод ва ба давру пеши худ нимнигоҳе накарда, ҳатто ба давру пешаш нигоҳ кардан ҳам нахоста, ба роҳаш давом кард [180, с. 5-6].

3. Вводящие слова и словосочетания, выраженные числительными: - **Дуйӯм**, барои ин омадам, ки ягона писарамро ба шумо, яъне ба хизмати муҳофизат кардани хоки муқаддасамон пешкаш кунам (Ҳаким Карим, «Ҳикояҳо»). Баъди дуру дароз оби дида рехтанҳои вай мо байни худ даҳонакӣ аҳду паймон бастем: **якум**, ман ҳеҷ год Марфа Петровнаро партофта намеравам ва ҳамеша шавҳари вай машавам; **дуҷум**, бе иҷозати вай ба ҳеҷ кучо намеравам; **сеҷум**, ҳеҷ гоҳ маъшуқай доимӣ пайдо намекунам... [180, с. 555].

4. Вводящие слова и словосочетания, выраженные различными формами глагола: **Мегӯянд**, ки усто Ҳаким беҳтарини риштакашон аст, аммо ман на шахсан худи ӯро медонам ва дар кучо будани дуконашро (С. Айнӣ, Ёддоштҳо). **Ба шумо иқро мекунам**, ҳарчанд хайру эҳсонӣ шахсӣ ба ақидаи ман мувофиқ, намеояд ва, аз ҳамин рӯ, ман ин гуна тарзи хайру эҳсонро пазируфта наметавонам, чунки ин кор бадири батамом решакан

намекунад, балки ҳатто онро мустаҳкам мекунад, аммо бо вучуди ин эътироф накарда наметавонам, ки ба рафтори ҳозираи шумо қоил шудам, — ҳа, ҳа, ин ба ман бисъёр маъқул шуд [180, с. 441].

5. Вводные слова и словосочетания, выраженные наречиями: **Ҳақиқатан**, навиштаҳои он ҷо тамошо дошт: баъзе котибҳои хушнавис бо хати хуби зебо як ё ду байтро аз шоирони гузашта ба девор навишта буданд (С. Айнӣ, Ёддоштҳо). **Алқисса**, ба муомилаи нағзу оличанобонаи ҳамсари чаноби Свидригайлов — Марфа Петровна ва ҳамаи аҳли хонадон нигоҳ накарда Дунечка бисъёр азоб мекашад, алалхусус вақте ки чаноби Свидригайлов аз руи одати кӯхнаи дар полк пайдо кардааш маст мешуд... [180, с. 39].

6. Вводные слова и словосочетания с союзами (большинство из них употребляются с подчинительным союзом «ки»): **Меғуфтанд**, ки ӯ шаммаҳои хушкидаи аз худаш барзиёдмондаро ба бозор бароварда, ба деҳқонони аз сахро омада ҷой гуфта меғурушад (С. Айнӣ, Ёддоштҳо). **Рост аст, ки** синнаш ба чилупанҷ расидагӣ, аммо шаклу шамоилаш, дилаш, ба занҳо ҳам маъқул шуда метавонад, умуман вай одами бағоят босалобат ва боадаб, лекин фаҳат андаке бадқавок ва гӯё ҳавобаланд аст [180, с. 43].

Дареғо, ки бе мо басе рӯзгор,

Бирӯяд гулу бишқуфад лолазор. (С. Айнӣ, Ёддоштҳо).

7. Вводные слова и словосочетания с частицами: **Канӣ**, ошно, - мурочиат кард ӯ ба Ҳамид (Пулод Толис, Ҳикояҳои даҳ сол). Дар зиндон, дар муҳити атрофи худ, ӯ, **албатта**, ба бисъёр чизҳо эътиборе наметод, эътибор додан ҳам намехост [180, с. 638].

Ф. Зикриёев в дополнение к этому в образовании вводных единиц отмечает наличие предлогов (*бо вучуди, монанди, мисли, ба мисли, гайр аз* и др.), междометий (*ҳай-ҳай*), модальных слов и словосочетаний (*албатта, шояд, эҳтимол, махсусан, алалхусус, чунончи, масалан, аз ҷумла, яъне, ба қавли онҳо* и др.), личных и указательных местоимений (*ман, вай, ӯро* и др.), местоименных наречий (*ҳамин тавр*). Этим учёный акцентирует внимание

больше на специфику связи вводных единиц с основным предложением, нежели на морфологическое выражение.

Исходя из представленной информации о морфологических характеристиках вводных слов, можно сделать вывод, что в таджикском языке они могут представляться различными частями речи.

Вводные конструкции в таджикском языке характеризуются интонацией, которая выражается через понижение голоса и более быстрое произнесение по сравнению с остальной частью предложения, а также особой безударностью.

Рассматривая интонацию вводности, И. Норова отмечает следующее: «Вводные слова отличаются от других членов предложения особым произношением. В том случае если вводные слова употребляются без союзов, то они связаны интонацией» [171, с.53-55]. Вводные слова и словосочетания присоединяются к основному предложению, преимущественно, посредством союзов:

Ёдгор ингуна хаёлҳои ширин мекард; **афсӯс**, ки ин корҳо мувофиқи чашмдошти ӯ набаромад (С. Айнӣ «Дохунда»). **Меғӯянд**, ки вай ҷавони дуруст, боақл аст (ин аз фамилияш ҳам маълум, шояд аз семинаристҳо бошад), майлаш, хоҳаратонро эҳтиёт кунад [171, с. 558].

В случае, когда вводные единицы употребляются без союзов, признак вводности выражается интонацией:

Албатта, хонандагон мунтазири онанд, ки бифаҳманд миршаб баъд аз фармони қатъии қӯшбегӣ бо одамони худ чӣ муомила кард ва онҳоро чӣ гуна ҷазо дод (С. Айнӣ «Ёддоштҳо»). Аз чехрааш ҳанӯз аломати беморӣ падида меомад, рангпарида, лоғар ва коҳида буд. Духтар ба Раскольников табассуми ширину шодмандона кард, аммо, **аз рӯи одат**, дасташро ба ӯ бечуръатона дароз намуд [171, с. 543].

Об интонации вводных единиц М. Норматов приводит более подробную информацию: «Вводные слова произносятся особым тоном, поэтому они обособлены от других слов знаками препинания. Если они стоят

в начале предложения, за ними следует запятая, если в середине предложения, они разделяются запятой, а если в конце предложения им предшествует запятая» [170, с. 180]. Например: **Хулоса**, кори деҳқониам имсол тамоман барбод шуд (С. Айнӣ). **Инак**, барои ҳаминҳо дар рӯзҳои охир «усули нави» одамкушӣ ёфта бароварда шуд (С. Айнӣ). Ман ҳам, **албатта**, кабул кардам (С. Айнӣ). Мӯи сар ва ришу мӯйлаби ӯ, **ба қавли ҳудаш**, саду панҷоҳ протсент сафед шудаанд (П. Толис). Асрори зиндагӣ поён надорад, **аз афти қор** (Ф. Муҳаммадиев).

Следует отметить, что аналогическая языковая ситуация существует и в русском языке. В таджикском языке вводные слова и словосочетания в зависимости от тона и произношения обособляются разными знаками препинания (запятыми, тире, скобками, многоточиями). Б. Ниёзмухаммадов и Ш. Рустамов также высказали свою точку зрения на интонацию и знаки препинания при употреблении вводных слов: «Вводные единицы в устной речи отделяются от других членов предложения интонационно, но в письменной речи через запятую» [168, с. 119]:

Аввалан, аз чамъшавии аҳли маҷлис ва саршавии он ин тараф Сабури ба ӯ нигоҳе намекард, **сониян**, суҳанони ӯ, чун маърузақунанда, пурмазмун, бамаънӣ, таъсирбахш буданд (Р. Қалил). Вай, **масалан**, ҳатто шикоят ҳам намекард, ки аз писараш хату хабаре нест, ва ҳол он ки пештар, вақте ки дар шаҳрчаи худ зиндагӣ мекард, фақат ба ҳамин умед зинда буд, ки қай аз Родҷони ширинаш мактуб мегирифта бошад? [168, с. 630]

Рассматривая роль интонации в использовании вводных единиц, Ф. Зикриёев также считает, что вводные единицы и основное предложение посредством интонации объединяются в определенный семантический шаблон. Роль интонации особенно важна, когда лексические или синтаксические средства между основными предложениями и вводными единицами отсутствуют. [165, с. 33]. Например, Ман соли 1936 моҳи сентябр ба сайри Ленинобод (**Хучанди пештара**) рафтаам [179, с. 126]. Акнун азбаски ваъдаҳо додед ва азбаски бе шумо кори мо бисёр аҷиб рафтааст

(шунидед, шунидед!), ман мегӯянд, ба суханони оличаноби шумо бовар мекунам... [180, с. 36].

Таким образом, исходя из мнений таджикских лингвистов по вопросу интонации вводных слов, можно сделать следующие выводы:

- вводные слова и словосочетания произносятся особым тоном;
- вводные слова и словосочетания присоединяются к основному предложению, преимущественно, посредством союзов;
- вводные слова и словосочетания обособляются от других слов знаками препинания (запятыми, тире, скобками, многоточиями).

В употреблении вводных слов и словосочетаний в таджикской классической литературе резких отличий нет. В классической литературе вводные слова и словосочетания в предложении также использовались для выражения разных оттенков значения и отношения говорящего к выражаемой мысли [171, с. 54]. Например,

Ҳар кас, ки надорад ба ҷаҳон меҳри ту дар дил,

Ҳаққо, ки бувад тоати ӯ зоеу ботил. (Хафиз Ширази)

Алқисса, ки аз бими азоби ҳичрон,

Дар оташи рашкам дигар аз дузаҳиён. (Абуабдулло Рудаки)

Как уже упоминалось ранее, вводные конструкции в таджикском языке, аналогично русскому языку, могут состоять из отдельных слов, словосочетаний и предложений. Приступим к рассмотрению самой крупной вводной единицы, которым является вводное предложение. Вопрос вводных предложений в таджикском языкознании рассматривался учёными И. Норовой, Ф. Зикриёевым, М. Норматовым и др.

И. Норова, посвятившая большую часть своей исследовательской деятельности изучению вводных слов и словосочетаний, также дает краткую информацию о вводных предложениях. «Иногда, в зависимости от способа употребления и стиля выражения, не только слова и словосочетания, но и предложения принимают характер вводности и выражают различное отношение говорящего к основной мысли. Такие предложения не имеют

грамматической связи с основными предложениями и придают им разные смысловые оттенки» [171, с. 74]. Например, **Чуноне ки дар боло қайд шуд**, дарстайёркунии мо рӯзона дар хучраи Абдухалил-Махдум ташкил меёфт... (С. Айнӣ «Ёддоштҳо»). Дарди Гулбибӣ, **чунончи дар боло ишорат рафт**, танҳо дарди ҷудой ва доғи ҳичрон набуд (С. Айнӣ «Одина»). Гоҳ-гоҳ кам бошад, ин вазифаро, **чунонки дар боби боло қайд карда шуд**, Қорӣ-Камол, Қорӣ-Наҷм ва Мулло Ҳамиди Савтӣ адо мекарданд (С. Айнӣ «Ёддоштҳо»). Агар дар хонаи «баобрӯи» ту лоақал боз як бор чанчол шавад, ман туро, **чунон ки ба забони олитаборон мегӯянд**, ба ҷугундер мешинонам [181,с.120].

Ф. Зикриёев приводит более развёрнутое определение вводных предложений. В нём он обращает внимание на характер и формирование сообщения, отношение говорящего к сообщению, отсутствие грамматической связи между вводными словами и главным предложением: «Вводные предложения - это такие предложения, наличие которых зависит от основной мысли главного предложения, которую они уточняют, дополняют...; иногда при пояснении основного предложения добавляют к нему новую мысль; выражают разное отношение говорящего к своей или чужой мысли, источнику мысли...; связь с основным предложением обусловлена пояснительным характером; в составе предложения они не отвечают на вопрос, потому что не являются придаточными предложениями» [165, с. 88]. Например, **Чунон ки дар мактаби кӯҳна гуфтаам**, падарам маро дар шашсолагӣ дар мактаби пеши масҷид гузошт [176, с. 92]. Аммо ҳавлии амак (**ака Истадро мегӯяд**) дар канортар, як тарафаш биёбон [181, с. 174]. **Худатон гӯед охир**, бо ҳамин хел як паризоди шонздахро пур накарда, ки аз шарму ҳаёи духтарона ҳарду рӯяш суп-сурх асту аз чашмонаш ашки садоқат ва меҳру муҳаббат мерезад, танҳо нишастан ва шунидани ин гуна гапҳо оё касро девона намекунад? [180, с. 565].

Полностью соглашаясь с вышеизложенным, М. Норматов излагает свою позицию на природу вводных предложений: «Сложные предложения

содержат предложения, которые не имеют прямой синтаксической связи с другими предложениями, но добавляют к предложению различные смысловые оттенки. Такие предложения не существуют изолированно, они встречаются в составе простых и сложных предложений» [170, с. 180]. В отличие от других, учёный отмечает способность вводных слов придавать предложению разные смысловые оттенки в зависимости от коммуникативной нацеленности говорящего.

Вводные предложения используются также для пояснения цели говорящего: **Ҳозир ҳикоятро шунавем, ба шахси ношинос нигоҳ карда, - баъд чӣ шуд?** (С. Айнӣ, Одина). **Ҳамин вақтҳо тухми ниғилистҳо бисъёр шудааст; сабаби ин маълум; худатон гӯед, охир ин чӣ хел замона шуд, а?** [170, с. 621].

Если вводные предложения употребляются в сочетании с придаточными предложениями, то они с большей вероятностью примут форму придаточного определительного предложения: **Аз аввалҳои моҳи феввали соли 1917 сар карда нолиданҳои аз ҳукумати подшоҳӣ аз таҳхонаҳо – аз хонаҳои зери заминӣ ва майдонҳои кушода баромадан гирифт, хиёнатҳои аҳли дарбор, гурусначашмӣ ва ҳаннотии аҳли бозор, хусусан бо тирю дору, яъне бо чони одам спекулантӣ кардани идораҳои ҳарбӣ ва вазири чанг дар ҳар ҷо ошкоро гуфтугузур меёфт** (С. Айнӣ, Одина).

Вводные предложения присоединяются к основному предложению с помощью союзов и интонации. Например, **Дар ин ҷо ҳаминро эзоҳ додан лозим аст, ки қозӣ Сироч додари қозӣ Бадриддин буда, ӯ баршхӯри гузаро буд ва дар ин кор чунон ҳарис буд, ки ҳар вақт дар хонаи худ чандин кутӣ баршро анбор карда мемонд** (С.Айнӣ, Ёддоштҳо). **Агар ягон бои миллионер мебуд, чунон ки дар ҳаққи ширкати бойҳо худ гуфт**, ҳеч дар паи ин гуна корҳо намегашт... (С.Айнӣ, Ёддоштҳо). В первом предложении связь вводного предложения с основным предложением осуществляется с помощью подчинительного союза «ки», а во втором - при помощи интонации.

Среди таджикских исследователей особое внимание уделял вводным предложениям Ф. Зикриёев. Его заслуга заключается в классификации этих единиц по семантическому признаку. По мнению учёного, вводные предложения можно условно разделить на два основных типа в зависимости от их отношения к основному предложению. К первому типу относятся предложения, которые дополняют и обосновывают главную мысль основного предложения, то есть появляются в объективных условиях (кроме основной мысли) для выражения дополнительной информации и объяснения основного смысла. По этой причине их условно можно назвать пояснительными вводными предложениями [166, с. 89]. Например:

Падарам баъди аз ҳавлӣ кӯчидани хешу табор барои бурида шудани пои омаду рафти онҳо ва занони ҳамсоя дарвозаи дарун (**аз дарвозаи хона барӯи хавлӣ бо дари дуйӯм медаромаданд**)-ро кулф зада, калидашро бо худ мебурд... (Х. Ирфон, Дар кулбаи косибон).

Второй тип предложений по отношению к основной мысли показывает эмоциональные оттенки (впечатления, душевное состояние) говорящего и выражает его отношение к порядку выражения мысли, источнику мысли, поэтому такие предложения следует называть модальными вводными предложениями [166, с. 89]. Например: «Латиф, **умраш дароз бод**, бачаи ношудакак, ба қавли гапе ошолуд» [185, с.4]. В данном предложении с помощью вводного предложения «умраш дароз бод» автор выражает чувство жалости по отношению подростка Латиф, упоминая о его неспособности, слабости.

Пояснительные вводные предложения связаны с содержанием основной мысли некоторой логико-синтаксической связью, в силу чего они дифференцируются на следующие виды:

а) вводные предложения, носящие дополняющий характер: Ҳарифи ман байти мазкурро бо қалами қариндош бо хати худ ба коғазе навишта гирифт (**хаташ хеле хуб буд**) [176, с. 193]. Во вводном предложении «хаташ хеле хуб буд» содержится дополнительная информация к основному сообщению.

б) вводные предложения, носящие причинный характер: Боровиков бештарини вақтҳо бо вай тоҷикӣ гап мезад (**вай дар давоми хизмати даҳсолааш дар Тоҷикистон забони тоҷикиро ёд гирифта буд**) (С. Улуғзода, Навобод, с. 11-12). Представленное вводное предложение «вай дар давоми хизмати даҳсолааш дар Тоҷикистон забони тоҷикиро ёд гирифта буд» называет причину сообщения, которое содержится в основном предложении.

в) вводные предложения, выражающие противоречивое отношение: Дар яке аз гаштакҳо як шаб Қорӣ Маҳмуро бинобар хушгапиаш ва Сайид Акбарро ба сабаби талабаи мадрасаи Бухоро буданаш (**харчанд инҳо дар он гаштак аъзо набошанд ҳам**) ба меҳмонӣ хабар карданд [176, с. 139]. Вставленное в этот контекст вводное предложение «харчанд инҳо дар он гаштак аъзо набошанд ҳам» противоречит основной информации, носителем которой является главное предложение.

г) вводные предложения, носящие определяющий характер: «Он кас чӯби ғафси дарози сафедори самақандиро (**сафедореро, ки дар Самарқанд Шамшод меноманд**) рост арра карда, хар кадоми онҳоро ба шакли нова кофта, боз дуяшро бо ҳам бо елим чавс кард [176, с. 68]. И, наконец, очередное вводное предложение «сафедореро, ки дар Самарқанд Шамшод меноманд» уточняет над каким объектом совершается действие.

Модальные вводные предложения, в свою очередь, выражают следующие смысловые оттенки:

1. Субъективное отношение говорящего к предмету обсуждения:

а) выражение уверенности в истине: **Табиист**, ки посбон аз тарси чони худ хомӯш монд [179, с. 95]. В данном примере вводное предложение «Табиист» служит гарантией истинности сообщения, заключающего в главном предложении;

б) выражение недоверия, сомнения, предположения: «Садои паровозҳо, мастона ғазал хонда гузаштани кӯчагардҳо ва гоҳ-гоҳ хунгос зада гиристанӣ зане (**шояд аз хонаи ҳамсоягӣ бошад**) ба гӯш мерасид» [182, с. 402]. В

данном контексте посредством вводного предложения «шояд аз хонаи хамсоягӣ бошад» автор приблизительно предполагает место действия;

в) подтверждение мысли, выраженной в основном предложении: **Дуруст аст**, Саъдӣ ихтироъкунандаи шакли хуби ғазал аст, дуруст аст, Анварӣ дар қасида дурӯғгӯиро ба осмонҳо баровардааст... [175, с. 102] В очередном контексте субъективная модальность предложения выражена вводным предложением «дуруст аст», которое служит обоснованием истинности высказывания;

г) выражение условно-вероятностных, приблизительно-ориентировочных оттенков основной мысли: Сохти мадрасаҳои кӯҳна бо хашамат ва шукӯҳи берунӣ ва тангӣ ва нобобии даруниаш, **агар ин ташбехро хонандагон муносиб донанд**, ба сохти зиндагонии феодалӣ монандӣ дошт... [176, с. 199] В этом предложении вводная конструкция «агар ин ташбехро хонандагон муносиб донанд» носит условный характер, то есть при условии заключающемся во вводном предложении можно прийти к заключению, содержащемуся в сообщении;

д) выражение необходимости и напоминания: «Лекин рафиқ Пӯлод, маъданҳое ки мо аз ин чо ёфтем, **сухан дар байни мо монад**, бағоят зарур буда, захираи калон доранд» [184, с. 378] В этом контексте говорящий с помощью вводного оборота «сухан дар байни мо монад» напоминает своему собеседнику о важности сообщения, о конфиденциальности информации;

е) выражение радости, волнения: ...аз кисаи пиджакам, **шояд бори даҳум бошад**, ордерро гирифта боз хондам (газета «Маориф ва маданият», 11 января 1964 г.); В данном предложении говорящий выражает своё чувство радости вводной конструкцией «шояд бори даҳум бошад», связывая при этом свои действия с содержанием высказывания.

ё) выражение желания, мечты, надежды: «...худатон пир шудаед, **чӣ мешавад**, ки ҳар шаб аз пули худатон яке аз таомҳои дилхоҳатонро пазонда хӯред» [179, с. 167] Данный контекст относится к разряду тех, в которых вводные слова выражают пожелания говорящего. Вводное предложение «чӣ

мешавад», является предверием сообщения, в котором выражаются пожелания говорящего;

ж) выражение ласки и любезности: **Ин аберааш, гардам аз саратон, гуфт Қорӣ...** [179, с. 47] В художественной литературе редко встречаются вводные слова и сочетания со значением ласки и любезности. Однако данный пример носит оттенок ласки и любезности, в котором вводный оборот «гардам аз саратон» выражает чувство нежности и любви;

з) модальные вводные предложения, использующиеся для привлечения внимания слушателя говорящим: **Мо шахтёрҳо, худат медонӣ, ошпаз ё кассоб нестем, ки ишкам монем** [186, с. 28]. Следующий пример - свидетельство употребления вводных предложений как способов привлечения внимания. Говорящий, ссылаясь на осведомлённость собеседника с помощью вводного предложения «худат медонӣ» подчёркивает важность сообщения.

В таджикском языке в эту группу предложений включается также часть других предложений, которые выражаются в форме риторического вопроса. Например, **Кӣ медонад, аз он одамҳое, ки «кофир» гуфта бо дасти мо кушонда истодаанд, чӣ қадарашон он бечорагон бошанд, ки ба ҳамин гуна корҳои амир ва амалдорони ӯ муқобил баромада бошанд ё ин ки бар болои хироч, закот ва андоз чанчол бароварда бошанд...** [178, с. 134] В этом предложении использованное в качестве вводной конструкции предложение «кӣ медонад», выступающее как риторический вопрос не требует ответа.

2. Вводные предложения, указывающие на источник мысли и действия.

Подобные предложения указывают на то, к кому принадлежит мысль, источник мысли и др. Например, «Шумо, арбоб, **чунон ки худатон гуфта будед, дар муомила саг нашавед!**» [178, с. 134]; Вводное предложение «чунон ки худатон гуфта будед» указывает на принадлежность мысли к собеседнику.

Следует отметить, что в таджикском языке группа вводных предложений выступает в качестве фразеологизмов, которые используются говорящим как вводные слова и словосочетания: **Агар кӯтоҳ карда гӯем,**

зани хурдии бой ба Соро мисли як палонч муомила мекард [179, с. 196]. Фразеологическое вводное предложение «агар кӯтоҳ карда гӯем» не относится к сообщаемой информации.

Выводы по первой главе

1. В русском и таджикском языках вводные конструкции не связаны грамматически с членами предложения, не обладают признаками членов предложения. Они могут относиться к отдельным членам предложения и ко всему предложению в целом. Они выражают отношение говорящего к высказыванию и общую оценку сообщения.

2. Вводные конструкции относятся к языковым явлениям отдельной синтаксической категории. Они наделены так называемой интонацией «вводности». Техника интонации «вводности» состоит в понижении голоса и более быстром их произнесении по сравнению с другими элементами высказывания, а также в своеобразной безударности.

3. Вводные конструкции - это термин, охватывающий и вводные слова, и вводные словосочетания, и вводные предложения. Однако в традиционном языкознании очень часто под термином «вводные слова» подразумеваются как собственно вводные слова, так и вводные словосочетания и предложения. Поэтому в нашем исследовании целесообразно использовать оба термина, так как в некоторых контекстах они выражают одно и то же явление.

4. Вводные слова используются в различных функциональных стилях благодаря разнообразию значений, которые они могут выражать. При этом функционально-семантические разновидности вводных конструкций не закреплены за определенными стилями и могут использоваться в стилистически разных контекстах.

- очень редко вводные слова употребляются в разговорном стиле, так как он функционирует в непринуждённой обстановке общения и характеризуется эмоциональностью, образностью, конкретностью, простотой речи;

- в научном стиле используются вводные конструкции, обладающие признаками смысловой завершенности, логической последовательности изложения, точности, сжатости, однозначности и тесной связи между отдельными элементами и частями высказывания;

- вводные слова с модальным значением используются в публицистике, в них содержится оценка автором степени достоверности сообщаемого, ссылка на источник сообщения, значение подчеркивания и акцентирования. С их помощью выражается желание автора привлечь внимание собеседника, они указывают на обычность происходящего и способствуют последовательности изложения мысли. Данные вводные конструкции отражают характерные особенности публицистики, такие как призывность, оценочность, логичность, эмоциональность и образность;

- в официально-деловом стиле преобладают ярко выраженные книжные черты, такие как стандартность, стереотипность, однозначность, точность, объективный характер сообщаемой информации. Официально-деловой стиль не располагает свойствами эмоциональности, экспрессивности и субъективно-модальными значениями, выражающими отношение говорящего к сообщению;

- кроме стилистически нейтральных языковых единиц, функционируют стилистически окрашенные вводные слова, придающие высказыванию особый стилистический оттенок.

5. В плане определения и установления лингвистической природы вводных слов между таджикскими учёными резких разногласий нет, всё сводится к тому, что вводные слова грамматически не связаны с основным предложением, т.е. к основной информации никакого отношения не имеют, а лишь придают различные смысловые оттенки.

6. Таджикские учёные-языковеды обратили внимание на различные аспекты изучения вводных слов, включая связь между ними и структурой основного предложения. Были также изучены и исследованы состав,

значение, морфологические характеристики, интонация и стилистические аспекты вводных слов:

- в таджикском языке, как и в русском языке, вводные конструкции по структуре выступают в различных формах. В их качестве употребляются отдельные слова, словосочетания и предложения;

- в таджикском языке можно выделить восемь групп вводных конструкций, основанных на их функционально-семантических характеристиках;

- по морфологической характеристике вводные слова и словосочетания в таджикском языке могут выражаться всеми частями речи;

- по вопросу интонации вводных слов в таджикском языке можно отметить следующее: 1) вводные слова и словосочетания произносятся особым тоном; 2) вводные слова и словосочетания присоединяются к основному предложению, преимущественно, посредством союзов; 3) если вводные слова и словосочетания употребляются без союзов, то они связаны с основным предложением только интонацией; 4) вводные слова и словосочетания обособлены от других слов знаками препинания (запятые, тире, скобками, многоточиями);

- в стилевом отношении следует отметить, что в таджикском языке вводные слова в основном рассмотрены в художественной речи; в употреблении вводных слов и словосочетаний в современной и классической таджикской литературе особых отличий нет. В классической литературе вводные слова и словосочетания в предложении также использованы для выражения разных оттенков значения и отношения говорящего к выражаемой мысли.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВВОДНЫХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

2.1 Структурно-грамматический анализ вводных единиц

2.1.1. Структурно-грамматический анализ вводных слов

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» методом сплошной выборки было выявлено приблизительно около 2620 случаев употребления потенциальных вводных слов в роли вводных конструкций и членов предложения. Естественно, встречаются предложения, в которых потенциальные вводные слова использованы и в роли вводных конструкций, и в роли членов предложения. Из них - 1970 предложений с потенциальными вводными словами чисто в роли вводных конструкций, в роли вводных конструкций и членов предложения - 185 (так как встречаются предложения, в которых исследуемые единицы использованы как вводные и как члены предложения) предложений, а в роли только членов предложения – 465 примеров.

С учётом примеров с вводными конструкциями и членами предложения всего в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского нами выявлено приблизительно 2093 примера с вводными конструкциями.

Как уже было указано в первой главе, в русском языке вводные конструкции могут быть представлены различными структурными формами, такими как отдельные слова, словосочетания и предложения.

Наиболее продуктивными вводными единицами в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского являются слова. Так, нами выявлено 1822 (83 %) примера с вводными словами, 276 (12 %) примеров с вводными словосочетаниями и 102 (5 %) – с вводными предложениями. Итог данной статистики несколько превышает общее количество выявленных примеров (2093 - 2200), так как встречаются примеры, в составе которых использованы и отдельные вводные слова, и вводные словосочетания, и вводные предложения.

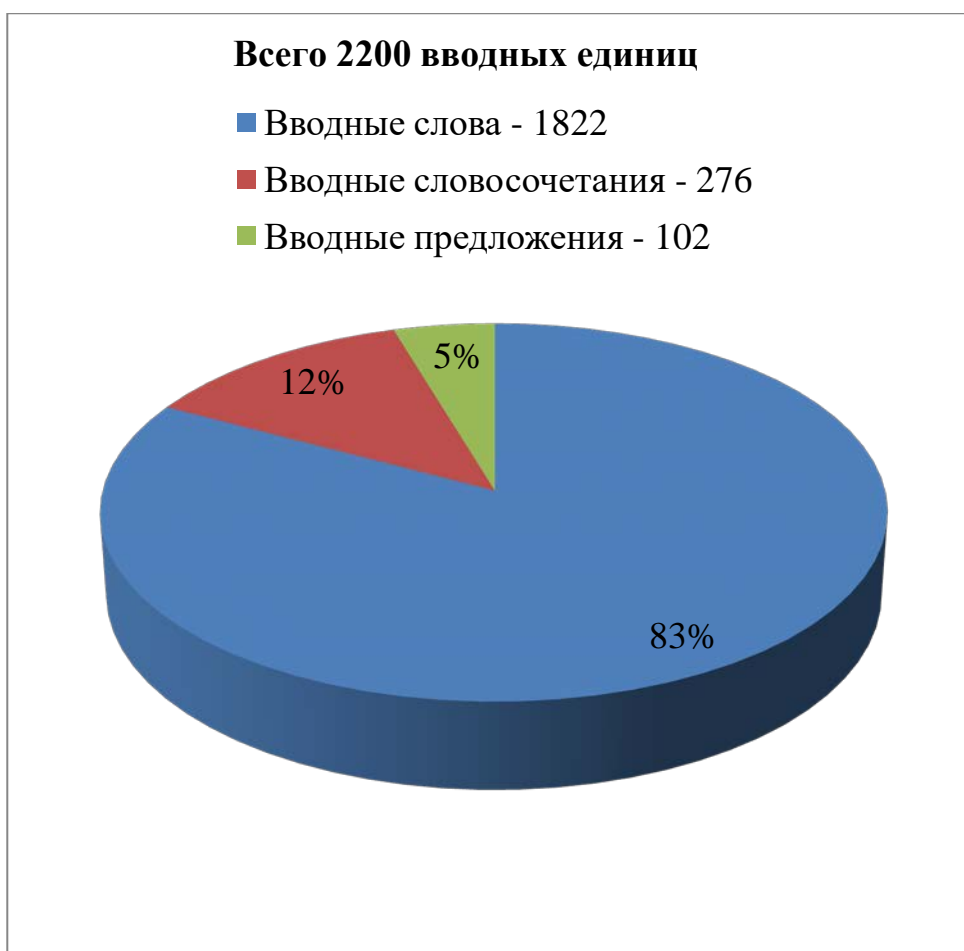

Диаграмма 1. Статистика вводных единиц по структуре

В качестве вводных слов в основном употребляются знаменательные части речи, но встречаются такие простые слова, которые выполняют только функцию вводного слова: *впрочем, дескать, пожалуйста, итак, следовательно* и др. Чаще всего в роли специально предназначенных слов выступают частицы и союзы. Следовательно, в романе вводные конструкции морфологически выражены следующим образом:

1. Наиболее продуктивными среди вводных слов по составу являются вводные единицы, выраженные глаголами в различных формах изъявительного или повелительного наклонения (485 примеров из 1822 – 27%): *признаюсь, кажется, позвольте, бывало, знаете, положим, говорят, помилуйте*. Например:

«- Образованная и прелестная особа. **Признаюсь**, я пожалел, что мы тогда с вами до того разгорячились» [174, с. 506]. «Всё до того было пропитано винным запахом, что, **кажется**, от одного этого воздуха можно

было в пять минут сделаться пьяным» [174, с. 11]. *«Позвольте, молодой человек, случилось вам испрашивать денег займы безнадежно?»* [174, с. 14].

Доминантой среди глагольных вводных слов по продуктивности в романе «Преступление и наказание» является простое вводное слово «кажется (казалось)», которое встречается 131 раз, то есть 27% от общего количества вводных слов. Например: *«Всё до того было пропитано винным запахом, что, **кажется**, от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным»* [174, с. 11]. *«Его разговор, **казалось**, возбудил общее, хотя и ленивое внимание»* [174, с. 11].

Вторым по частоте глагольным вводным словом выступает простое вводное слово разговорного стиля «может» в значении «может быть», указывающее на степень достоверности сообщения или факта, количество которого составляет 79 (16,2%) единиц. Например: *«**Может**, впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил»* [174, с. 7]. *«Она припомнила вдруг, что Раскольников сам хотел к ней сегодня зайти, **может**, еще утром, **может**, сейчас!»* [174, с. 230]

Вводное слово «значит» со значением «следовательно, стало быть, выходит» является третьим по частоте употребления М.Ф. Достоевским в романе «Преступление и наказание». Выявлено 30 (6,1%) примеров с использованием вводного слова «значит», которое указывает на порядок мыслей, их связь и отношения между частями высказывания. Например:

*«- **Значит**, очень серьезные причины имел, чтобы за одно словечко так рассердиться»* [174, с. 180-236]. *«Это отважно, хотели, **значит**, пощадить Родиона Романыча»* [174, с. 469].

Далее, в порядке продуктивности по нисходящей автором использованы такие глаголы, как «знаешь», «видишь», «послушай (слушай)» «слышишь», «понимаешь», «веришь» в значении привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания; вводное слово «положим» со значением предположения, допущения. Например: *«**Знаешь**, у него что-то есть на уме!»* [174, с. 146] *«-**Видишь**, Родя, тут без тебя целая*

*история произошла» [174, с. 117]. «Положим, уроки достанет, **положим**, даже последнюю копейкой поделится» [174, с. 51]*

2. Вторыми по частоте использования частей речи в романе «Преступление и наказание» выступают наречия. Среди них в качестве доминанты выступают наречия в положительной или сравнительной степени (377 примеров – 20,6%): *кстати, наконец, очевидно, вероятно, по-видимому, по-вашему, верно*. Например: *«**Кстати**, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами...» [174, с. 4]. «Да и склонность к витиеватой речи приобрел, **вероятно**, вследствие привычки к частым кабачным разговорам...» [174, с. 13].*

Основную часть наречных вводных слов составляет наречие «наконец» со значением порядка мыслей, их связи и отношения между частями высказывания. С данным компонентом в романе «Преступление и наказание» выявлено 100 примеров. Например: *«И, **наконец**, когда уже гость стал подниматься в четвертый этаж, тут только он весь вдруг встрепенулся» [174, с. 80]. «- Оставьте, оставьте меня все! - Да оставите ли вы меня, **наконец**, мучители!» [174, с. 146]*

Следующее по частотности использования наречное вводное слово в романе – это качественно-обстоятельственное наречие «напротив» (31 пример, 8,7%), указывающее на отношения между частями высказывания. Например: *«Но сердце не переставало. **Напротив**, как нарочно, стучало сильней...» [174, с. 72-73] «Совсем не нужно мягче, **напротив, напротив**, тут-то и протестовать» [174, с. 350].*

Наречие «действительно», выражающее подтверждение и соответствующее по значению словосочетанию «на самом деле» в романе автором использовано 28 (7,9%) раз: *«**Действительно**, господин Свидригайлов сначала обходился с ней очень грубо и делал ей ...» [174, с. 31] «- **Действительно**, я согласен, тон Порфирия был довольно странный, и особенно этот подлец Заметов!» [174, с. 254]*

Среди наречий, использованных в романе в качестве вводных слов, также в романе выступают следующие наречия:

а) «вероятно», «очевидно» со значением возможности или допустимости чего-либо и соответствующее по значению словам «по-видимому, наверное»;

*«Да и наклонность к витиеватой речи приобрел, **вероятно**, вследствие привычки к частым кабачным разговорам...»* [174, с. 13]. *«Но дама, **очевидно**, робела того, что занимает полкомнаты и что от нее так несет духами...»* [174, с. 91].

б) «верно», выражающее подтверждение и соответствующее по значению слову «действительно» и фразеологическому обороту «в самом деле»:

*«Но, **верно**, ей тотчас же представилось, что он идет в другие комнаты...»* [174, с. 25]. *«- Странен, **верно**, и он ему показался: в таких лохмотьях, а сам деньги выдает!»* [174, с. 48].

в) «во-первых», обозначающее при перечислении первый по счёту пункт, раздел и т.п.:

*«**Во-первых**, я в орфографии плох, а во-вторых, в немецком иногда просто швах, так что всё больше от себя сочиняю»* [174, с. 107]. *«Я рассказываю всё так, как было, чтобы, **во-первых**, напомнить вам, а во-вторых, показать вам»* [174, с. 375].

г) «по-моему», соответствующее по значению словосочетаниям «с моей точки зрения, как мне кажется»;

*«- **А по-моему**, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!»* [174, с. 64]. *«Иначе трудно им выйти из колеи, опять-таки по природе своей, **а по-моему**, так даже и обязаны не соглашаться»* [174, с. 246].

д) вводное сочетание «между прочим», выделяющее какое-либо слово или часть предложения в связи со сказанным или в дополнение к нему и соответствующее по значению словам «к слову сказать, кстати»:

«Я ей, между прочим, очень долго, дня два сряду, про прусскую палату господ говорил» [174, с. 197]. «Между прочим, он очень просит и ищет свидания с тобою, Дуня, а меня просил быть посредником при этом свидании» [174, с. 284].

е) вводное сочетание «в сущности», выражающее главное, основное, что характеризует кого-либо или что-либо соответствующее по значению словам: «фактически, в действительности, по существу»:

«Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него» [174, с. 3]. «Его до суеверия поражало всегда одно обстоятельство, хотя, в сущности, и не очень необычайное» [174, с. 59].

ё) вводное сочетание «к довершению», соответствующее по значению словосочетаниям «в дополнение, в конечном результате»:

«К довершению, девушка шла нетвердо, спотыкаясь и даже шатаясь во все стороны» [174, с. 45].

ж) вводное сочетание «по обыкновению», соответствующее по значению словосочетаниям «в соответствии с привычкой, так, как всегда, привычно»:

«Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку» [174, с. 524].

з) вводное сочетание «на счастье», выражающее удовлетворение по поводу чего-либо и соответствующее по значению сочетанию «к счастью»:

«На счастье его, в воротах опять прошло благополучно» [174, с. 72].

и) вводное сочетание «к несчастью», выражающее сожаление и огорчение по поводу чего-либо и соответствующее по значению сочетанию «к сожалению»:

«Мысль простая, но, к несчастью, слишком долго не приходившая, заслоненная восторженностью и мечтательностью» [174, с. 142].

к) вводное сочетание «без сомнения», выражающее уверенное утверждение и соответствующее по значению слову «безусловно, бесспорно, разумеется, конечно, очевидно»:

«Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество» [174, с. 454].

В своём романе автор также использует большое количество инфинитивов или сочетаний с инфинитивом (313 примеров – 17%): *стало быть, должно быть, может быть, можно сказать, признаться, так сказать, можете представить*. Например: *«- Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу...» [174, с. 9]. «Всё это способствовало неожиданному случаю, через который теперь меняется, можно сказать, вся судьба наша» [174, с. 34].*

Наиболее продуктивным вводным словом с участием инфинитива является вводное сочетание «может быть», которое встречается в романе 154 (49,2%) раза. Оно выражает возможность, допустимость чего-либо или неуверенность в чём-либо, предположительность чего-либо и соответствует по значению словам «по-видимому, возможно, вероятно».

Например: *«- Оставшись одна, Соня тотчас же стала мучиться от страха при мысли, что, может быть, действительно он покончит самоубийством» [174, с. 500]. «- Быть может, те, которые были невольною причиной, согласятся вознаградить вас, хоть бы в потере доходов...» [174, с. 175-176]*

Разговорное или просторечное вводное сочетание «стало быть» со значением «следовательно, значит, таким образом», указывающее на степень достоверности сообщения, факта, занимает второе место среди вводных единиц с инфинитивом, всего примеров с данной единицей выявлено 103 (32,9%):

«Стало быть, этот немец теперь выезжает, и, стало быть, на этой площадке, остается, на некоторое время, только одна старухина квартира занятая» [174, с. 6]. «Всё, стало быть, это вздор, и нет тут никакой своей, вернее всего, стало быть, сумасшествие» [174, с. 423].

Далее, сокращается частота использования конкретных вводных единиц и третьим по продуктивности среди вводных слов с инфинитивом

является разговорно-сниженное устойчивое сочетание «должно быть» (31 пример, 9,9%) со значением предположения и соответствующее словам «повидимому, очевидно, вероятно».

Например: *«Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом...»* [174, с. 7]. *«- Вы, должно быть, несколько дней сряду ни с кем не говорили?»* [174, с. 267].

Список частотных инфинитивных вводных слов замыкает так называемая оговорка «так сказать» (21 пример, 6,7%), смягчающая решительность какого-либо утверждения и используемая при желании подчеркнуть или смягчить резкость произносимого, или же когда говорящий, подыскивая выражение, как бы не уверен в его точности:

«Посади я его, например, слишком рано, так ведь этим я ему, пожалуй, нравственную, так сказать, опору придам, хе-хе!» [174, с. 322] *«А я, может быть, так сказать, сгорел от преданности и высоких»* [174, с. 507]

Следующими по продуктивности являются союзы (253 примера – 14%): *впрочем, итак, однако*. Например: *«Мы, впрочем, уже всё рассчитали с Дунечкой до точности»* [174, с. 38]. *«Итак, стоило только потихоньку войти, когда придет время, в кухню и взять топор, а потом войти и положить обратно»* [174, с. 68]. *«Ай да Соня! Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! и пользуются!»* [174, с. 26]

Основной пласт союзных вводных слов составляет союз «впрочем» (184 примера, 72,7%), выражающий нерешительность, колебание, переход к другой мысли. Например: *«А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю»* [174, с. 4]. *«Мармеладов остановился, хотел было улыбнуться, но... Он, впрочем, удержался»* [174, с. 21].

Вторым по численности союзом, выступающим как вводное слово в романе, является противительный союз «однако» (58 примеров, 22,9%), соответствующий по значению словам: «тем не менее, как бы то ни было, всё-таки, всё же». Следует отметить, что слово «однако» является вводным, если стоит в середине или в конце простого предложения: *«На какую грязь*

способно, **однако**, мое сердце!» [174, с. 9]. «А если б вы знали, **однако**, какую вы странную мысль сейчас сказали, маменька» [174, с. 218].

Также наблюдается незначительное использование следующих союзов:

1) «итак» (4 примера, 7,5%), указывающий на отношения между частями высказывания: «*Итак, Родион Романович, что ж вам после того и удивляться, что я с вами тогда такие шутки шутил?*» [174, с. 68]. «**Итак**, Порфирий сам еще и разъяснял Разумихину, психологически ему разъяснял!» [174, с. 427].

2) «следственно» (4 примера, 7,5%) и «следовательно» (3 примера, 1,1%) со значением порядка мыслей и их связи, соответствуя словам «стало быть, значит»: «- *Магометом иль Наполеоном я себя не считаю... ни кем бы то ни было из подобных лиц, следственно, и не могу, не быв ими, дать вам удовлетворительного объяснения...*» [174, с. 252]. «*Это была умная женщина, а следовательно, не могла же на меня смотреть иначе как на развратника и потаскуна...*» [174, с. 452].

Практически одинаковую позицию по численности с союзами занимают частицы (252 примера – 14%): *конечно, пожалуй, дескать, пожалуйста, собственно, небось*: «**Пожалуй**, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю» [174, с. 4]. «*И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатой бородкой, конечно, не от комода, конечно...*» [174, с. 8]. «- Это, **собственно**, судейский слог, - перебил Разумихин» [174, с. 221].

Доминантой среди вводных слов, выраженных частицами, в романе является утвердительная частица «конечно» (108 примеров, 42,8%), выражающая согласие, утверждение и соответствующая по значению словам «без сомнения, разумеется, бесспорно». Например: «**Конечно**, десятки раз случалось ему возвращаться домой, не помня улиц, по которым он шел» [174, с. 59]. Отметим также употребление частицы «конечно» и во вводном обороте: «Он беспрерывно взглядывал на чиновника, **конечно и потому еще**, что и сам тот упорно смотрел на него» [174, с. 11].

Разговорная частица «пожалуй» со значением допущения возможного, склонности согласиться, неуверенного согласия, соответствующая словам «вероятно, должно быть, может быть», встречается в романе «Преступление и наказание» в 75 (29,7%) примерах. Например: «*А ведь Сонечка-то, пожалуй, сегодня и сама обанкротится, потому тот же риск, охота по красному зверю...*» [174, с. 26]. Частица «пожалуй» во вводном обороте может относиться к части предложения: «*- Сначала прибьет, а потом высечет, больно и с позором, пожалуй и сгонит...*» [174,с. 49].

Далее количество частиц, которые могут использоваться в качестве вводных слов, значительно уменьшается. Просторечная частица «дескать», которая используется для передачи чужой речи (соответствует словам, указывающим на источник сообщения, таким как «говорит», «говорят», «мол»), часто с оттенком недоверия, в этой роли встречается 33 раза (13%). Например: «*Дескать, как теперь Семен Захарыч на службе и жалование получает, и к его превосходительству сам являлся*» [174,с.20]. Частица «дескать» также может находиться в постпозиции по отношению к другим вводным словам: «*Значит, дескать, сам не хочет обманывать, коли заранее так объявляет*», - ну, а для ревнивой женщины это первое» [174, с. 452].

С целью привлечения внимания собеседника к сообщению, наблюдается использование частицы «пожалуйста», которая употребляется при выражении вежливого обращения, просьбы в значении «прошу вас». В романе выявлено 26 (10,3%) примеров вводных конструкций с данной единицей: «*Не беспокойтесь, пожалуйста, это он только так...*» [174,с. 11]. «*- Вам, вам, Софья Семеновна, и, пожалуйста, без особенных разговоров, потому даже мне и некогда*» [174,с. 479].

Ещё одной частицей, использованной автором как вводное слово, является ограничительная частица «собственно», соответствующая по значению словам: «в сущности, по сути дела, по существу, выражаясь точнее». Данная единица входит в группу вводных слов, выражающих

оценку стиля высказывания, манеру речи, способы оформления мыслей. По частотности использования она занимает предпоследнее место, выявлено 9 (3,5%) примеров с данным словом: «*Очень, очень оригинально, но... меня, собственно, не эта часть вашей статейки заинтересовала...*» [174,с. 244-245]. «*Видишь, Соня, — я, собственно, затем пришел, чтобы тебя предупредить, чтобы ты знала...*» [174, с. 501]

И, наконец, список частиц, использованных Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание» в качестве вводных слов, замыкает разговорная частица «небось», выражающая возможность или допустимость чего-либо и соответствующая по значению словам: «вероятно, пожалуй, должно быть»: «*Я и за дворниками-то едва распорядился послать. (Дворников-то, небось, заметили, проходя)*» [174,с.429-430].

Следующими вводными словами в количественном соотношении по нисходящей являются предикативы или слова категории состояния (61 пример – 3,3%). Например:

«*Разумеется, мы сначала были очень поражены...*» [174,с. 34]. - «*Бедность не порок, дружище, ну да уж что! Известно, порох, не мог обиды перенести*» [174,с. 96]. «*Там, слышно, бывший студент на большой дороге почту разбил...*» [174,с. 144]

Практически весь пласт использованных в романе слов категории состояния в качестве вводных слов относится к предикативу оценочной характеристики «разумеется» (55 примеров, 90,1%), выражающий уверенное утверждение и соответствующий по значению словам: «без сомнения, безусловно, бесспорно, несомненно, можно быть уверенным». Например: «*Старуха, разумеется, была дома, но она подозрительна и одна*» [174, с. 73]. «*А когда сердцу девушки станет жаль, то, уж разумеется, это для нее всего опаснее*» [174,с. 454].

Также использован предикатив «известно» со значением наличия сведений о ком-либо, осведомлённости в чём-либо, количество которого составляет 4 примера (6,5%). «*Сам на то лезет, известно, а свяжись, не*

развяжешься...» [174,с. 166] «- Известно, пьяным представится да нарочно и лезет под колеса; а ты за него отвечай» [174,с.108].

Лишь 2 примера (3,2%) выявлено с участием предикатива «слышно» при выражении предположения, соответствуя по значению словам: «говорят, как говорят, кажется, как будто»: *«Только хозяйка, слышно, говорила сегодня, что отказать хочет» [174,с.302].*

Реже чем глаголы и наречия из числа знаменательных частей речи в романе встречаются имена прилагательные в краткой форме, в различных падежных формах (53 примера – 2,9%) Например:

«Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят... главное, потом запомнят, ан и улика» [174,с. 11] (с.5). «Мне разве того теперь надобно? Право, смешно, что я пошел к Разумихину...» [174,с. 51] «- Я к тому говорю, что ваше совершенное выздоровление, в главном, зависит теперь единственно от вас самих» [174,с.210].

Основное количество прилагательных (29 примеров, 54,7%) составляет вводное слово «право» - краткая форма прилагательного «правый», которое употребляется при выражении уверения, заверения и соответствует по значению словам: «действительно, в самом деле», т.е. указывает на степень достоверности сообщения или факта: *«Ну, насчет этого вашего вопроса, право, не знаю, как вам сказать» [174, с. 266].* Отметим использование данного вводного слова с союзом: *«- Про что? А право, не знаю про что... - чистосердечно, и как-то сам запутавшись, пробормотал Свидригайлов» [174,с. 271].*

Вторую, можно сказать, половину прилагательных, выступающих в роли вводных слов, представляет качественное прилагательное «главное» (23 примера, 43,3%) указывающее на порядок мыслей и их связь: *«- Главное, вот этому подлецу как бы не дать! Ну что ж он еще над ней надругается!» [174,с. 48].* Очень часто вводное слово «главное» употребляется в сочетании с союзами: *«Похвальный лист должен был теперь послужить свидетельством о праве Катерины Ивановны самой завести пансион; но*

главное, был припасен с тою целью, чтоб окончательно срезать» [174, с. 370].

Интересно заметить, что краткое прилагательное «короче» в качестве вводного слова использовано в романе всего лишь один раз. Оно указывает на подведение итога, заключение сказанного: *«**Короче**, несмотря на доброе и благородное обращение Марфы Петровны, супруги господина Свидригайлова, и всех домашних, Дунечке было очень тяжело» [174, с. 31].*

Немногочисленны имена существительные в различных падежах, обычно с предлогами (23 примера – 1,3%), Данные единицы выступают в следующем порядке продуктивности:

а) «правда», употребляется как вводное слово, соответствуя по значению словам: «действительно, в самом деле»:

*«**Правда**, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности» [174, с. 34]. «Во втором этаже одна пустая квартира была, **правда**, растворена настежь, и в ней работали маляры, но те и не поглядели» [174, с. 72].*

б) «ради бога», сочетание, выражающее усиленную просьбу чего-либо или о чём-либо и соответствующее по значению словам: «очень прошу, пожалуйста»:

*«- Так неси же, **ради бога**, неси! - закричал весь в волнении Раскольников, - господи!» [174, с. 29] «- Настасья, уйди, ради бога; вот твои три копейки, только, **ради бога**, скорей уйди!» [174, с. 29]*

в) «к удивлению», указывающее на авторскую эмоциональную оценку происходящего в предложении и соответствующее по значению словам: «удивительно, удивительное дело, к изумлению, странно, странное дело, непонятное дело» [5-А]:

*«**К удивлению моему**, одного сторублевого билета, в числе прочих, не оказалось» [174, с. 375-376]. «Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия» [174, с. 526].*

г) «по крайности», выражающее достаточную уверенность в достоверности высказывания и соответствующее по значению словам: «по крайней мере, во всяком случае»:

*«Дай же, я думаю, хоть и упусти на время одно, зато другое схвачу за хвост, - своего-то, своего-то, **по крайности**, не упусти»* [174, с. 430].

д) «по наблюдениям», выражающее чью-то точку зрения и соответствующее по значению словам: «с его точки зрения, как ему кажется»:

*«**По** наблюдениям же его, болезнь пациента, кроме дурной материальной обстановки последних месяцев жизни, имеет еще некоторые нравственные причины...»* [174, с. 194-195].

Очень редко встречаются местоимения в косвенных падежах с предлогами (в основном, кроме того, 26 примеров – 1%). Данная группа в основном представлена сочетаниями, указывающими на порядок мыслей и их связь:

а) в основном местоимения с предлогом «кроме того»:

*«**Кроме того**, в оправдание Дуни, явились, наконец, и свидетельства слуг, которые видели и знали гораздо больше, чем...»* [174, с. 11] (с.33). *«На этот раз тем дело и кончилось, но Дуня ни о чем, **кроме этого**, теперь и не думает»* [174, с.36].

б) местоимения с наречием «мало того»:

*«**Мало того**, даже, как нарочно, в это самое мгновение только что перед ним въехал в ворота огромный воз сена...»* [174, с. 72].

в) местоимения с предлогом «сверх того»:

*«**Сверх того**, Сонечка весьма основательно про нее говорила, что у ней ум мешается...»* [174, с. 361].

Таким образом, проведённый анализ показал, что все использованные в романе «Преступление и наказание» вводные слова по структуре, представлены простыми вводными словами, вводными сочетаниями существительного с предлогами, инфинитивом или

сочетаниями с инфинитивом. По морфологической принадлежности их можно разделить на 9 групп, которые по степени продуктивности располагаются следующим образом:

- глаголы в различных формах изъявительного или повелительного наклонения - 485 примеров (27%);
- наречия в положительной или сравнительной степени - 354 примера (19%);
- инфинитив или сочетания с инфинитивом - 313 примеров (17%);
- союзы - 253 примера (14%);
- частицы - 252 примера (14%);
- имена прилагательные в краткой форме, в различных падежных формах - 61 пример (3%);
- предикативы или слова категории состояния - 61 пример (3%);
- имена существительные в различных падежах, обычно с предлогами - 40 примеров (2%);
- местоимения в косвенных падежах с предлогами (в основном, *кроме того*) - 26 примеров (1%).

2.1.2 Структурно-грамматический анализ вводных словосочетаний

Следующими по продуктивности использованных Ф.М. Достоевским вводных конструкций в романе «Преступление и наказание» являются вводные словосочетания, которые составляют 13,2% от общего количества вводных единиц.

«Большое количество вводных словосочетаний в романе составляют именные вводные словосочетания, которых в романе насчитывается 180 примеров (68%)» [7-А]. Например: «*Одним словом, милый Родя, письмо это так благородно и трогательно написано, что я рыдала, читая его, и до сих пор не могу его читать без слез*» [174, с. 33]. «*А Петр Петрович, по крайней мере, по многим признакам, человек весьма почтенный*» [174, с. 34].

Реже встречаются в романе глагольные словосочетания, всего выявлено 72 примера (27%). Например: «*Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, **вернее сказать**, как бы в какое-то забытье, и пошел,*

уже...» [174, с. 4]. «Ведь это, **так сказать**, самый неожиданный характер!» [174, с. 118]

Следует отметить, что среди глагольных словосочетаний достаточно часто встречается фразеологическая вводная конструкция «так сказать». Например: «- *Ценя и, **так сказать**, обожая вас, я в то же время весьма и весьма могу не любить кого-нибудь из ваших домашних*» [174, с. 285]. Наблюдается использование рассматриваемой единицы во вводном обороте: «- *Я вам одну вещь, батюшка Родион Романович, скажу про себя, **так сказать** в объяснение характеристики...*» [174, с. 320].

И, «наконец, меньше всего использовано наречных словосочетаний, количество которых ограничено всего 14 примерами, 10 из которых представлены фразеологическим оборотом **как нарочно**» [7-А]. Например: «*Мало того, свою собственную казуистику выдумаем, у иезуитов научимся и на время, пожалуй, и себя самих успокоим*» [174, с. 43]. «*Но сердце не переставало. Напротив, **как нарочно**, стучало сильнее, сильнее, сильнее...*» [174, с. 72-73] «*Как нарочно, кто-то переслал с другого конца стола Соне тарелку...*» [174, с. 369].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что вводные словосочетания в романе «Преступление и наказание» в соответствии с их морфолого-синтаксическими особенностями использованы в следующем порядке продуктивности:

«- именные вводные словосочетания - 180 примеров (68%)» [7-А];

«- глагольные вводные словосочетания - 72 примера (27%)» [7-А];

«- наречные вводные словосочетания - 14 примеров (5%)» [7-А].

2.1.3 Структурно-грамматический анализ вводных предложений

«Вводные предложения, в отличие от вводных сочетаний слов, не представляют собой застывших готовых выражений, они разнообразны по лексическому наполнению и не ограничены объемом» [125, с. 635]. В романе «Преступление и наказание» вводные предложения значительно реже

встречаются, автором использовано всего 107 (5,1%) примеров с вводными предложениями.

В романе «Преступление и наказание» большинство вводных предложений составляют односоставные, которые встречаются в двух разновидностях. Это определённо-личные и безличные предложения. Приведём примеры определённо-личных предложений, которые встречаются в романе 39 раз и составляют 65% односоставных предложений: «*Воспитания, как и представить можете, Соня не получила*» [174, с. 17]. «*И он стал на колени ... - Перестаньте, прошу вас, что вы делаете? - вскричала Пульхерия Александровна*» [174, с. 190]. «*Видите, вчера он должен был встретить нас, как и обещал, в самом вокзале*» [174, с. 205].

Практически в два раза меньше встречаются безличные вводные предложения, число которых составляет 21 (35%). Например: «*Знаешь что, бесценный мой Родя, мне кажется, по некоторым соображениям... - мне кажется, что я, может быть, лучше сделаю, если...*» [174, с. 37]. «*Говорила же вообще мало, и как уже сказано, была такая смиренная и пугливая...*» [174, с. 61]

Наиболее часто встречается безличное вводное предложение «мне кажется»:

«- *Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть...*» [174, с. 251]. «- *Мне кажется, особенно тревожиться нечего, ни вам, ни Авдотье Романовне...*» [174, с. 282].

Среди вводных предложений в романе менее заметны двусоставные предложения, нами в романе выявлено 44 (41,1%) двусоставных вводных предложения. Из них 33 предложения (75%) нераспространённые. Например: «*Вы вообразить не можете, Дмитрий Прокофьич, как он фантастичен и, как бы это сказать, капризен*» [174, с. 203]. «- *Ах, Родя, ты не поверишь, — как мы с Дунечкой вчера были... несчастны!*» [174, с. 212].

Среди двусоставных предложений встречаются лишь 11 (25%) распространённых предложений. Например: «- *Ты, кроме всех твоих*

скверных качеств, еще и потаскун, это я знаю, да еще из грязных» [174, с. 196]. «Сколько я помню, вчера, из этого рассказа Заметова, мне половина дела выяснилась» [174, с. 200]. «- Ну стоит ли с тобой говорить! Ведь он это всё нарочно, ты еще не знаешь его, Родион!» [174, с. 243].

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что в романе Ф.М. Достоевского из числа вводных конструкций по структуре меньше всего использованы вводные предложения, которые представлены в следующем порядке:

1. Односоставные предложения – 60 примеров:

- определённо-личные – 39 (65%) примеров;
- безличные – 21 (35%) пример.

2. Двусоставные предложения – 44 примера:

- нераспространённые – 33 (75%) примера;
- распространённые – 11 (25%) примеров.

2.2. Семантический анализ вводных единиц

Среди всех аспектов изучения языковых единиц семантический анализ занимает центральное место, так как он представляет собой процесс выявления и интерпретации смысла слов, фраз и предложений в естественном языке. Именно его результаты позволяют нам целенаправленно применить в разных ситуациях тот или иной языковой элемент в речи. Семантический анализ основан на знании о лексике, грамматике, синтаксисе и прагматике языка и является важной и сложной областью в лингвистике.

При семантическом анализе вводных единиц устанавливаются значения и функции слов, словосочетаний и предложений, которые введены в основное предложение для выражения отношения говорящего к содержанию, стилю или к адресату сообщения.

Вводные единицы могут быть разными по морфологической принадлежности, в их роли выступают наречия, союзы, междометия, частицы, глаголы и другие части речи. В тексте они выполняют различные роли: модальные, эмотивные, коммуникативные, структурные и т.д.

Семантический анализ вводных единиц указывает на то, как автор оценивает свою информацию, как он строит связь с читателем и как он организует свой текст.

Несмотря на то, что в разных классификациях вводных слов по семантике количество семантических групп отличается одним, двумя разрядами, мы опирались на классификацию Н.С. Валгиной, в которой исследуемые единицы распределены на 7 разрядов.

2.2.1. Семантический анализ вводных единиц с модальным значением

«Вводные слова и сочетания слов могут иметь модальное значение. Они выражают оценку говорящим степени достоверности высказывания; уверенность, неуверенность, сомнение, возможность, предположение и т. д.» [125, с.631]. Проведённый анализ семантики использованных вводных конструкций показал, что большинство исследуемых единиц в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» составляют вводные слова с модальным значением. Их количество составляет 926 (39,7%) примеров с вводными словами, словосочетаниями и предложениями, которые встречаются в речи автора и его героев. Например: *«Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость»* [174, с. 7]. В этом предложении вводным сочетанием «должно быть» автор выражает своё предположение, допущение, исходя из выражения лица и поведения героини романа Алёны Ивановны, автор в глазах героини якобы наблюдает выражения недоверия.

«И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатой бородкой, конечно, не от комода...» [174, с. 8]. Во втором примере вводное слово «конечно» свидетельствует об уверенности главного героя романа Родиона Раскольникова относительно замеченного большого ключа в связке, так как, по мнению героя романа, он слишком велик для комода.

В следующем примере вводное словосочетание «в самом деле» также указывает на уверенность героя романа Свидригайлова относительно своих высказанных слов: «Ну, согласитесь, ну *«Лужину ли, в самом деле, жить и делать мерзости, или ей умирать?»*» [174, с. 418].

Таким образом, вводные единицы с модальным значением в романе составляют почти 40 %, так как практически каждый герой или персонаж романа высказывает свои мысли с субъективной позиции, которая выражается в уверенности, неуверенности, предположении, допущении и т.п.

2.2.2. Семантический анализ вводных единиц, выражающих порядок мыслей и их связь

Следующими по продуктивности вводные конструкции в романе являются вводные слова со значением порядка мыслей и их связи. Их количество составляет 750 единиц, т.е. 32,2% от общего количества. Данные единицы часто встречаются в словах автора. Например, в нижеприведённом примере Ф.М. Достоевский посредством вводного компонента «кстати» осуществляет переход к другой мысли, которая является продолжением предыдущей, он как бы резко вспоминает о внешности главного героя: «*Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами...*» [174, с. 4].

Второй контекст также относится к автору произведения, в котором посредством вводного сочетания «кроме того» он особо выделяет информацию, носящую положительный характер для сестры Раскольниковова Авдотьи Романовны: «*Кроме того, в оправдание Дуни, явились, наконец, и свидетельства слуг, которые видели и знали гораздо больше...*» [174, с. 33].

Следующий пример напрямую связан со значением порядка мыслей. Данные слова относятся к матери главного героя Пульхерии Александровны, которые она написала в своём письме своему сыну. Вводным словом «во-первых» героиня романа предваряет перечисление каких-либо фактов, адресованных Раскольникову: «*И, во-первых, угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вот уже полтора месяца как живет...*» [174, с. 30].

Итак, большинство вводных единиц данной семантической группы относятся к автору романа, однако нередки и случаи использования данных единиц в речи персонажей романа. Это связано с тем, что именно автор создаёт определённый порядок мыслей согласно сюжету произведения. Вводные единицы со значением порядка мыслей в основном использованы со значением перехода к другой мысли, в дополнение к сказанному, в связи со сказанным, выделении какой-нибудь мысли и определённого порядка мыслей.

2.2.3 Семантический анализ вводных единиц со значением привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания

В романе вводных единиц со значением привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания использовано гораздо меньше, чем в предыдущих двух семантических группах, таких конструкций насчитывается 246 (11,7%) примеров. Например: *«Позвольте, молодой человек: можете ли вы сказать утвердительно, что я не свинья?»* [174, с. 14-15] Данное предложение относится к второстепенному герою романа Семёну Захаровичу Мармеладову. Используемые в его речи вводные компоненты говорят о психологическом состоянии героя, с их помощью он пытается привлечь собеседника к пониманию, сочувствию и солидарности. Однако использованное вводное слово «позвольте» ещё говорит и об интеллигентности персонажа.

Вводным предложением «веришь ли», один из главных героев романа Дмитрий Прокофьевич Разумихин привлекая внимание Раскольникову, хочет уверить его в истинности своих намерений: *«- Это, брат, веришь ли, у меня особенно на сердце лежало. Потом надо же из тебя человека сделать»* [174, с. 123].

Отрицательный герой романа Пётр Петрович Лужин с помощью вводного предложения «согласитесь сами» акцентирует внимание Разумихина на суть своей философии – делать всё в своих интересах и не думать о благополучии других: *«- Согласитесь сами, - что есть*

преуспеяние, или, как говорят теперь, прогресс, хотя бы во имя науки и экономической правды...» [174, с. 141]

На основании вышеизложенного можно предположить, что большинство вводных конструкций данной функционально-семантической группы использованы с целью акцентирования внимания на чём-либо. Этими компонентами герои романа пытаются довести до собеседника суть своих мыслей, искренность намерений.

2.2.4. Семантический анализ вводных единиц, выражающих манеру речи

Далее использование вводных слов из последующих семантических разрядов значительно сокращается. Так, в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевский использует вводные слова со значением оценки стиля высказывания, манеры речи, способов оформления мыслей в количестве 137 примеров, т.е. 5,8% от общего количества использованных вводных конструкций. Несмотря на недовольство Разумихина по отношению к социальным условиям Пётр Петрович придерживается другой позиции. Выражая свою манеру речи вводным словосочетанием «одним словом», он завершает сказанное им раньше: *«Одним словом, мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего, а это, по-моему, уж дело-с...*» [174, с. 141].

Вводное предложение «как говорят теперь», использованное – Петром Петровичем носит характер определённого способа оформления мыслей. Данное вводное предложение относится к отдельному члену предложения, выражая при этом манеру общения аристократии того времени, к чему и относит себя Пётр Петрович Лужин: *«- Что есть преуспеяние, или, как говорят теперь, прогресс, хотя бы во имя науки и экономической правды...*» [174, с. 141].

Некоторые вводные слова используются для выделения некоторых слов или частей предложения. В такой функции в следующем контексте выступает вводное сочетание «между прочим», которое употреблено в связи

со сказанным или в дополнение к нему: *«Я ей, между прочим, очень долго, дня два сряду, про прусскую палату господ говорил»* [174, с. 197].

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что вводные конструкции, выражающие манеру речи и способы оформления мыслей, указывают на социальный статус, род занятий, образование, возраст героев и придают основному предложению особую логичность.

2.2.5. Семантический анализ вводных единиц, указывающих на источник сообщения

Незначительное количество вводных единиц в романе также составляют исследуемые единицы со значением источника сообщения. В романе всего таких примеров выявлено 124 единицы (5,3 %). В приведённом ниже примере герой романа Семён Захарыч Мармеладов интересуется мнением Раскольникова о социальных условиях молодых женщин, которые и касаются его дочери, героини романа Софьи Семёновны Мармеладовой. Посредством вводного компонента «по-вашему» персонаж указывает на то, что источником сообщения в данном контексте является Родион Раскольников: *«Много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?»* [174, с. 17].

Во втором примере в словах Мармеладова вводное слово «дескать» указывает на источник сообщения, герой предположительно ссылается на слова героини романа Амалии Фёдоровны, именно в них заключается семантика данной вводной единицы: *«Как, дескать, я, такой просвещенный человек, в одной квартире с таковскою буду жить?»* [174, с. 19].

Следующий пример приведён из письма Пульхерии Александровны своему сыну Родиону Раскольникову. В нём мать главного героя сообщает своему сыну о том, как Марфа Петровна убедилась в невинности Авдотьи Романовны. В данном контексте вводное предложение *«как сама она нам признавалась»* как раз и предшествует этой очень важной информации для главного героя и его матери.

«Марфа Петровна была совершенно поражена и «вновь убита», как сама она нам признавалась, но зато вполне убедилась в невинности Дунечкиной и на другой же день...» [174, с. 33].

Анализ вводных единиц со значением источника сообщения показал, что данные компоненты в романе использованы для передачи мыслей героев, в частности чужих мнений. Вводные единицы в словах героев романа как бы предвещают проблемы социального устройства, они использованы героями как обоснование тому, что они сообщают.

2.2.6 Семантический анализ вводных единиц со значением оценки меры, степени и обычности

Практически в два раза меньше использовано слов со значением оценки меры, степени того, о чём говорится, степени обычности излагаемых фактов по сравнению с предыдущей функционально-семантической группой. Примеры такой категории в романе насчитывают 73 единицы (3,1%). Слова героини романа Катерины Ивановны выступают как выразители эпизода из семейной жизни Семёна Мармеладова. Вводное слово «бывало» в следующем контексте указывают на то, каково было отношение героини к своему мужу в повседневной, обыденной жизни: *Сидит, бывало, смотрит на меня из угла, так жалко станет его ...* [174, с. 368].

В приведённом ниже примере вводное словосочетание «по крайней мере», относящееся к словам Пульхерии Александровны выступает в значении достаточной уверенности в том, что честь Авдотьи Романовны восстановлена. Посредством данного вводного компонента героиня романа пытается довести до своего сына суть своих мыслей. *«По крайней мере, она вполне восстановила честь Дунечки, и вся гнусность этого дела легла неизгладимым позором на ее мужа»* [174, с. 33].

Следующий контекст относится к автору произведения, в котором описано поведение главного героя, когда он шёл по одному из проспектов города. Выступающий в данном контексте вводный оборот «по обыкновению своему» свидетельствует о том, как в последнее время герой вёл себя вне

своей каморки один: *«Путь же взял он по направлению к Васильевскому острову через В-й проспект, как будто торопясь туда за делом, но, по обыкновению своему, шел, не замечая дороги...»* [174, с. 39].

Исходя из результатов анализа рассмотренных примеров, можно констатировать, что вводные конструкции со значением оценки меры, степени и обычности использованы в романе с целью показать устройство жизни, быть героев, взаимоотношения между ними, а также их психологическое состояние.

2.2.7. Семантический анализ вводных единиц, выражающих эмоциональную оценку

Был выявлен 71 пример употребления в романе вводных конструкций, выражающих различные чувства, которые составляют 3% от общего количества исследуемых единиц. Использование вводных единиц данной группы связано с общим психологическим состоянием героев и построением художественного произведения. В словах автора, которые описывают состояние главного героя, также встречаются вводные компоненты. Например: *«Он думал и тер себе лоб, и, странное дело, как-то невзначай, вдруг и почти сама собой, после очень долгого раздумья, пришла ему в голову одна престранная мысль»* [174, с. 51]. В этом примере вводное словосочетание «странное дело» выражает чувство удивления самого автора, что вызвано очередным действием сюжета романа.

Следующие слова автора, в которых присутствует сочетание «как нарочно» свидетельствует о «везучести» главного героя, хотя в буквальном смысле данное сочетание носит обратный характер. *«Мало того, даже, как нарочно, в это самое мгновение только что перед ним въехал в ворота огромный воз сена...»* [174, с. 72]. Вводное сочетание «к счастью», носящее значение радости присутствует в словах автора, субъектом которых является герой романа Разумихин. За вводным компонентом следует информация, благоприятная для Разумихина: *«К счастью, была готовая тема для разговора, и он поскорей за нее уцепился»* [174, с. 201].

Итак, вводные конструкции, выражающие в романе эмоциональную оценку, использованы для изображения чувств и переживаний героев и их поведения. Поэтому чаще всего они встречаются в словах автора, что говорит об особом профессиональном мастерстве Ф.М. Достоевского.

В романе «Преступление и наказание» вводные конструкции по семантике автором использованы в следующем порядке продуктивности:

- с модальным значением – 926 (39,7%);
- со значением порядка мыслей и их связи – 750 (32,2%);
- со значением привлечения внимания собеседника - 246 (10,5%);
- со значением способов оформления мыслей – 137 (5,8%);
- со значением источника сообщения – 124 (5,3%);
- со значением степени обычности излагаемых фактов – 73 (3,1%);
- с эмоциональной оценкой сообщаемой информации – 71 (3%).

Диаграмма 2. Статистика вводных единиц по семантике

Выводы по второй главе

1. В романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского самую большую группу вводных единиц по структуре, составляют вводные слова - 1822 (83%), которые в зависимости от часторечной принадлежности можно разделить на 9 групп:

- глаголы - 485 примеров (27%);
- наречия - 354 примера (19%);
- инфинитив или сочетания с инфинитивом - 313 примеров (17%);
- союзы - 253 примера (14%);
- частицы - 252 примера (14%);
- имена прилагательные - 61 пример (3%);
- предикативы или слова категории состояния - 61 пример (3%);
- имена существительные - 40 примеров (2%);
- местоимения (в основном, кроме того) - 26 примеров (1%).

2. Вторыми по продуктивности в романе «Преступление и наказание» являются вводные словосочетания - 277 (13,2%), которые в соответствии с их морфолого-синтаксическими особенностями использованы в следующем порядке: а) «именные вводные словосочетания - 180 примеров (68%)» [7 - А]; б) «глагольные вводные словосочетания - 72 примера (27%)» [7 - А]; в) «наречные вводные словосочетания - 14 примеров (5%)» [7 - А];.

3. Меньше всего по структуре использованы вводные предложения - 102 (4,9%), которые представлены в следующем порядке: а) односоставные предложения – 60 примеров (определённо-личные – 39 (65%) примеров, безличные – 21 (35%) пример); б) двусоставные предложения – 44 примера (нераспространённые – 33 (75%) примера, распространённые – 11 (25%) примеров.

С точки зрения семантики вводные единицы в романе использованы следующим образом:

1. Вводные слова со значением модальности в романе представлены автором 20 вводными компонентами, 7 из которых представляют семантику

уверенности и достоверности и 13 – значение неуверенности, предположения, неопределённости, допущения.

2. В романе выявлено 26 вводных компонентов со значением порядка мыслей и их связи, основную часть которых составляют вводные слова, подчёркивающие значение итога, результата предшествующего действия; и употребляемые при выделении кого-либо или чего-либо наряду с другим, подобным, указывающие на дополнительное сообщение.

3. По семантической группе привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания в романе выявлено 24 вида вводных слов и конструкций, одна часть которых использована с целью привлечения внимания собеседника, вторая часть – с целью акцентирования и подчёркивания что-либо.

4. Весь спектр языковых средств, выражающих стиль высказывания, манеру речи, способы оформления мыслей в романе состоит из 6 подгрупп. Наиболее частотными среди них являются такие вводные компоненты как «одним словом», «можно сказать», «так сказать».

5. Вводные слова, указывающие на источник сообщения, в романе в основном представлены компонентами «дескать», «по-моему» и «говорят».

6. Самым продуктивным вводным оборотом группы со значением оценки меры, степени того, о чём говорится; степени обычности излагаемых фактов является фразеологическое единство «по крайней мере» (71%), выражающее достаточную уверенность в достоверности высказывания и соответствующее по значению словосочетанию «во всяком случае».

7. В романе «Преступление и наказание» использованы компоненты всех подгрупп вводных конструкций, выражающих эмоциональную оценку (чувства) говорящего. Автором часто использованы вводные обороты со значением удивления и недоумения; общим экспрессивным характером; и со значением сожаления и огорчения. Остальной контингент компонентов данной группы встречается в единичных количествах, большинство которых составляют единицы с общим экспрессивным характером.

Результаты анализа также показали, что выявленные единицы не выполняют функцию членов предложения и не имеют с ними грамматических связей, но при этом придают основному предложению различные оттенки значения. Они не могут быть использованы в постановке вопросов относительно членов предложения, так как они выражают субъективную модальность, то есть отражают отношение говорящего к высказанной мысли и дополняют ее дополнительными характеристиками, исправлениями или уточнениями.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВВОДНЫХ ЕДИНИЦ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

3.1. Перевод вводных единиц

3.1.1. Перевод вводных единиц с модальным значением

В настоящее время многие учёные в своих исследованиях акцентируют внимание на функциональном анализе языковых единиц, в результате чего выявляются языковые характеристики текста, авторское отношение и авторское намерение к сообщаемой информации и др. Функциональный анализ текста содержит разные цели, среди которых известны установление художественного пространства и времени, реконструкция древних текстов и установление их авторства, установление связи разноязычных текстов разных эпох. В данной работе исследуется именно отношение автора, авторское намерение и его героев к сообщаемой информации.

Весь спектр вводных слов, использованных Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание», можно отразить в 7 группах функционального назначения, выражающие следующие понятия: а) модальность; б) порядок мыслей и их связь; в) привлечение внимания собеседника к сообщению; г) манера речи; д) источник сообщения; е) степень обычности излагаемых фактов; ё) эмоциональная оценка.

Приступаем к анализу вводных конструкций романа в порядке их использования по принципу нисходящей продуктивности. Классификация вводных конструкций романа показала, что ядро вводных конструкций в романе составляют вводные слова с модальным значением. Их можно разделить на 2 подгруппы: а) вводные слова со значением уверенности, достоверности (*конечно, разумеется, очевидно, вернее сказать*); б) вводные слова со значением неуверенности, предположения, неопределённости, допущения (*пожалуй, может, кажется, может быть, казалось, видимо, должно быть, вероятно, наверно, положим, надеюсь, можно сказать*).

Рассмотрим слова первой подгруппы, среди которых главенствующим является вводное слово «конечно», выражающее уверенное утверждение и соответствующее по значению словам: без сомнения, разумеется. Например:

«Конечно, ты знаешь Дуню, знаешь, как она умна и с каким твердым характером» [174, с. 31]. *«Албатта, ту Дуняро нагз медонӣ, медонӣ, ки вай чӣ хел духтари оқила ва чӣ хел иродаи мустаҳкам дорад»* [180, с. 39]. В первом контексте автором использовано вводное слово «конечно» с целью выразить абсолютную уверенность в том, что адресат имеет достоверные сведения о предмете разговора. Для передачи данного вводного компонента переводчик выбрал вариантный эквивалент в таджикском языке - вводное слово «албатта», передающее тождественную с русским языком семантику в таджикском языке.

«К тому же он человек очень расчетливый и, конечно, сам увидит, что его собственное супружеское счастье будет тем вернее...» [174, с. 35]. *Азбаски домодшаванда одами бисъёр бомулоҳизаи эҳтиёткор аст ва албатта, худаш хоҳад дид, ки хушбахтии шахсии завҷияти вай пеш аз ҳама ба хушбахт шудани Дуня бо вай вобаста аст* [180, с. 44]. Во втором примере вводное слово «конечно» относится ко второй части предложения, с помощью вводной единицы героиня романа как бы обосновывает дальнейший ход событий. В этом контексте переводчик также выбрал эквивалент слова «конечно» в таджикском языке вводное слово «албатта», но в сочетании с сочинительным союзом «ва».

Несколько иная ситуация наблюдается в следующем примере. В финале предложения использована вставная конструкция, в составе которой наблюдается вводный компонент «конечно». В этом случае постпозиция указывает на то, что данная конструкция относится не совсем к содержанию предложения, а делает акцент на причину происходящего. В переводе на таджикский язык данное вводное слово передано его эквивалентом в таджикском языке вводным словом «албатта».

*«Выходит она, приседает, ну можете себе представить, еще в коротеньком платьице, неразвернувшийся бутончик, краснеет, вспыхивает, как заря (сказали ей, конечно)» [174, с. 459]. Сонӣ худӣ духтар баромад, як ба худатон тасаввур кунед, дар танаши куртачаи кӯтоҳ, гунҷаи нашкуфта, дарду рӯяш суп-сурх шуда, гӯё аланга мегирад, шафақи субҳ барин (ба вай гуфтаанд, **албатта**) [180, с. 564].*

Следующий компонент вводности с модальным значением в романе «Преступление и наказание» является предикатив «разумеется» употребляющийся при подтверждении сказанного, подчёркивании категоричности утверждения, соответствуя по значению словам: да, вне всякого сомнения, конечно, несомненно, а как же, ну а как же, т.е. данное вводное слово по семантике практически равносильно вводному слову «конечно». В плане перевода наблюдается аналогичная картина, как и с вводным словом «конечно»:

*«А та, **разумеется**, рассердилась и «отвечала с досадой» [174, с. 40]. Дуња бошад, **албатта**, оташин мешаваду бо «каҳру итоб» ҷавоб медиҳад» [180, с. 50]. «- **Разумеется**, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...» [174, с. 64] - Ту чиҳо мегӯӣ, **албатта**, не! Ман аз рӯи инсоф гап зада истодаам-дия... Ин ҷо гап дар ман не... [180, с. 80] «Старуха, **разумеется**, была дома, но она подозрительна и одна» [174, с. 73]. Пиразан, **албатта**, дар хонааш буд, лекин ӯ тани танҳо бошад ҳам аз ҳама чиз шубҳа мекард [180,с.91].*

Использованное автором вводное слово «действительно» выражает подтверждение и по значению соответствует фразеологическому единству «на самом деле». Для передачи данной единицы переводчик использует такие соответствия в таджикском языке как: вводные слова - «алҳақ», «ҳақиқатан», «дарвоқеъ»; вводные сочетания - «дар ҳақиқат», «дар воқеъ» и вводное предложение - «рост мегӯед». В следующих четырёх контекстах данное вводное слово выступает в своей основной функции и в переводе на таджикский язык в разных вариантах представлен как вводный компонент.

Примечательно то, что вводное слово «дар воқеъ», встречается в двух вариантах: раздельно - «дар воқеъ» и слитно - «дарвоқеъ».

«Действительно, господин Свидригайлов сначала обходился с ней очень грубо и делал ей разные неучтивости и насмешки за столом...» [174, с. 31]
Алҳақ, чаноби Свидригайлов даставвал ба Дуња дағалиҳо карда, дар сари мизи таом ҳар хел гапҳои беодобона зада ва ӯро масҳара кардааст... [180,с.39]

«Действительно, я у Разумихина недавно еще хотел было работы просить, чтоб он мне или уроки достал, или что-нибудь... - но чем теперь-то он мне может помочь?» [174, с. 51] *«Дарвоқеъ, ман ба қарибӣ аз Разумихин кор талабидан мехостам, то ки вай аз ягон ҷой дарс ёфта диҳад ё худ ягон кори дигар... - аммо вай акнун ба ман чӣ, ёрӣ карда метавониста бошад?* [180, с. 64]

«Хриплый, надорванный голос Катерины Ивановны слышался еще от моста. И действительно, это было странное зрелище, способное заинтересовать уличную публику» [174, с. 409]. *Алалхусус писарбачаю духтаракон бисъёр буданд. Дар воқеъ, ин як манзараи аҷибе буд, ки диққати мардуми кӯчаро ба худ кашида метавонист* [180, с. 501-502].

«Действительно, он слишком долго ни с кем не говорил! Соня поняла, что этот мрачный катехизис стал его верой и законом» [174, с. 400]. *Дар ҳақиқат, ӯ кайҳо ин ҷониб бо касе ин тавр гуфтугӯӣ накарда буд!*) *Соня фаҳмид, ки Раскольников ҳамин ақидаи мудҳишро ба имону эътиқоди худ табдил додааст* [180, с. 490].

Также для передачи данной семантики выявлено использование вводного предложения, автор в одном из контекстов использует односоставное определённо-личное предложение «рост мегӯед»:

« - Действительно, я человек развратный и праздный» [174, с. 275]. - *Рост мегӯед, ман одами бекорхӯча ва фосиқ* [180, с. 341].

Не всегда вводные слова переданы переводчиком на таджикский язык единицами вводности, встречаются контексты, в которых семантика

исследуемых единиц выражена членами предложения. В следующих двух примерах ранее употреблённые в качестве вводных элементов «дар ҳақиқат», «ҳақиқатан» использованы как обстоятельство образа действия, которые представляют семантику вводных единиц в общем содержании предложения.

«Уж когда господина Свидригайлова, со всеми последствиями, может снести, значит, **действительно**, многое может снести» [174, с. 42]. *Модом ки ба ҳама кирдукорҳои чаноби Свидригайлов тоб оварда тавониста бошад, дар ҳақиқат ба бисъёр чиз тоб оварда метавонад* [180, с. 53].

«Пульхерия Александровна, **действительно**, чем больше молчала, тем больше и робела» [174, с. 215]. *Пульхерия Александровна ҳақиқатан ҳам бисъёртар хомӯш истад, ҳамон кадар меҳаросид* [180, с. 267].

Далее в представлении авторской интенции модальности в романе прослеживается использование качественно-обстоятельственного наречия «очевидно», выражающего уверенное утверждение и соответствующего по значению словам: *без сомнения, безусловно, бесспорно, разумеется, конечно*. Данное вводное слово передаётся на переводящий язык вводными словами *зоҳиран, эҳтимол*, вводным сочетанием *аз афташ* и вводным словосочетанием *аз афти кор*. Нужно заметить, что вводная единица *аз афти кор* является фразеологическим оборотом, а *аз афташ* - его вариантом. В первых трёх контекстах прослеживается применение приёма вариантного соответствия:

«Свидригайлов был, **очевидно**, в возбужденном состоянии, но всего только на капельку» [174, с. 446]. *Свидригайлов, зоҳиран, ба ҳаяҷон омада буд, аммо фақат андаке* [180, с. 548]. «**Очевидно**, Мармеладов был здесь давно известен» [174, с. 13]. «*Аз афти кор, Мармеладов дар ин ҷо кайҳо боз одами маълуму маишхур буд*» [180, с. 17]. «*Он изредка, бараньим и мутным взглядом, глядел на оратора, но, очевидно, не имел никакого понятия...*» [174, с. 483]. *Вай ҳар замон бо чаимони хираи гӯсфандиаш ба нотик нигоҳ мекард, вале, аз афташ, мутлақо сарфаҳм рафта иаметавонист, ки сухан ...* [180, с. 592].

В последующих трёх примерах сохраняется применение приёма вариантное соответствие, но несколько иначе. В контексте оригинала вводный компонент находится в составе вводного оборота, переводчик в процессе перевода изолирует его от состава вводного оборота, обособляя от других членов предложения:

«Слова Ильи Петровича, очевидно недавно вышедшего из-за стола, стучали и сыпались перед ним большею частью как пустые звуки» [174, с. 507]. *Раскольников абрувонаширо саволомез боло карда, бо ҳамин маълум кард, ки суханони ҳамсӯхбаташиро сарфаҳм нарафтааст. Суханони Илья Петрович, ки эҳтимол, нав аз сари мизи пур аз нуклу наво хеста буд, ба гӯши Раскольников умуман хамчун овозҳои бемаънӣ мерасиданд* [180, с. 622]. *«Далее, в углублении двора, выглядывал из-за забора угол низкого, законченного, каменного сарая, очевидно часть какой-нибудь мастерской»* [174, с. 103]. *Дуртар аз ин ҷо, дарунтари саҳни ҳавлӣ, як гӯшаи хоначаи пастаки девораи сангини аз дуд сиёҳшудае аз паси девор ба назар мерасид, ки аз афташ, қисми кадом хел як устохона будааст* [180, с. 130]. *«Этот человек очень к тому же был неприятен, очевидно чрезвычайно развратен, непременно хитер и обманчив, может быть, очень зол»* [174, с. 443]. *Ин одам, ба замми ин, бениҳоят одами баттол, аз афташ, бағоят фосиқ, ифлос, аз ҳад зиёд маккор ва риёкор, эҳтимол, бисъёр ганда буд* [180, с. 544].

Очередной лексемой, выражающей категорическую достоверность в романе «Преступление и наказание» является наречие «верно» с подтверждающим значением и соответствующим словом «действительно», «в самом деле». Это вводное слово использовано изолированно, контекстов с его использованием в вводном обороте не выявлено. Для передачи вводных элементов в некоторых примерах переводчик использовал такие эквиваленты как «рост мегуфтанд», «рост», которые соответствуют семантике вводного слова «верно»:

«Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге...» [174, с. 72] *Рост*

меғуфтаанд, онҳое ки ба қатлашон мебаранд, фикру хаёлашон ба ҳама чизҳое банд мешудаанд, ки дар сари роҳашон дучор мекунанд» - дар майнааш пайдо шуд ин фикр, аммо чун барқ пайдо шуду бас; ин фикрро худи ӯ зуд барҳам зад... [180, с. 89]

*«Но, стало быть, и к нему сейчас придут, если так, потому что... верно, всё это из того же...» [174, с. 110] Аммо, аз ин мебарояд, ҳозир ба пеши вай ҳам зер карда меоянд, агар ин тавр бошад, «чунки... **рост**, ҳамаи ин аз ҳамон сабаб... аз сабаби воқеаи дируза... Худоё! [180, с. 139].*

В остальных случаях переводчик использовал варианты соответствия «зоҳиран», «аз афташ», «аз афти кор», «гӯё», которые выражают скорее неуверенность, предположение, неопределённость и допущение, нежели уверенность и достоверность:

*«Но, **верно**, ей тотчас же представилось, что он идет в другие комнаты...» [174, с. 25]. Аммо, **зоҳиран**, хам он дам зан гумон кард, ки каси бетона ба хонаҳои дигар меравад, чунки хонаи онҳо дудара буд [180, с. 32].*

*«Они-то, **верно**, и выбежали сейчас с таким криком. Полы только что окрашены...» [174, с. 83]. **Аз афташ**, ҳамин дозир онҳо доду фаръёзданон фуромада рафта буданд. Фарши хона нав ранг карда шуда, дар миёнҷой як чалақча ва як мундича ранг бо асбоби рангмоли меистод [180, с. 103].*

*«Тут, **верно**, было какое-то заведение, каретное или слесарное, или что-нибудь в этом роде...» [174, с. 103]. Ин ҷо, **аз афти кор**, ягон хел устохона, устохонаи аробасозӣ ё худ челонгарӣ ё ба ҳамин монанд ягон устохона будааст; ҳама ҷоро, қариб аз худи тақи дарвоза сар карда, ангишти хока фаро гирифта буду сип-сиёд метофт [180, с. 130].*

В предыдущих трёх примерах передача вводных слов осуществлена вводными соответствиями таджикского языка. Но в одном из контекстов переводчиком для передачи семантики вводного слова «верно» использован союз «гӯё», который употребляется при выражении предположительности или чего-либо кажущегося, соответствуя по значению словам *как будто*, *будто*.

«Это от месяца такая тишина, — подумал Раскольников, — он, верно, теперь загадку загадывает» [174, с. 263]. *Қурси калони моҳи мудаввари сурхчатоб рост ба тиреза нигоҳ макард. «Ин хомӯшӣ аз моҳтобишаб аст, — ба дил гузаронд Раскольников, — моҳ гӯё чистон мегӯяд»* [180, с. 325].

Несмотря на то, что перевод романа осуществлён на достаточно качественном уровне, некоторые вводные элементы, встреченные в нём остались без внимания переводчика. Выявлены такие контексты в тексте перевода, в которых вводные слова не переведены, о чём свидетельствуют следующие примеры:

«Странен, верно, и он ему показался: в таких лохмотьях, а сам деньги выдает!» [174, с. 48] - *Ина бинед-а! - гуфта ба Раскольников руй овард вай ва боз ўро сатҳӣ, аз сар то пояш, аз назар гузаронд. Раскольников ҳам ба назари вай бисъёр аҷиб менамуд: либосааш чигда-чигдаю аз кисааш пул мебарорад!* [180, с. 60]

«Где-то вдруг часы пробили один удар. Что это, неужели половина восьмого? Быть не может, верно, бегут!» [174, с. 72]. *Ана омада расид, ана ҳавлӣ, ана дарвоза. Банохост аз кучое садои як бор занг задани соат баромад. «Ин чӣ, наход хафтуним шуда бошад? Ҳеч мумкин нест, он соат пеш мерафтагист!»* [180, с. 89]

«Пока еще в больницу тащить, а тут, верно, в доме же доктор есть!» [174, с. 168] *Худааш одами аёлманд, зан, бача, як духтар дорад. Ҳочати ба касалхона бурдан ҳам нест, дар ҳамин хавлӣ духтур ҳаст!* [180, с. 209]

Наблюдаются также контексты данной категории с участием наречия «во всяком случае» - фразеологическим вводным словосочетанием, подчёркивающим уверенность в достоверности высказывания и соответствующим по значению словам «определённо», «безусловно». Для передачи данной вводной конструкции переводчиком использованы фразеологические единства «ба (дар) ҳар ҳол», «дар ҳар сурат». Данное вводное словосочетание относится преимущественно ко второй части основного предложения, например, *«Уже наверно решено, что я и Дуня*

выезжаем в Петербург, когда именно, не знаю, но, **во всяком случае**, очень, очень скоро, даже, может быть, через неделю» [174, с. 37-38]. «Акнун аниқ шудагй барин, ки ману Дуня ба Петербург меравем, аммо кай рафтанамонро намедонам, **ба ҳар ҳол**, ба зудӣ, бисъёр ба зудӣ меравем, ҳатто эҳтимол, баъди як ҳафта ба роҳ бароем» [7-А].

Следует отметить, что упомянутые выше фразеологические вводные обороты «ба (дар) ҳар ҳол», «дар ҳар сурат» синонимичны по отношению к русскому эквиваленту «во всяком случае» и переводчик для реализации своей цели поочерёдно использует их:

«А ведь мы все-таки джентльмены; то есть, **во всяком случае**, прежде всего джентльмены» [174, с. 429]. Охир мову шумо ба ҳар ҳол одамони баодобем; яъне, **дар ҳар сурат**, мо пеш аз ҳама одоби муоширатро бояд риоя бикунам; инро фаҳмидан даркор [180, с. 526].

Также выявлены контексты, в которых данный вводный компонент оставлен без перевода:

«- Не скажу какую, Родион Романович. Да и, **во всяком случае**, теперь и права не имею больше отсрочивать; посажу-с» [174, с. 438]. — Нӯги кадом риштаро? - Кадом ришта буданаширо намегӯям, Родион Романович. Умуман акнун ҳақ надорам корро дигар ба таъхир андозам; мешинонам [180, с. 538].

«Но, **во всяком случае**, затруднительно мужчине... по причине пола... Если бы с помощью Амалии Ивановны...» [174, с. 378] Ман тайёр... Аммо барои мард ин кор мушкилтар будагист... аз рӯи чинс мегӯям-да... Агар Амалия Ивановна ёри мекарданд... ин чӣ хел шуд, кор ин хел намешавад... Ин чӣ хел шуд-а? [180, с. 464]

Качественно-обстоятельственное наречие «в сущности» является следующим выразителем вводности с модальным значением категорической достоверности романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Данное вводное сочетание выражает главное, основное, что характеризует кого-либо или что-либо и соответствует по значению словам «фактически», «в действительности», «по существу». В тексте перевода данное сочетание

представлено наречием «аслан» как вводное слово и как член предложения. В следующих трёх контекстах вариантный эквивалент «аслан» использован как вводный компонент:

*«Никакой хозяйки, **в сущности**, он не боялся, что бы та ни замышляла против него» [174, с. 3]. Соҳибаи хона вайро ҳар кор карданӣ бошад ҳам, ӯ, **аслан**, аз ҳеҷ як соҳибхона наметарсид [180, с. 4].*

*«Знаю, что вы меня и с первого взгляда не полюбили, потому, **в сущности**, и не за что полюбить-с» [174, с. 431]. Шумо ба ин ҳақ доред. Медонам, шумо маро аз аввал бад мебинед, бо як дидан бад дида будед, **аслан**, ин ҳам дуруст, охир барои чӣ маро нағз медидаед! [180, с. 528]*

*«Мне, **в сущности**, всё равно, и я вас не вылечу, но вы, конечно, меня понимаете» [174, с. 447]. Барои ман, **аслан**, ҳеҷ фарқ надорад ва ман шуморо даво карда наметавонам, аммо, шумо, албатта, мақсади маро мефаҳмед [180, с. 549].*

Встречаются контексты, в которых наречие «аслан» выражает семантику вводного слова «в сущности», но в предложении выступает как член предложения, в данном случае как обстоятельство образа действия:

*«Впоследствии, когда он припоминал это время и всё, что случилось с ним в эти дни, минуту за минутой, пункт за пунктом, черту за чертой, его до суеверия поражало всегда одно обстоятельство, хотя, **в сущности**, и не очень необычайное, но которое постоянно казалось ему потом как бы каким-то предопределением судьбы его» [174, с. 59]. Баъдҳо, вақте ки ӯ ин давраро ва ҳар он чӣ дар ин рӯзҳо аз сар гузаронда буд, дақиқа ба дақиқа, нуқта ба нуқта, аз ибтидо то интиҳояш аз лавҳи хотир бозмеовард, як чиз вайро ҳамеша маҳви ҳайрат сохта то ба дараҷаи тавоҳумпарастӣ мерасонд, гарчӣ ин чиз **аслан** чандон фавқулодда ҳисоб намеёфт, аммо ба назараи сипас доиман ин ҳамчун як чизи дар пешониаш навишташуда, ҳамчун қисматаш менамуд [180, с. 74].*

*«Конечно, я рассудил потом, что такого вопроса, **в сущности**, быть не должно, потому что драки и быть не должно, и что случаи драки в*

будуцем обществе немислимы... » [174, с. 349]. Албатта, ман сонитар ба чунин хулоса омадам, ки чунин масъала гузоштан **аслан** нодуруст аст, чунки занозанӣ набояд ҷой дошта бошад, дар чамъияти оянда ҷангу ҷанҷолу занозаниҳо мутлақо барҳам мехӯранд... ва, албатта, дар занозанӣ баробарӣ ҷустан кори аҷиб аст [180, с. 430-431].

«Одним словом, надежда хоть и могла бы быть, но весьма эфемерная, потому никаких, **в сущности**, прав на вспоможение, в сем случае, не существует, а даже напротив...» [174, с. 356] Хулоса, бӯи умеде ҳаст, аммо ҷудо кам, чунки **аслан** дар чунин мавридҳо ҳеҷ илоҷи нафақа гирифтани нест ва ҳатто баръакс... Аммо он кас бошанд аллакай аз паи нафақа шудаанд, ҳе-ҳе-ҳе! Чаққониашонро бинанд-а! [180, с. 439]

И, наконец, в одном контексте данная единица оставлена без перевода.

«Правда, всё это было темно, донос был от другой же немки, отъявленной женицины и не имевшей доверия; наконец, **в сущности**, и доноса не было, благодаря стараниям и деньгам Марфы Петровны» [174, с. 283]. Рости гап, ҳамаи ин кор норавшан буд, ҳамон хатро як немисзани расвои бемаза навишта будааст; ниҳоят, ба тавассути ҷидду чаҳди зиёд ва хеле пул сарф кардани Марфа Петровна ин хат ҳам аз байн гум мешавад; як миш-миш мешаваду бо ҳамин ин овоза пасанда мегардад [180, с. 350].

Вводное словосочетание «вернее сказать» со значением, соответствующим словам «лучше сказать», «более точно сказать», использовано автором всего один раз. Переводчик осуществил передачу данного компонента подбором смыслового эквивалента - прилагательным сравнительной степени «аниқтараш».

«Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, **вернее сказать**, как бы в какое-то забытье, и пошел, уже не замечая окружающего...» [174, с. 4]. «Аммо дере нагузашта ӯ гӯё ба андешаҳои ҷуқуре фуру рафт, **аниқтараш**, ҳатто гӯё ба як навъ ҳолати мадҳушӣ афтод ва ба давру пеши худ нимнигоҳе накарда, ҳатто ба давру пешиш нигоҳ кардан ҳам нахоста, ба роҳаш...» [7-А].

Приступим к рассмотрению использованных автором вводных единиц второй подгруппы, выражающих неуверенность, предположение, неопределённость и допущение.

Методом сплошной выборки иллюстративного материала из романа установлено, что среди данных единиц доминантой является вводное слово «может быть», выражающее возможность, допустимость и предположительность чего-либо. В основном для передачи этого сочетания переводчиком использованы вводные слова «шояд», «эхтимол», «ба хаёлам» и союз «балки». Например:

*«Милостивый государь, милостивый государь! — воскликнул Мармеладов, оправившись, вам, **может быть**, всё это в смех, как и прочим, и только беспокою я вас глупостью всех этих мизерных подробностей домашней жизни моей, ну а мне не в смех! Ибо я всё это могу чувствовать...»* [174, с. 21]. *Чаноби мӯҳтарам, чаноби мӯҳтарам! - хитоб намуд Мармеладов, худро ба даст гирифта, - эй аълоҳазрати ман, **шояд ҳамаи ин гапҳои ман ба шумо ҳам хандаовар намояд, ... аммо барои ман хандаовар нест!*** [180, с. 26]. Выражая неуверенное предположение герой пытается довести до собеседника своё моральное состояние, которое посторонним может казаться абсурдом. Несмотря на то, что вводное слово «может быть», в данном контексте выступает изолированно, в переводе на таджикский язык применено вводное слово «шояд» (выражающее допущение) в составе вводного оборота. Модальный глагол «шояд» является вариантным соответствием вводной конструкции «может быть», что свидетельствует о применении переводчиком переводческого приёма - вариантное соответствие.

Нельзя не отметить случаи лексического опущения вводного оборота, которое несколько повлияло на субъективную позицию героя романа к высказанной мысли: герой предполагает, допускает ход событий, а в тексте перевода об этом не упоминается, сочинительный союз «а», находящийся в

обособлении с вводным сочетанием «может быть» представлен союзом «балки», а вводный компонент оставлен без перевода:

*«Понимаете ли вы, что лужинская чистота всё равно, что и Сонечкина чистота, **а может быть**, даже и хуже, гаже, подлее, потому что у вас, Дунечка, все-таки на излишек комфорта расчет» [174, с. 43].* *Оё шумо мефаҳмед, ки покизагии Лужин аз покизагии Сонечка фарқе надорад, **балки** ин покизагӣ ҳатто гандатар, ифлостар, залилонатар аст, чунки гарази шумо, Дунечка ба ҳар ҳол аз ин ҳам беиштар ҳузуру ҳаловат бурдан аст, аммо масъалаи Сонечка тамоман дигар аст, он ҷо сухан дар бораи аз гуруснагӣ намурдан меравад!* [180, с. 54-55]

Наблюдаются случаи, когда вводные единицы в тексте перевода выражены членом предложения, например, вводное слово «шояд» использовано как член предложения, так как оно не обособлено.

*«Вдруг он припомнил и сообразил, что этот большой ключ, с зубчатой бородкой, который тут же болтается с другими маленькими, непременно должен быть вовсе не от комода, а от какой-нибудь укладки, и что в этой-то укладке, **может быть**, всё и припрятано» [174, с. 76].* *Банохост ба хотираш расид ва фаҳмид, ки ин калиди калони дандонадори дар катори дигар калидҳои хурд овезон ҳаргиз азони ҷевон набояд бошад (чунон ки дафъаи гузашта ҳам айни ҳамин фикр дар майнааш пайдо шуда буд), балки калиди ягон сандуқи дигар будагист ва **шояд** дар ҳамон сандуқ пиразан ҳама чизашро тинҳон карда бошад* [180,с.95].

Вводные конструкции в следующих примерах сравниваемых языков являются вариантами выражения предположения, допущения с применением со стороны переводчика приёма вариантного соответствия.

*«Он тут, **может быть**, с построения дома лежит и еще столько же пролежит» [174, с. 104].* *Ин санг, **эҳтимол**, аз замони сохта шудани ҳамин иморат хобидааст ва кӣ медонад, боз чӣ қадар мехобад* [180, с. 131].

«- Ты, **может быть**, теперь не в состоянии, ты устал» [174, с. 186]. -
Ту хозир, эҳтимол, мадори гап задан надорӣ, монда шудаӣ, - нармдилона
гуфт ӯ [180, с. 232].

В некоторых контекстах переводчик вводное сочетание «может быть» целиком заменяет союзом «балки», совершая таким образом резкий переход к противоположной мысли, опасаясь обратной реакции адресата к сказанному им в первой части предложения:

«Сам теперь всё открывай, все ваши секреты, так я еще и слушать-то, **может быть**, не стану, плюну и уйду» [174, с. 422]. Бало ба паси ҳамааш. Худам намехоҳам! Даркор бошад, ҳама сирру асроратонро худат меғӯӣ, **балки** ман ин сирру асрори шуморо донистан ҳам намехоҳам, туф мекунаму аз ҷоям хеста меравам [180, с. 518].

«Тут ничего, то есть ровно ничего, и, **может быть**, в высшей степени ничего» [174, с. 432]. Ин ҷо ҳеҷ гап не, яъне умуман ҳеҷ гап не, **балки** мутлақо ягон гап нест [180, с. 530].

«Познав вас, почувствовал к вам привязанность. Вы, **может быть**, на такие мои слова рассмеетесь» [174, с. 430-431] Чӣ хел одам будани шуморо фаҳмидаму меҳрам ба шумо тофт. **Балки** шумо ба ин гапҳои ман механдед! [180, с. 528]

Вводное слово «кажется», выражающее субъективное предположение, в тексте перевода выражено эквивалентами таджикского языка – аз афташ (аз афти кор), зоҳиран, ба фаҳми ман, воқеан, ба назарам (ба назари ман), ба хаёлам (ба хаёли ман), ба фикри ман, мазмун, гӯё и др. В основном перевод вводного слова «кажется» произведён с помощью фразеологических оборотов «ба фикри ман», «ба хаёли ман», «аз афташ».

«Ну и довольно, **кажется**, для весьма приличного *oraison funebre* нежнейшей жене нежнейшего мужа» [174, с. 452-453]. Ба фикри ман, дар шағни шодравон завҷаи ба шавҳараи багоят меҳрубон ҳамин *oraison funebre* аз тарафи шавҳари меҳрубон кифоя будагист [180, с. 556].

«Читала вслух собственноручное письмо Дунечкино к господину Свидригайлову и даже давала снимать с него копии (что, **мне кажется**, уже и лишнее)» [174, с. 33]. *Файр аз ин, мактуби бо дасти худаи ба ҷаноби Свидригайлов навишташудаи Дунечкаро ба Ҳама нишон дода ва онро бо овози баланд хонда додааст ва ҳатто имкон додааст, ки онро нусхабардор кунанд (ин кораи, **ба хайли ман**, ҳеч лозим набуд)* [180, с. 42].

«- **Кажется**, славная личность! - с некоторым жаром ответила Авдотья Романовна» [174, с. 194]. - *Аз афтаиш, одами бисъёр нағз! - рӯ-рӯи хона дубора пасу пеш қадамзанон, бо ҳарорати андаке ҷавоб дод Авдотья Романовна* [180, с. 242].

«**Мне кажется**, ваш приезд будет иметь на него спасительнейшее влияние» [174, с. 202]. *Ба фаҳми ман, омадани шумо барои халос шудани вай аз ин аҳвол бисъёр фоида расонданиш мумкин* [180, с. 253].

Часто для передачи данной вводной единицы переводчиком использовано наречие «зоҳиран»:

«Было душно, так что было даже нестерпимо сидеть, и всё до того было пропитано винным запахом, что, **кажется**, от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным» [174, с. 11]. *Ҳавои майхона дим буда, нафас гирифтаи мушкил мегашт, нишастан дар он ҷоқақатишкан буд, ба Ҳама чизи гирду атроф бӯи май чунон нишаста буд, **ки зоҳиран**, аз худи Ҳамин бӯи дар зарфи панҷ дақиқа маст шудан мумкин буд* [180, с. 14].

В ходе анализа было выявлено также использование разговорного слова «мазмун», которое соответствует по значению словам «кажется», «повидимому», «как представляется».

«Я, разумеется, мало поняла, но Дуня объяснила мне, что он человек хотя и небольшого образования, но умный и, **кажется**, добрый» [174, с. 35]. *Ман, албатта, чӣ хел одам будани вайро дуруст нафаҳмидам, аммо Дуня ба ман гуфт, ки вай одами маълумоташ калон набошад Ҳам аммо оқил ва, **мазмун**, одами нағз аст* [180, с. 43-44].

Использованное автором вариантное соответствие «гуё» по семантике соответствует вводному слову «кажется», но в предложении выполняет функцию члена предложения в составе обстоятельства образа действия в сочетании с наречием «қасдан».

*«Хозяин, **кажется**, нарочно сошел из верхней комнаты, чтобы послушать «забавника», и сел поодаль, лениво» [174, с. 13]. Соҳиби майхона, **гуё** қасдан аз хонаи боло поин фуromaда буд, то ки гапҳои ин «ширинкор»-ро гуш кунад [180, с. 17].*

В нашей картотеке наблюдаются также примеры, в которых вводное слово «кажется» оставлено без перевода, в результате чего субъективное отношение автора к сообщаемому ослабевает, хотя в общем содержании некоторых контекстов намёк на позицию автора всё же имеется.

*«Он человек, **кажется**, умный...» [174, с. 254] Худаиш одами боақл барин менамояд... [180, с. 314]*

*«Ну уж что, **кажется**, во мне за краса, и какой я супруг? Нет, ущипнула за щеку: «Малявочка ты эдакая!» — говорит» [174, с. 21]. Охир вай аз рӯи ман маҳ надида буд ва ман шавҳар шуда чӣ кор ҳам кардам? Не, бо вучуди хамаи ин рӯи маро пучиду «Эй моҳичаи ман!» гуфт [180, с. 26].*

*«Но теперь, слава богу, я, **кажется**, могу тебе еще выслать, да и вообще мы можем теперь даже похвалиться фортуной» [174, с. 30]. Лекин акнун, худоро шуқр, ман ба ту пул фиристода метавонам ва умуман, акнун мо худамонро ҳатто таъриф ҳам карда метавонем, ки бахтамон тофтааст ва ман инро аз шодию хурсандӣ ба ту мегӯям [180, с. 38].*

Далее, автор для выражения данной категории модальности (неуверенность, предположение, неопределённость и допущение) использует такие вводные слова как *может, пожалуй, казалось, видимо, должно быть, вероятно, наверно, положим, надеюсь, можно сказать, кажись*. Для передачи на таджикский язык переводчик выбрал примерно аналогичные эквиваленты, которые были использованы в предыдущих примерах. Приведём примеры:

«Он, **казалось**, уже сильно ослаб, но чем более хмелел, тем становился словоохотнее» [174, с. 19]. Вай, **зоҳиран**, хеле сусту беҳол шуда буд, аммо ҳар чадар кайфаиш баланд шавад, ҳамон қадар хушчақчақу сергаптар мешуд [180, с. 25]. При переводе вводного слова в этом предложении проведена грамматическая трансформация - замена части речи, т.е. здесь произошла замена глагола «казалось» на наречие «зоҳиран».

Кроме того, наблюдается передача русского модального слова таджикскими фразеологическими оборотами:

«- Не правда ли? - вскричал Разумихин, **видимо**, обрадовавшись, что ему ответили, - но ведь и не умна, а?» [174, с. 118]. - Гапам рост нест? - бонг зад Разумихин, ки **аз афтаиш**, аз ҳамин ҳол хурсанд шуда буд, ки ба саволаш ҷавоб додаанд, — аммо вай бо вучуди ҳамин беақл аст, ҳамту не? [180,с.148]

«**Положим**, уроки достанет, **положим**, даже последнюю копейкой поделится, если есть у него копейка, так что можно даже и сапоги купить, и костюм поправить» [174, с. 51]. **Фарз кардем**, ки дарс ёфта дод, **фарз кардем**, ки ҳатто кисаашро чапна карда ду-се тин бароварда дод, агар ба шарте, ки дар кисааш пул бошад ва ба ин пул ман мӯза харида, либос медузоному барои дарсгӯӣ рафта метавонистагӣ мешавам... ҳм... [180, с. 64]

В следующих двух контекстах переводчиком подобраны вводным словам варианты соответствия:

«Зайдите ко мне сюда часов этак в семь. Андрей Семенович, **надеюсь**, тоже будет участвовать...» [174, с. 357] Шумо соатҳои ҳафт ба пеши ман дароед. **Умедворам**, ки Андрей Семенович ҳам ба мо қатӣ мешаванд... [180, с. 440]

«Всё это способствовало, главным образом, и тому неожиданному случаю, через который теперь меняется, **можно сказать**, вся судьба наша» [174, с. 34]. «Ҳамаи ин асосан боиси он воқеаи ногаҳонӣ гардид, ки ба туфайли он акнун, **метавон гуфт**, ҳамаи тақдири мо дигаргун...» [7 - 1].

Проведённый анализ вводных слов со значением модальности показал, что автор использовал 20 вводных единиц, 7 из которых представляют семантику уверенности и достоверности, 13 – значение неуверенности, предположения, неопределённости, допущения. Переводчиком использованы приёмы вариантного соответствия, лексической трансформации (лексическое опущение), грамматической трансформации (замена части речи). Следует отметить, что переводчиком было употреблено большое количество фразеологических оборотов при передаче данных языковых единиц на таджикский язык.

3.1.2. Перевод вводных единиц, выражающих порядок мыслей и их связь

Несмотря на то, что в романе «Преступление и наказание» вводных слов, выражающих порядок мыслей и их связь в количественном отношении меньше, чем вводных слов со значением модальности, в тексте романа первые представлены в более разнообразном контингенте. Данная функциональная группа состоит из 26 вводных единиц, представленных автором в тексте романа (*впрочем, наконец, стало быть, например, однако, одним словом, значит, напротив, кроме того, главное, во-первых, кстати, между прочим, во-вторых, в свою очередь, мало того, следовательно, таким образом, итак, следственно, сверх того, прежде всего, к довершению, с одной стороны, с другой стороны, прибавлю к тому*).

Результаты метода сплошной выборки показали, что наиболее продуктивным вводным словом данной семантической группы и всего текста романа «Преступление и наказание» является противительный союз «впрочем», выражающий нерешительность, колебание, переход к другой мысли. Доминантой среди выбранных переводчиком вариантных эквивалентов в таджикском языке вводному слову «впрочем» (*бо вучуди он (ин), воқеан, лекин, ба ҳар ҳол, аммо, зимнан, вале, ин буд ки, аслан, дарвоқеъ, умуман*) выступает наречие образа действия «воқеан», которое в этих конструкциях выполняет не основную свою функцию вводности и выступает

как своеобразный «мост» для перехода к другой мысли. Например, в следующих двух примерах вводное слово «впрочем» вводит неожиданный поворот в ход развития мысли, как бы противопоставляя вторую часть фразы – первой:

*«А **впрочем**, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю»* [174, с. 4]. *«**Воқеан**, ман аз ҳад зиёд варқосӣ мегӯям. Аз он сабаб ҳам ба коре азм намекунам, ки мелаққам»* [180, с. 5]. *«Эту-то, теперешнюю квартиру я забыл; **впрочем**, я ее никогда и не помнил, потому что не знал»* [174, с. 117]. *Ана ин хонаи ҳозираатро фаромӯш кардаам; **воқеан**, ман инро ҳеҷ гоҳ дар хотир надоштам, барои он ки намедонистам* [180, с. 146].

В некоторых примерах оно создаёт предпосылку к уточнению предмета сообщения: *«За дверью слышались, **впрочем**, голоса про больницу и что здесь не след беспокоить напрасно»* [174, с. 172]. *Аз паси дар, **воқеан**, овозхое, ба гӯш мерасиданд, ки мачрӯхро ба беморхона бурдан даркор, ин чо хобидани вай бефоида аст, мегуфтанд* [180, с. 213]. В этих трёх предложениях переводчиком проведена грамматическая трансформация приёмом замены части речи, т.е. к противительному союзу «впрочем» подобрано наречие образа действия «воқеан».

Можно отметить также использование переводчиком и других наречий, в частности, - «зимнан», «аслан», «дарвоқеъ»:

*«**Впрочем**, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие»* [174, с. 44]. ***Зимнан**, ҳамаи ин саволҳо нав набуданд, ногаҳон ба миён наомада буданд, балки ҳамаашон саволҳои кӯҳна, саволҳои азиятбахш, дерина буданд* [180, с.55].

*«Этот заклад был, **впрочем**, вовсе не заклад, а просто деревянная, гладко обструганная дощечка, величиной и толщиной не больше серебряной папиросочницы»* [174, с. 67]. *Ин гарав, **аслан**, гарав ҳам набуд, балки як тахтачаи чӯбини нағз рандашудае буд, ки андоза ва гафсиаш ба як папиросдони нуқрагин баробар омада метавонист* [180, с. 63].

«Сначала, - **впрочем**, давно уже прежде - его занимал один вопрос: почему так легко отыскиваются и выдаются почти все преступления и так явно обозначаются следы преступников?» [174, с. 69] Даставвал, - **дарвоқеъ**, кайҳо ин ҷониб, - як масъала аҷлу ҳуши ўро ба худ машгул медошт: ба чӣ сабаб қариб ҳама ҷиноятҳо ин қадар ба осонӣ кофта ёфта ва ошкор карда мешаванду изи қариб ҳамаи ҷинояткорон ин қадар баръало маълум мешавад? [180, с. 86]

Очень часто использованы фразеологические обороты «бо вучуди он» «ба ҳар ҳол», указывающие на начало перехода к другой мысли:

«**Впрочем**, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу» [174, с. 4]. **Бо вучуди он**, ин дафъа ба кўча баромада ҳатто худӣ аз тарси вохўрдан бо қарзхоҳаш маҳви ҳайрат гашт [180, с. 5].

«Мармеладов остановился, хотел было улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал. Он, **впрочем**, удержался» [174, с. 21]. Мармеладов хомӯш гашт, табассум карданӣ шуд, аммо ба ногоҳ зери манаҳаш пир-пир паридан гирифт. Вай, **ба ҳар ҳол**, худдорӣ намуд [180, с. 26].

Часто в переводном тексте данную единицу представляют такие союзы как «аммо», «вале», «лекин», которые в таджикском языке являются её эквивалентом:

«Писец оглядел его, **впрочем**, без всякого любопытства» [174, с. 90]. Муншӣ ба ў сатҳӣ назар андохт, **аммо** аз нигоҳаш ягон осори кунҷковӣ зоҳир нашуд [180, с. 114].

«Пожалуй, **впрочем**, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю» [174, с. 4]. «**Вале**, эҳтимол, суръати ҳол ин бошад: аз он сабаб мелаққам, ки ба коре аз м намекунам» [180, с. 5].

«**Впрочем**, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить» [174, с. 4]. **Лекин** дар ин гузар касеро бо сару либос маҳви ҳайрат сохтан амри маҳол буд [180, с. 6].

Для раскрытия отношения героя к сказанному применён приём лексического добавления. Односоставные предложения «ба ман чӣ» и «ин буд, ки» конкретизируют отношение персонажа романа к основному сообщению:

*«Пожалуй, и на свадьбу свою наденет! А **впрочем**, черт с ним!»* [174, с.42] *Дар тӯи худаиш ҳам меовехтагист! Э, **ба ман чӣ**, овезад овехтан гирад!* [180,с.52]

*«**Впрочем**, и от него скоро все отвернулись. Ни в общих сходках, ни в разговорах, ни в забавах»* [174, с. 50]. ***Ин буд, ки** дере нагузаишта ҳама аз вай рӯй гардонданд. На дар ягон чамъомад иштирок мекард, на дар баҳсу мувоҳисаҳо, на дар ҳазлу шӯҳиҳо ва на дар ягон кор* [180, с. 62].

Наречие «наконец» как вводное слово в романе указывает на связь мыслей, порядок их изложения (в значении «и ещё»), завершает собой перечисление, даёт оценку факта с точки зрения лица говорящего или употребляется для выражения нетерпения; для усиления, подчёркивания чего-либо. В результате анализа выявлено, что практически весь контингент примеров с вводным словом «наконец» в тексте перевода представлен наречием «ниҳоят». Например:

*«И, **наконец**, уже на улице, он воскликнул: «О боже! как это всё отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость!»* [174, с. 9]. *Ва, **ниҳоят**, баъди баромадан ба кӯча, ӯ нидо дардод: «Ё парвардигор! Ин қадар нафратовар аст ҳамаи ин! Ва находки, наход, ки ман... не, ин гапи намешудагӣ, ин гапи бемаънӣ! - боз гуфт ӯ бо катъият* [180, с. 11]. *«Кроме того, в оправдание Дуни, явились, **наконец**, и свидетельства слуг, которые видели и знали гораздо больше...»* [174, с. 33] *Ғайр аз ин, **ниҳоят**, хизматгорон омада барои сафед кардани Дуния шаҳодат медиҳанд* [180, с. 41]. *«Напряженное молчание длилось с минуту, **и наконец**, как и следовало ожидать, произошла маленькая перемена декорации»* [174,с.136]. *Хомӯшии тоқатишкан як дақиқа тӯл кашид **ва ниҳоят**, чунон ки мебоист, дар сурати аҳвол тағйироти андаке ба миён омад* [180, с. 170].

В следующем первом контексте вводное слово «наконец» даёт оценку факта с точки зрения лица говорящего, а во втором оно употребляется героем для выражения оправдания своего поступка. Очень удачно для этого контекста переводчик подобрал варианты соответствия в таджикском языке «ниҳоят» и «ба замми ин»:

«Кроме того, вы брат особы, которая меня очень интересовала, и, наконец, от самой этой особы в свое время я ужасно много и часто слышал о вас, из чего и заключил, что вы имеете над нею большое...» [174, с. 448].
Файр аз ин, шумо акаи духтаре мешавед, ки як вақтҳо ба вай бисъёр майл доштам, ниҳоят, аз худи ҳамон духтар дар вақташ дар ҳаққи шумо бисъёр гапҳои аҷоиб шунида будам... [180, с. 551]

«- Однако ж, Пульхерия Александровна, — горячился в бешенстве Лужин, - вы связали меня данным словом, от которого теперь отрекаетесь и наконец, наконец, я вовлечен был, так сказать, через то в издержки...» [174, с. 290]. - Медонед, Пульхерия Александровна, — гуфт Лужин, оташи газабаш боло гирифта, — шумо ба ман ваъда дода, дасту пояро бастед, акнун аз қавлатон мегардед... ба замми ин... ба замми ин, ман ба туфайли қавли шумо хеле серхарҷ шудам... [180, с. 357]

Можно отметить использование данной вводной единицы для выражения нетерпения. В первом из следующих предложений для передачи вводного слова «наконец» переводчик выбрал эмоциональную частицу «охир», а во втором контексте оно оставлено без перевода, хотя последнее предложение содержит эмоциональный оттенок:

«- Оставьте, оставьте меня все! - в исступлении вскричал Раскольников. - Да оставите ли вы меня, наконец, мучители!» [174, с. 146] -
О ту чӣ кор кардӣ, чӣ кор кардӣ? - гуфт Разумихин ки ба ҳайрат афтада буду сар медунбонд. - Монед маро, ба ман коратон набошад! - дар ҳолати беҳудӣ фаръед зад Раскольников. - Охир маро ба ҳолам мегузored ё не, золимон! [180, с. 182]

*«Да защитите же ее, что ж вы стоите все! Родион Романович! Вы-то чего ж не заступитесь? Вы тоже, что ль, верите? Мизинца вы ее не стоите, все, все, все! Господи! Да защити ж, **наконец!**» [174, с. 379]. Худоё! Вайро ҳимоя кунед, чаро ҳамаатон хап истодаатон! Родион Романович! О чаро шумо гап намезанед? Чӣ, шумо ҳам бовар мекунад? Ба нохуни пои вай намеарзед, ҳамаатон, ҳамаатон, ҳамаатон, ҳамаатон! Парвардигор! Худат дар паноҳат нигоҳ дор! [180, с. 466]*

В следующих трёх контекстах переводчик осуществляет передачу вводного компонента тем же наречием «никогда», но как член предложения (обстоятельство времени):

*«Любопытно и смотреть, и слушать и я, признаюсь, так рад, что вы изволили, **наконец**, пожаловать...» [174, с. 240]. Ман муштоқи дидани шумо ва шумидани суханони шумо будам... ман, ростиширо гӯям, бисъёр хурсандам, ки шумо **никогда** омадед... [180, с. 297]*

*«- Вы меня спрашивал у дворника? - проговорил, **наконец**, Раскольников, но как-то очень негромко» [174, с. 258]. - Шумо маро пурсида будед... аз фаррош? - гуфт **никогда** Раскольников, аммо бо овози хеле паст [180, с. 319].*

*«Только жужжала и билась какая-то большая муха, ударяясь с налета об стекло. **Наконец**, это стало невыносимо: Раскольников вдруг приподнялся и сел на...» [174, с. 264]. Фақат як пашиаи калон гиригоскунон худро ба оинаи тиреза мезад. **Никогда** аз ин ҳол тоқати ӯ тоқ шуд: Раскольников беҳост аз ҷояш нимхез шуда рӯи диван нишаст [180, с. 327].*

Далее, в тексте романа «Преступление и наказание» просматривается использование Ф.М. Достоевским вводных слов и словосочетаний *стало быть, значит, следовательно, следственно, таким образом, итак*, подчёркивающих значение итога, результата предшествующего действия. Проведённым анализом установлено, что главенствующим среди перечисленных единиц в романе является вводное словосочетание «стало

быть» и для его передачи на таджикский язык переводчик предпочтительно избрал противительный союз «пас»:

*«**Стало быть**, уж и тем хорошо, что никакого подозрения, что зашел и остановился. Тут всё так разом и сбросить где-нибудь в кучку и уйти!»* [174, с. 103] *«**Пас**, ҳаминаш айни муддаост, агар кас ин чо даромада бозистад, касе бадгумон намешавад. «Ҳама чизро ана ба ҳамин чо партофта рафта мумкин будааст!»* [180, с. 130]

*«Или что если задаю вопрос: вошь ли человек? - то, **стало быть**, уж не вошь человек для меня...»* [174, с. 401]. *Ё худ агар худам ба худам савол диҳам, ки оё шабуик одам аст ё не? - **пас**, одам барои ман шабуик намешавад...* [180, с. 491-492]

*«Что ж, по-моему, это только гений притворства и находчивости, гений юридического отвода, - **а стало быть**, нечему особенно удивляться!»* [174, с. 425] *Хайр, ин, ба хаёлам, дараҷаи олии муғамбирӣ ва ўҳдабарой, маҳорати олии чапғалат дода, ба хато андохтани ҳуқуқшиносон аст, — **пас**, ин ҳеч чои тааҷҷуб надорад! Оё ҳамин гуна одамҳо нестанд?* [180, с. 521]

Для передачи данного компонента автором перевода также использованы такие союзы как «яъне» (со значением объяснения, разъяснения), «бинобар ин» (выражающий связь мыслей), стоящие в начале распространённого предложения или словосочетания:

*«**Стало быть**, дома сидят, да не отпирают!»* [174, с. 81]. ***Яъне**, дар хона нишастаанду дарро намекушоянд!* [180, с. 102]

*«Потом пыхтя нагнулся и стал смотреть в замочную скважину; но в ней изнутри торчал ключ и, **стало быть**, ничего не могло быть»* [174, с. 82]. *Аз он баъд фаиш-фушкунон хам шуду ба сӯрохи қулф назар андохт; аммо аз дарун дар сӯрохи қулф калид буд, **бинобар ин** чизе намоён намешуд* [180,с.102].

Можно также наблюдать передачу исследуемой единицы «стало быть» односоставными предложениями «маълум мешавад» и «аз ин мебарояд», выражающими итог, результат и вывод:

«Стало быть, не оставил же еще совсем разум, стало быть, есть же соображение и память, коли сам спохватился и догадался!» [174, с. 86].

Маълум мешавад, ханӯз аз ақл бегона нашуда будаам, маълум мешавад, модом ки худам хушьёр шуда, худам пай бурда бошам, майнаам ханӯз кор мекардааст, ҳушам дар чояи будааст! [180, с. 109-110].

«Но, стало быть, и к нему сейчас придут, если так, «потому что... верно, всё это из того же... из-за вчерашнего... Господи!» [174, с. 110]

Аммо, аз ин мебарояд, ҳозир ба пеши вай ҳам зер карда меоянд, агар ин тавр бошад, «чунки... рост, ҳамаи ин аз ҳамон сабаб... аз сабаби воқеаи дирӯза... Худоё! [180, с. 139]

Нередко в таджикском переводе использованы вводные слова «аз ин рӯ», выражающий итог, результат и вывод, «ба хаёлатон» - источник сообщения и «набошад» - просьбу и цель:

«Я его друг, а стало быть, и ваш друг. Я так хочу...» [174, с. 189]. Ман дӯсти вай, аз ин рӯ ман дӯсти шумо ҳам. Ман мехоҳам ҳамин хел бошад... [180, с. 236]

«- Вы отрицаете в нем, стало быть, всякое нравственное чувство? Да разве он таков?» [174, с. 471] - Азоби виҷдон чӣ? Ба хаёлатон, вай ягон ҳиссиёти маънавӣ надорад? Наход вай ҳамин хел одам бошад? [180, с. 577]

«Раскольников усмехнулся. Понимаю. И отца, стало быть, завтра не пойдешь хоронить?» [174, с. 309]. Раскольников лабханд кард. Мефаҳмам... Набошад, пагоҳ падаратро гӯр карданӣ ҳам намераӣ? [180, с. 381]

Далее, в тексте романа вводные слова данной семантической группы представлены в следующей лексической последовательности:

- «одним словом» – выражает краткое обобщение или подведение итога сказанному: *«Одним словом, милый Родя, письмо это так благородно и трогательно написано, что я рыдала, читая его, и до сих пор не могу его читать...» [174, с. 33]. «Хулласи калом, Родяҷони ширин, ин мактуб чунон риккатовар ва чунон олиҳимматона навишта шудааст, ки ман вақти онро хонданам дунгос зада гиристам ва то ин дам онро бе оби дида хонда*

наметавонам» [7 - А]. Для данной единицы переводчиком подобрано вводное слово «хулласи калом», выражающее итог, результат и вывод.

- «например» – употребляется при перечислении или при пояснении слова в предложении, а также при иллюстрации предшествующего изложения: «Он, *например*, и мне показался сначала как бы резким; но ведь это может происходить именно оттого, что он прямодушный человек» [174, с. 36]. Домод, **масалан**, даставвал ба назари ман ҳам одами тундфеъл намуда буд; лекин охир ин тундхӯии вай маҳз аз сабаби он сар мезанад, ки вай одами кушодадил аст, аслан, ҳамин хел аст вай [180,с.44]. Его эквивалентом в тексте перевода выступает вводное слово «масалан», которое используется для объяснения ранее упомянутой идеи.

- «однако», «напротив», – выражают противопоставление одной части предложения другой – в противоположность сказанному, ожидаемому:

«— Я слышал, *однако*, что у вас здесь много знакомых. Вы ведь то, что называется «не без связей». Зачем же вам я-то в таком случае?» [174, с. 269] — *Лекин* аз рӯи шуниди ман шумо дар ин чо шиносҳои зиёд доштаед. Охир шумо, ба қавле, бо бисёр касон ошноӣ доред. Пас, агар ягон мақсад надошта бошед, магар назди ман меомадед, ё гапам нодуруст? [180, с. 333].

«- Нимало. После этого человек человеку на сем свете может делать одно только зло и, *напротив*, не имеет права сделать ни крошки добра, из-за пустых принятых формальностей» [174, с. 277]. — *Ҳаргиз*. Агар аз рӯи гуфти шумо шавад чунин хулоса мебарояд, ки инсон дар ин дунё фақат барои бадӣ қардан меояд ва **баръакс**, барои риояи расму русуми беҳуда ҳақ надорад заррае некӣ кунад [180, с. 343].

Вводные слова «однако» и «напротив» в переводе романа на таджикский язык представлены противительным союзом «лекин» со значением противоположность действий и наречием «баръакс» со значением подчёркивания.

- «кроме того», «мало того», «сверх того», «к довершению», «прибавлю к тому» употребляются при выделении кого-либо или чего-либо наряду с другим, подобным, указывают на дополнительное сообщение:

*«Кроме того, в оправдание Дуни, явились, наконец, и свидетельства слуг, которые видели и знали гораздо больше, чем предполагал сам господин Свидригайлов» [174, с. 33]. **Ғайр аз ин, ниҳоят, хизматгорон омада барои сафед кардани Дуния шаҳодат медиҳанд. Онҳо аз пиндошти ҷаноби Свидригайлов бисъёртар дида буданду бисъёртар медонистанд, ки одатан дар ин гуна мавридҳо ҳамин хел мешавад** [180,с.411]. «...Посетить вас и откланяться вам в вашей квартире не иначе как завтрашний день, ровно в восемь часов пополудни, причем осмеливаюсь присовокупить убедительную и, **прибавлю к тому, настоятельную просьбу мою...**» [174, с. 206]. **Пагоҳ соати расо ҳашти рӯз ман ба зиёрати шумо хоҳам рафт ва бо шумо дар хонаатон саломалек хоҳам кард, дар зимни ин, аз шумо бисъёр илтимос дорам, боисрор хоҳиш мекунам...** [180, с. 257]. В этих предложениях переводчик для передачи вводного сочетания «кроме того» и односоставного вводного предложения «прибавлю к тому» использует наречные обороты «Ғайр аз ин» и «дар зимни ин», которые употребляются в значении «кроме того, за исключением, помимо чего-нибудь»*

- «главное», «прежде всего» – указывают на то, что является наиболее важным, значимым:

*«Часы я вам завтра заложу и принесу деньги, а там всё уладится. **А главное, можете все трое вместе жить, и Родя...**» [174, с.296-297] **Ман фардо соатро ба гарав монда пулаша ба шумо оварда медиҳам, сонӣ ҳамааш соз мешавад. **Аз ҳама муҳимаи ин ки ҳар сеятон якҷоя зиндагӣ карда метавонед, Родя ҳам бо шумо мешавад...**** [180, с. 366]*

*«Как попали? - вскричал Разумихин, - и неужели ты, доктор, ты, который, **прежде всего, человека изучать обязан и имеешь случай, скорей всякого другого, натуру человеческую изучить, - неужели ты не видишь, по всем этим данным, что это за натура, этот Николай?»** [174,с.133] — Чӣ*

хел афтода бошад? Чӣ хел афтода бошад? — бонг зад Разумихин,— наход ту, доктор, ту, ки пеш аз ҳама одамро бояд бисанҷӣ ва ба ин кор имкон дорӣ, ту, ки бояд аз ҳама пештар табиати инсонро биёмузӣ, — наход ту аз рӯи ҳамаи ин гапҳо намебинӣ, ки ҳамин Николай чӣ хел одам аст? [180, с. 166]. В данных контекстах вводные единицы «главное» и «прежде всего» переведены на таджикский язык сочетаниями «аз ҳама муҳимаш ин ки» и «пеш аз ҳама», которые по семантике равнозначны вышеназванным компонентам. Примечательно то, что лексему «главное» нельзя перевести на таджикский язык однозначным эквивалентом, поэтому переводчик прибегает к приёму лексического добавления, чтобы передать суть использованного вводного компонента.

- «во-первых», «во-вторых» – обозначают при перечислении первый, второй по счёту пункт:

«Во-первых, я в орфографии плох, а во-вторых, в немецком иногда просто швах, так что всё больше от себя сочиняю и только тем и утешаюсь» [174, с.107]. *Аввалан, ман қоидаҳои имлоро намедонам, сониян, дар немисидонӣ баъзан сахт мелангам, аксар вақт аз худам мебофам ва худро бо ҳамин тасалло медиҳам, ки аз ин қорам сифати тарҷума беҳтар мешавад* [180, с. 135]. В русско-таджикских переводных словарях к вводным словам «во-первых» и «во-вторых» подобраны слова «якум», «аввалан», «якум ин, ки» и «дуюм», «сонӣ», «сониян», «дуюм ин, ки». Для передачи данных лексем посредством приёма вариантного соответствия переводчик выбрал варианты соответствия в таджикском языке «аввалан» и «сониян».

- «в свою очередь» – указывает на порядок сообщений:

«Позвольте-с: она именно сказала, что, как только я дам эту бумагу, она опять будет меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, в свою очередь, — это ее собственные слова были, — она не воспользуется этой бумагой, покамест я сам заплачу...» [174, с. 98] *Ба гапам бовар кунед: вай маҳз ҳаминро гуфт, ки агар ман чунин забонхатро диҳам, вай боз ба ман чӣ қадаре ки лозим бошад, пул қарз дода меистад ва ҳаргиз, ҳаргиз, дар*

навбати худ, - ин суханони худи вай аст,— то қарзамро адо кардани ман вай аз ин истифода бурда қарзаширо талаб намекунад... [180, с. 123] Выбранное переводчиком фразеологическое вводное словосочетание «дар навбати худ» в таджикском языке является одним из вариантных эквивалентов, можно сказать, прямым соответствием фразеологизма «в свою очередь».

- «кстати», «между прочим» – используются со значением в дополнение к сказанному, в связи со сказанным:

«*Кстати*, маменька, я одну непростительную вещь вчера сделал» [174,с.214]. *Воқеан*, очачон, ман дирӯз як кори ҳеҷ бахшида намешудагӣ кардам; дар ҳақиқат ақлу ҳушам дар қояш набудааст [180, с. 266].

«*Между прочим*, он стал опять слушать университетские лекции, чтобы кончить курс» [174, с. 515]. *Зимнан*, ӯ барои хатми таҳсил боз лекцияҳои университетро рафта гӯш мекардагӣ шуд [180, с. 632]. Среди вариантов к вводным словам «кстати» и «между прочим» («воқеан», «зимнан», «дар воқеъ», «дар омади гап», «гуфтагӣ барин»), переводчик выбрал наречия «воқеан» и «зимнан».

«С одной стороны», «с другой стороны» – вводные словосочетания, указывающие на сопоставление каких-либо фактов или обстоятельств:

«- *Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка...* » [174, с. 63] - *Ман ҳозир шухӣ кардам, албатта, аммо худат як мулоҳиза кун: аз як тараф, вай кампири расвои аҳмақи майнааш нӯсидаи дардманду бадкаҳр асту ба ягон кас даркор ҳам нест...* [180, с. 79]

«- *С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами*» [174,с.64] *Аз тарафи дигар, навҷавононе ҳастанд, ки пуштибону мададгоре надоранду беҳуда нобуд шуда мераванд, дар ҳама ҷо ҳазорон-ҳазор аз ин гуна навҷавонон ҳастанд* [180, с. 79]. В таджикском языке использованные переводчиком вводные единицы «аз як тараф» и «аз тарафи дигар» по структуре относятся к вводным словосочетаниям, выражающим порядок мыслей. Такой подход говорит о

том, что переводчик вновь прибегает к использованию приёма вариантного соответствия.

Таким образом, в романе выявлено 26 вводных компонентов представляющих порядок мыслей и их связь, их можно можно представить в следующем порядке продуктивности, исходя из оттенков значения:

7 компонентов - подчёркивают значение итога, результата предшествующего действия;

6 компонентов - употребляются при выделении кого-либо или чего-либо наряду с другим, подобным, указывают на дополнительное сообщение;

2 компонента – указывают на то, что является наиболее важным, значимым;

2 компонента – обозначают при перечислении первый, второй по счёту пункт;

2 компонента – используются со значением в дополнение к сказанному, в связи со сказанным;

2 компонента - вводные словосочетания, указывающие на сопоставление каких-либо фактов или обстоятельств;

1 компонент – выражает нерешительность, колебание, переход к другой мысли;

1 компонент - указывает на связь мыслей, порядок их изложения;

1 компонент – выражает краткое обобщение или подведение итога сказанного;

1 компонент – употребляется при перечислении или при пояснении слова в предложении, а также при иллюстрации предшествующего изложения;

1 компонент – указывает на порядок сообщений.

Переводчиком использованы приём вариантного соответствия, лексическая трансформация (лексическое опущение), грамматическая трансформация (замена части речи), а также немало фразеологических оборотов при передаче данных языковых единиц на таджикский язык.

3.1.3 Перевод вводных единиц со значением привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» наблюдается использование автором разнообразных вводных компонентов для привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания, которые встречаются в речи героев и персонажей произведения. Приведём примеры вводных слов со значением привлечения внимания, в которых автор использовал глаголы, наиболее многочисленные в романе среди вводных слов: «знаешь», «понимаешь», «послушай», «видишь». В следующих двух контекстах переводчиком использованы словарные соответствия к вводным словам «знаешь» и «понимаете», выполняющие функцию вводных слов, глаголы «медонӣ» и «мефаҳмед»:

«Знаешь, у него что-то есть на уме! Что-то неподвижное, тяготящее...» [174, с. 146] *Медонӣ, дар дили вай як гап хаёт! Як чиз вайро бисъёр азоб медиҳад... Ман аз ҳаминаш бисъёр метарсам; бисъёр метарсам!* [180, с. 182]

«Ташу его к Родьке и потом тотчас к вам, значит, в час вы получите о нём два известия – и от доктора, понимаете, от самого...» [174, с. 188] *Вайро гирифта пеши Родя мебарам, сонӣ ҳамон замон ба пеши шумо меоём, яъне шумо дар як соат аз аҳволи вай ду хабар мешунавед, - ҳам аз духтур, мефаҳмед, аз даҳони худӣ...* [180, с. 180]

Следующие два примера свидетельствуют о применении способа лексической трансформации, которая проявляется в использовании переводчиком односоставного предложения «ба ман нигаред» и глагольного вводного слова «медонӣ»:

«- Послушайте, господин Разумихин, вы забылись... - начала было Пульхерия Александровна» [174, с. 191]. - *Ба ман нигаред, ҷаноби Разумихин, шумо фаромӯш кардаед, ки... - гуфта ба гап даромад Пульхерия Александровна* [180, с. 238-239].

«Видишь, она как-то там лечилась купаньем; у них там ключ холодный есть, и она купалась в нем регулярно...» [174, с. 215-216] **Медонӣ**, вай он чо бо оббозӣ худаширо табобат мекардааст; онҳо он чо як чашмаи обаи хунук доранд, вай дар ҳамон чашма ҳар рӯз оббозӣ мекардааст [180, с. 268].

Рассмотрим примеры вводных слов, использованных с целью акцентирования, подчёркивания. Вводные слова в следующих шести примерах употребляются с целью убедить своего собеседника в истинности своих слов. В первых трёх примерах произведена лексическая трансформация («вообразите себе» – «инро бинед-а», «согласитесь» – «худатон бигӯед», «теперь строго заметь себе» - «акнун чиддитар фикр карда бин»):

«Вообразите себе, о самых ничтожных пустяках, и подивитесь человеку...» [174, с. 271-272]. **Инро бинед-а**, аз чизҳои соф майда-суйда гап мезанад, одамизод ҳам ачаб махлуқе будааст: мана ҳамин чиз қаҳри маро меоварад [180, с. 337].

«Ну, согласитесь, ну Лужину ли, в самом деле, жить и делать мерзости, или...?» [174, с. 418] **Худатон бигӯед**, канӣ, «Лужин зиндаю саломатгардаду разилӣ кардан гирад ё худ кампир бояд бимирад?» [180, с. 511]

«Теперь строго заметь себе: тела наверху еще теплые, слышишь, теплые...» [174, с. 133] **Акнун чиддитар фикр карда бин**: дар боло ҷасади кушташудагон ҳанӯз хунук нашудааст, шунидӣ, хунук нашудааст, онҳоро дар ҳамин ҳолат ёфтаанд! [180, с. 167]

Далее, переводчиком использованы словарные эквиваленты: «верьте не верьте» - «хоҳ бовар кунед, хоҳ — не», «знайте же» - «дониста монед», «как видите» - «чунон ки худатон мебинед»:

«Не хочу, чтобы вы меня за изверга почитали, тем паче, что искренно к вам расположен, верьте не верьте» [174, с. 437]. Ман намехоҳам, ки шумо маро золими бераҳм гӯед, ман ба шумо бо ҷону дил нагзӣ кардан мехоҳам, хоҳ бовар кунед, хоҳ — не [180, с. 537].

«Знайте же, я пришел к вам прямо сказать, что если вы держите свое прежнее намерение насчет моей сестры...» [174, с. 448]. Дониста монед, ман ҳамин гапро кушоду равшан ба шумо гуфтанӣ омадам, ки агар шумо мисли пештара аз паи хоҳарам афтода... [180, с. 550]

«Но, как видите, я не оставил втуне; я восстал и скажу вам отчего: единственно, сударыня, единственно по причине чернейшей неблагодарности!» [174, с. 448]. Чунон ки худатон мебинед, ин кори ман беҳуда набудааст; ман рӯйрост даъвогар шуда ба майдон даромадам; ман ба шумо мегӯям, ки ба чӣ сабаб ин корро кардаам: ба ин, ойимча, фақат кӯрнамакии шумо сабаб шуд! [180, с. 462]

Проведённый анализ показал, что для привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевский использовал 24 вводных слов и конструкций, одна часть которых применена с целью привлечения внимания собеседника, вторая часть – с целью акцентирования и подчёркивания что-либо. Для их передачи на таджикский язык переводчиком использованы словарные соответствия, выполняющие функцию вводных слов, а также проведена лексическая трансформация посредством приёма смыслового развития.

3.1.4. Перевод вводных единиц, выражающих манеру речи

В ходе функционального анализа вводных компонентов данной семантической группы установлено, что их можно сгруппировать в следующем порядке:

1. Вводные слова, выражающие краткое обобщение или подведение итога сказанному (*одним словом, короче*);
2. Вводные слова, указывающие на возможность, допустимость какой-либо оценки, формулировки (*можно сказать, можно даже сказать*);
3. Вводные слова, употребляемые как оговорка, смягчающая решительность какого-либо утверждения (*так сказать*);

4. Вводные слова, употребляемые при поправке, уточнении (*лучше сказать, лучше всего, вернее всего*);
5. Вводные слова, выделяющие какое-либо слово или часть предложения в связи со сказанным или в дополнение к нему (*между прочим*);
6. Вводные слова, выражающие главное, основное, что характеризует кого-либо или что-либо (*собственно*).

1. Приступим к анализу вводных компонентов каждой подгруппы. Первую подгруппу представляет вводное словосочетание «одним словом», лишь в одном контексте выявлено использование вводного слова «короче». Поэтому целесообразно проиллюстрировать данный компонент на нескольких примерах:

«Одним словом, милый Родя, письмо это так благородно и трогательно написано, что я рыдала, читая его, и до сих пор...» [174, с. 33].

«Хулласи калом, Родячони ширин, ин мактуб чунон риққатовар ва чунон олиҳимматона навишта шудааст, ки ман вақти онро хонданам дунгос зада гиристам ва то ин дам онро бе оби дида хонда наметавонам» [7 - А].

*«Вот тут два с лишком листа немецкого текста, — по-моему, глупейшего шарлатанства: **одним словом**, рассматривается...* [174, с. 107]

*Ана ин чо аз ду чузъи чопӣ зиёдтар матни немисӣ ҳаст, — ба фикри ман, ин як аблаҳонатарин қаллобист: **қисса кӯтоҳ**, ин чо хамин нукта тадқиқ мешавад, ки оё зан одам аст?* [180, с. 135]

*«- Заметов всё тебе рассказал? - Всё, и отлично сделал. Я теперь всю подноготную понял, и Заметов понял... Ну да, **одним словом**, Родя... дело в том...»* [174, с. 182] - *Заметов ба ту ҳамаашро нақл кард? Ҳамаашро, нақл карданаиш ҳам хеле хуб шуд. Ман акнун ҳамаи сирру асрорро фаҳмидам, Заметов ҳам фаҳмид... Ҳа, **хулласи гап ин ки**, Родя... гап дар сари ин ки...* [180, с. 226]

«Одним словом, предстояло много хлопот» [174, с. 293]. *Хулоса, ташвишҳои зиёде ёро дар пеш буд* [180, с. 361].

Для передачи данного фразеологического компонента переводчик использовал словарные соответствия таджикского языка «хулласи калом», «қисса кӯтоҳ», «хулласи гап ин ки», «хулоса». Что касается вводного слова «короче», то оно является синонимом вводного словосочетания «одним словом» и для его передачи переводчиком подобрано слово «алқисса»:

«Короче, несмотря на доброе и благородное обращение Марфы Петровны, супруги господина Свидригайлова, и всех домашних, Дунечке было...» [174, с. 31]. *«Алқисса, ба муомилаи наззу олицанобонаи ҳамсари чаноби Свидригайлов — Марфа Петровна ва ҳамаи аҳли хонадон нигоҳ накарда Дунечка бисъёр азоб мекашад...»* [180, с. 39]

2. Немногочисленны вводные словосочетания «можно сказать» и «можно даже сказать», указывающие на возможность, допустимость какой-либо оценки, формулировки. В процессе анализа выявлено всего 9 примеров с использованием данных единиц. Для передачи вводных единиц данной семантики переводчик использовал словарные эквиваленты «метавон гуфт» и «ҳатто метавон гуфт», которые по семантике равносильны вводным словосочетаниям «можно сказать» и «можно даже сказать»:

«Всё это способствовало, главным образом, и тому неожиданному случаю, через который теперь меняется, можно сказать, вся судьба наша» [174, с.34]. *«Ҳамаи ин асосан боиси он воқеаи ногаҳонӣ гардид, ки ба туфайли он акнун, метавон гуфт, ҳамаи тақдири мо дигаргун мешавад»* [7-А].

«...если замечала чуть-чуть хорошо одетого человека, остановившегося поглядеть, то тотчас пускалась объяснять ему, что вот, дескать, до чего доведены дети из благородного, можно даже сказать, аристократического дома» [174, с. 409-410]. *...агар ягон одами андаке хушлибоси барои тамошои ин манзара аз роҳаи бозистодаро бинад, ҳамон дам ба вай арзу шикоят мекард, ки ана бинед, фарзандони «хонадони олицаноб, ҳатто метавон гуфт, хонадони асилзодагон» ба чӣ аҳвол расидаанд* [180, с. 502].

3. Третью подгруппу представляет вводное словосочетание «так сказать», употребляемое как оговорка, смягчающая решительность какого-либо утверждения. Данный компонент встречается в 50 контекстах и для его передачи на таджикский язык, переводчик осуществил разнообразный подход, подбирая множество соответствий («яъне», «хӯш», «ман ба шумо гӯям», «аниқтараш», «ба қавле», «гуфтан мумкин»), хотя в большинстве случаев оставлен без перевода. В приведённых ниже примерах переводчиком использованы сочинительный союз «яъне», частица «хӯш», фразеологический оборот «ба қавле» и двусоставное распространённое предложение «ман ба шумо гӯям». Перевод первых трёх компонентов осуществлён словарными эквивалентами, а в четвёртом предложении наблюдается применение приёма логического развития (модуляция):

*«- Не могу сказать; но меня интересует при этом другое обстоятельство, **так сказать**, целый вопрос» [174, с. 144]. Он қадар ҳам не; лекин ба ин муносибат диққати маро чизи дигаре, **яъне**, як масъала, ба худ чалб мекунад [180, с. 179].*

*«- Вопрос ваш обширен. Могу ошибаться, но, кажется мне, нахожу более ясный взгляд, более, **так сказать**, критики ...» [174, с. 141] - Аз чӣ? - Саволи шумо бисъёр масъалахоро дар бар мегирад. Эҳтимол, ман хато кунам, аммо, ба назарам чунин менамояд, ки ман дар ҷавонҳо назари тозаю равшантар, **хӯш**, назари беиштар танкидӣ, яъне кордониро беиштар мушоҳида мекунам... [180, с. 175-176]*

*«Я вижу, не совсем понимаете, так я вам пояснее изображу-с: посади я его, например, слишком рано, так ведь этим я ему, пожалуй, нравственную, **так сказать**, опору придам, хе-хе!» [174, с. 322] Не, ба назарам, шумо дуруст нафаҳмидед, ман ҳозир фаҳмотар гап мезанам: агар ман ин хел одамро, масалан, барвақт шинонам, бо ҳамин ман, **ба қавле**, ба вай гӯё такъягоҳи маънавӣ медиҳам, ҳе-ҳе! [180, с. 397]*

*«Дело следователя ведь это, **так сказать**, свободное художество, в своем роде-с или вроде того... хе-хе-хе!...» [174, с. 321] «Кори муфаттиширо*

сари ҳар қадам бо расму қоида маҳдуд кардан мумкин нест. Кори муфаттиш, **ман ба шумо гӯям**, ин як санъати озоди бадеист ё худ ба ҳамин монанд чизест... ҳе! ҳе! ҳе!...» [7-А].

4. К вводным словам, употребляемым при поправке, уточнении переводчиком подобраны прилагательные сравнительной степени «дурусттараш», «беҳтараш», которые в тексте перевода выступают как вводные компоненты.

«В углу, в задней стене или, **лучше сказать**, в перегородке была запертая дверь: там далее, за перегородкой, должны были, стало быть, находиться еще...» [174, с. 316]. Дар як гӯшаи кабинет, дар тарафи девори ақиб, ё худ, **дурусттараш**, дар кунҷи девораи тахтагин як дар шинонда буданд, ки ҳозир маҳкам буд: яъне, дар он тарафи девора боз ким-чи хел хонаҳо бояд бошанд [180, с. 390].

«- **Лучше всего**, маменька, пойдёмте к нему сами и там, уверяю вас, сразу увидим...» [174, с. 207]. — **Беҳтараш**, худамон ба наздаш равам, очачон, дар ҳамон ҷо чӣ кор карданамон дарҳол маълум мешавад, ба гапам бовар кунед [180, с. 258].

5. Фразеологическое вводное словосочетание «между прочим», выделяющее какое-либо слово или часть предложения в связи со сказанным или в дополнение к нему – единственный компонент, представляющий 5 подгруппу. Данный оборот переведён с помощью словарных соответствий «воқеан», «зимнан», относящихся к категории наречий образа действия.

«Я ей, **между прочим**, очень долго, дня два сряду, про прусскую палату господ говорил - только вздыхала да прела!» [174, с. 197] Ман, **воқеан**, дурудароз, ду рӯз болои ҳам, дар бораи ҳокимони палатаи Пруссия ба вай гап задам (набошад дар бораи чӣ ҳам бо вай гап мезадам?) [180, с. 246].

«**Между прочим**, он стал опять слушать университетские лекции» [174, с. 515]. **Зимнан**, у барои хатми таҳсил боз лекцияҳои университетро рафта гӯш мекардагӣ шуд [180, с. 632].

б. К вводным словам, выражающим главное, основное, что характеризует кого-либо или что-либо, относятся такие единицы как «собственно», «в сущности», «по сути дела», «по существу», «выражаясь точнее», но в тексте романа «Преступление и наказание» в этом значении автором использовано только вводное слово «собственно». К данной единице переводчиком подобрано равноценное по контексту словарное соответствие в таджикском языке наречие «аслан», выполняющее также функцию вводного слова:

*«Наполеон его ужасно увлек, то есть, **собственно**, увлекло его то, что очень многие гениальные люди на единичное зло не смотрели, а шагали...»* [174, с. 471]. *Ақлу ҳуши вайро Наполеон тамоман ба худ банд кардааст, яъне, **аслан**, ақлу ҳуши вайро ҳамин чиз рабудаст, ки бисъёр нобизагон ба якта-нимта кирдори бад, қиноятқорӣ эътибор надода, аз ин қорҳо сарфи назар карда рафтаанд* [180, с. 577].

*«Видишь, Соня, - я, **собственно**, затем пришел, чтобы тебя предупредить, чтобы ты...»* [174, с. 501]. *Медонӣ, Соня, — ман, **аслан**, барои хабардор кардани ту омадам, то ки ту донӣ...* [180, с. 614]

В романе также выявлены контексты, в которых переводчик при передаче вводного компонента на таджикский язык использует лексему «аслан» как член предложения:

*«С этими писаришками он связался, **собственно**, потому, что оба они были с кривыми носами»* [174, с. 477]. *Мунишибачаҳо **аслан** аз як чиҳат ба Свидригайлов писанд омада буданд. Хардуи онҳо қачбинӣ буданд, бинии яке ба тарафи рост қач шуда буд, бинии дигаре — ба тарафи чап* [180, с. 585].

Следует заметить, что в романе также наблюдается использование вводных предложений и устойчивых выражений данной семантики. В следующем примере в качестве вводного элемента автором использовано вводное предложение «как бы это сказать», а переводчик подобрал к нему односоставное определённо-личное предложение «чи хел ба шумо гӯям»:

*«То, что пишет Петр Петрович в этом письме... - может быть, неправда, но вы вообразить не можете, Дмитрий Прокофьевич, как он фантастичен и, как бы это сказать, капризен» [174, с. 203]. Он чи ки Петр Петрович дар ана ин мактубаи навистидаст... ва он чи ки мову ту гумон карда будем, - эҳтимол, рост набошад, аммо ба шумо гӯям, ақлатон намегирад, вай бисёр одами хайлпараст ва, **чи хел ба шумо гӯям**, одами инчиқ аст [180, с. 254].*

А в следующем примере вводным является устойчивое выражение «как ни в чём не бывало» и оно передано на таджикский язык приёмом смыслового развития, двусоставным распространённым предложением «гӯё ки ҳеч гап нашуда бошад»:

*«-Ну, да черт с вами со всеми! — отрезал Разумихин и вдруг, рассмеявшись сам, с повеселевшим лицом, **как ни в чём не бывало**, подошел к Порфирию Петровичу» [174, с. 236]. — Хӯй, хап кун! Муфаттиш!.. Э дафъ шаветон, ҳамаатон! — гуфта Разумихин гапро бурид ва банохост худ хандида, бо чехраи хушҳол, **гӯё ки ҳеч гап нашуда бошад**, пеши Порфирий Петрович омад [180, с. 291].*

Выявлены случаи применения грамматической трансформации, точнее, позиционной синтаксической трансформации. При переводе вводный оборот «как вы говорите» с постпозиции перемещён в интерпозицию («чунон ки шумо мегӯед»):

*«Разница единственно в том, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно обязаны были творить всегда всякие бесчинства, **как вы говорите**» [174, с. 245]. Лекин ҳама гап дар ин аст, ки ман ҳаргиз даъвои онро надорам, ки одамони фавқулодда мачбуранд ва ҳатман бояд ҳамеша, **чунон ки шумо мегӯед**, ҷинойтҳо содир кунанд [180, с.303].*

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что все лексические, единицы, использованные для передачи данной семантики составляют 6 подгрупп. Наиболее продуктивными среди них являются такие вводные

компоненты как «одним словом», «можно сказать», «так сказать». Для передачи данных единиц переводчиком использованы, в первую очередь, словарные соответствия в таджикском языке, приёмы логического развития и позиционной трансформации.

3.1.5. Перевод вводных единиц, указывающих на источник сообщения

В романе «Преступление и наказание» вводных компонентов, указывающих на источник сообщения меньше, чем вышеупомянутые разряды, но их разнообразность весьма заметна. В результате анализа установлено, что для указания на источник сообщения автор использовал 33 вводных компонента разного уровня (слова, словосочетания и предложения). Наиболее заметно использование разговорного слова или выражения «дескать», которое употребляется при передаче чужой речи. Оттенок значения, который выражает данная единица, в таджикском языке выражается такими словарными соответствиями как «маълум шуд, ки», «назар ба гуфтаи ӯ (онҳо)», «овоза шуд, ки», «гап-гап шуд, ки», но перечисленные единицы не используются в буквальном виде. Например, в приведённых ниже примерах передача семантики данного компонента осуществлена переводчиком односоставными неопределённо-личными предложениями «гуфтааст», «мегӯяд», «гуфта таъна мекунад» и сочинительным союзом «яъне» со значением объяснения, разъяснения:

«- Третьего дня в трактире тоже история: пообедал, а платить не желает; я, дескать, вас в сатире за то опишу» [174, с. 95-96]. Се рӯз аз ин пеш дар трактир ҳам як воқеа рӯй дода буд: хӯрокро маза карда задаасту аммо пулашро додан нахостааст; «ман, гуфтааст, шуморо барои ин коратон дар гӯшаи хаҷв навишта расво мекунам [180, с. 121].

Стоит обратить внимание на то, что данная конструкция в основном в тексте перевода занимает постпозицию, что свойственно таджикскому языку:

«Милый-то человек, наверно, как-нибудь тут проговорился, дал себя знать: «Сама, дескать, откажусь» [174, с. 41]. Он зоти пок, аз афтаиш, дар

ин бобат ҳам нохост лақида мондааст, кӣ буданаширо нишон додааст, модарам бошад, инро мутлако иқрор намекунад: «Худам розӣ намешавам», **меғӯяд** [180, с.52].

«Живешь, **дескать**, ты, дармоядка, у нас, ешь и пьешь, и теплом пользуешься», а что тут пьешь и ешь, когда и ребяташки-то по три дня корки не видят!» [174, с. 18] Ту дар ин даргоҳи мо ошу нони муфтро хӯрда гаштаӣ, гами обу ҳезумро намедонӣ, **гуфта таъна мекунад**. О вай кадом ошу нони муфтро мехӯрдааст, охир кӯдакҳо се рӯз-се рӯз рӯи нонро намебинанд! [180, с. 22]

Наблюдается также позиционная трансформация, то есть стоящая в интерпозиции вводная единица при передаче на таджикский язык перемещается на препозицию:

«Значит, все-таки на благородство чувств господина Лужина надеются: Сам, **дескать**, предложит, упрашивать будет» [174, с. 41]. «Пас, ба ҳар ҳол ба олиҳиммати чаноби Лужин умед мебанданд: «**Яъне**, худаиш таклиф мекунад, таввалою зорӣ мекунад» [180, с. 52].

Довольно часто в романе автором используется наречие «по-моему», соответствующее по значению словам «с моей точки зрения», «как мне кажется». В тексте перевода данный компонент представлен словарными соответствиями, выражающими субъективное предположение – «ба хаёли ман», «ба фикри ман», «ба фаҳми ман»:

«- **А по-моему**, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!» [174, с. 64] Лекин, **ба хаёли ман**, модом ки худи ту ба ин кор дил намекунӣ, пас ин ҷо ягон хел инсофу адолат нест! Рафтем, боз як пайт бозӣ мекунем! [180, с. 80]

«Вот тут два с лишком листа немецкого текста, - **по-моему**, глупейшего шарлатанства» [174, с. 107] Ана ин ҷо аз ду чузъи чопӣ зиёдтар матни немисӣ ҳаст, — **ба фикри ман**, ин як аблаҳонатарин қаллобист: қисса кӯтоҳ, ин ҷо хамин нукта тадқиқ мешавад, ки оё зан одам аст? [180, с. 135]

*«В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать...» [174, с. 250] Фикри асосии мақолаи ту ҳам аз ҳамин иборат аст. **Ба фаҳми ман**, аз рӯи виҷдон хунрезиро раво донистан, ин... ин, ба назарам, аз расман рухсат додан ба хунрезӣ ҳам даҳшатноктар аст... [180, с. 309]*

Следующий компонент, выражающий источник сообщения – это вводное слово «говорят», которое употребляется в значении «по слухам», то есть указывает на то, что автор ссылается на определённую информацию, которую он услышал ранее. К нему переводчиком подобраны самые разнообразные средства таджикского языка: «меғӯянд», «шунидам, ки», «аз рӯи шунидам», «аз рӯи миш-миши мардум», то есть явно вырисовывается индивидуальный подход переводчика к этому вопросу:

*«Видели, **говорят**, что квартира отпертая, что в ней, должно быть, работали, но, проходя, внимания не обратили и не помним точно, были ли там в ту минуту...» [174, с. 134-135]. Мо дидем, ки дари хона кушодагӣ буд, **меғӯянд**, дар он бояд одамон кор мекарданд, аммо, аз пеши хона гузаштаравон, диққат надодем ва аниқ дар хотир надорем, ки ҳамон дам он ҷо коргарон буданд ё не» [180, с. 168].*

*«А что, **говорят**, Берг в воскресенье в Юсуповом саду на огромном шаре полетит, попутчиков за известную плату приглашает, правда?» [174, с. 270] Санчида дидам. **Шунидам, ки** рузи якшанбе Берг дар боғи Юсупов дар шари калоне парвоз мекардааст, агар талабгорон бошанд, пул дода ҳамродаш парвоз карда метавонистаанд, рост бошад? [180, с. 335]*

*«Однако ж и не спрошу: вам и в самом деле что-нибудь надо? К вам, **говорят**, родные приехали?» [174, с. 506] Ба пурсидан ҳам истиҳола мекунам: агар ягон хизмат бошад, бо ҷону дил? **Аз рӯи шунидам**, модару хоҳаратон омадаанд, ин рост аст? [180, с. 620]*

«Этот деньги, говорят, имел. Вы как же изволите знать?» [174, с. 508]
Аз рӯи миш-миши мардум ин одам серпул будааст. Шумо вайро аз кучо медонистед? [180, с. 623]

Также обращает на себя внимание использование переводчиком вводных предложений для передачи менее объёмных по составу исследуемых единиц, в данном случае вводных слов. В приведённом ниже примере переводчик использует вариантное соответствие в таджикском языке «ёд доред» к вводной слову «помните»:

*«Я по глазкам видел; **помните**, вечером-то, при луне-то, соловей-то еще свистал?» [174, с. 475]* *Ман аз чашмакатон медидам; ёд доред, шаби моҳтоб, булбул хониш мекард?* [180, с. 582]

Во втором контексте для передачи вводного слова «по-вашему», приёмом смыслового развития переводчиком подобрано вводное предложение «канӣ худатон гӯед, чӣ»:

*«Ну, так как же, **по-вашему**, в полной он или не в полной памяти, а?» [174, с. 144]* *Хӯ-ӯш, канӣ худатон гӯед чӣ, хушу ёди вай комилан дар чояш аст ё дар чояш нест?* [180, с. 143]

В следующих предложениях переводчик поступает проще: вводные предложения переведены соответствующими предложениями в таджикском языке:

*«Разница единственно в том, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди обязаны были творить всегда всякие бесчинства, **как вы говорите**» [174, с. 245].* *Лекин ҳама гап дар ин аст, ки ман ҳаргиз даъвои онро надорам, ки одамони фавқулодда мачбуранд ва ҳатман бояд ҳамеша, **чунон ки шумо мегӯед**, қиноятҳо содир кунанд* [180, с.303].

«Сколько я помню, вчера, из этого рассказа Заметова, мне половина дела выяснилась» [174, с. 200]. *Дар ёдам ҳаст, дирӯз, аз ин гапҳои Заметов нисфи сурати ҳол ба ман равшан шуд* [180, с. 250].

«Вы припомните, у нас ведь с юридического вопроса началось» [174, с. 247]. *Агар дар ёдатон бошад, ҳама гапҳои мо аз масъалаи ҳуқуқ сар шуда буд* [180, с. 305].

Ещё одна особенность вводных предложений в таджикском языке заключается в том, что они присоединяются к главному предложению с помощью подчинительного союза «ки»:

«Доктор, как оказалось, жил через дом» [174, с. 170]. *Маълум шуд, ки духтур дар иморати дигар зиндагӣ мекардааст* [180, с. 212].

Таким образом, среди вводных слов, указывающих на источник сообщения, наиболее частотными являются вводные слова «дескать», «по моему» и «говорят». При переводе наблюдается влияние характерных особенностей таджикского языка, в результате чего переводчик воспроизводит в тексте перевода перестановку вводных компонентов.

3.1.6. Перевод вводных единиц со значением меры, степени и обычности

В большинстве контекстов данной семантической группы наблюдается употребление автором вводного словосочетания «по крайней мере», выражающего достаточную уверенность в достоверности высказывания и соответствующего по значению словосочетанию «во всяком случае». Известно, что выражение «по крайней мере» является устойчивым выражением, точнее, фразеологическим единством, семантика которого мотивирована именно переносным значением его компонентов. Также поступает переводчик, подбирая к нему соответствующие фразеологизмы в таджикском языке «ба ҳар ҳол», «ҳеч набошад», «ҳол он ки». В двух контекстах исследуемые единицы переведены как вводные («ба ҳар ҳол», «ҳеч набошад»), а в одном как член предложения («ҳол он ки» - обстоятельство образа действия):

«По крайней мере, она вполне восстановила честь Дунечки, и вся гнусность легла неизгладимым позором...» [174, с. 33]. *Ба ҳар ҳол, вай номи Дунечкаро аз доғи шармандагӣ тамоман покиза кард ва ҳамаи гуноҳи ин кори*

пасти нангин бар гардани шавҳари вай, ҳамчун гунаҳкори асосӣ, бор шуд... [180, с. 42].

«Да ведь факты не всё; **по крайней мере**, половина дела в том, как с фактами обращаться умеешь!» [174, с. 129] Охир далел ҳоло ҳама чизро ҳал намекунад; **ҳеч набошад**, нисфи барори кор ба он вобаста аст, ки кас ин далелҳоро чӣ хел истифода мебарад! [180, с. 161]

«...и держит в совершенном порабощении, как маленького ребенка, тогда как Лизавета, **по крайней мере**, восьми вершков росту...» [174, с. 62] ...ва ўро мисли кӯдаки хурдсол тамоман мутеи худ кардагӣ ва **ҳол он ки** қади Лизавета камаш ду олчину ду вачаб меояд... [180, с. 78]

В следующих трёх контекстах для передачи вводной конструкции «по крайней мере» переводчиком подобраны наречные словарные соответствия «ақаллан», «лоақал», «камаш», которые в таджикском языке представляют один синонимический ряд:

«— Но теперь, **по крайней мере**, не могу так рассчитывать и особенно не желаю помешать сообщению секретных предложений Свидригайлова...» [174, с. 289]. — Аммо акнун, **ақаллан** ҳамин майлу хоҳиш ҳам ба дилам дигар намегундад ва ман намехоҳам дар гуфтушуниди шумо оид ба пешнидодҳои махфии Аркадий Иванович Свидригайлов... [180, с. 356-357].

«Напротив, он даже рад был работе: измучившись на работе физически, он, **по крайней мере**, добывал себе несколько часов...» [174, с. 518]. Баръакс, **ӯ ҳатто** аз кори пурмашаққат хурсанд буд: **лоақал** ба ивази кори сахти ҷисмонӣ **ӯ якчанд соат** ба хоби ором рафта метавонист [180, с. 635].

«Наконец, я, **по крайней мере**, вдвое сильнее вас, и, кроме того, мне бояться нечего, потому что вам и потом нельзя жаловаться...» [174, с. 474] Ниҳоят, ман **камаш** ду маротиба аз шумо пурқувваттарам, гайр аз ин, ман **ҳеч ҷои тарс надорам**, чунки сонӣ худатон ба ягон кас инро гуфта наметавонед... [180, с. 581]

Для передачи степени обычности излагаемых фактов автором романа часто использовано вводное наречное словосочетание «по обыкновению»,

соответствующее по значению словам: «так, как всегда», «привычно». Во всех случаях в качестве способа передачи на таджикский язык переводчик выбрал вариантное соответствие - словосочетание «аз рӯи одати худ», которое в предложении выполняет то функцию вводной конструкции, то члена предложения:

«Петр Петрович, по обыкновению своему, не возражал на такие приписываемые ему качества и допускал хвалить себя даже этак - до того приятна была...» [174, с. 347]. *Петр Петрович, аз рӯи одати худ, ҳангоми ба ӯ нисбат додани инчунин фазилатҳо эътирозе баён намекард, мемонд, ки ҳатто бо ҳамин роҳ таърифаи бикунанд, — ҳама гуна таърифу тавсиф барои ӯ то ба ҳамин дараҷа гуворо меомад* [180, с. 428].

«Действительно, ...Лебезятников возвратился с Сонечкой. Та вошла в чрезвычайном удивлении и, по обыкновению своему, робея» [174, с. 354]. *Дар ҳақиқат тақрибан баъди ягон панҷ дақиқа Лебезятников Сонечкаро гирифта омад. Духтар аз рӯи одати худ ҳаросон ва дар ҳолате ки бағоят дар тааҷҷуб буд, вориди хона шуд* [180, с. 437].

Данную семантическую группу в романе представляют также такие вводные конструкции, как вводное разговорное сочетание «по крайности» и вводные предложения «как вы знаете», «как вы понимаете», «сами знаете» и др. Следующие два контекста свидетельствуют о применении переводчиком приёма словарного соответствия, используя при этом фразеологический вводный оборот в сочетании с противительным союзом «лекин ҳеч набошад» и словарное соответствие «худатон медонед».

«...я думаю, хоть и упустил на время одно, зато другое схвачу за хвост, - своего-то, своего-то, по крайности, не упустил» [174, с. 430]. *Майлаш, гуфтам, то расидани вақту соатаи якero аз даст диҳам, дигарашро, лоақал, аз думаи меқадам-ку, гуфтам, лекин ҳеч набошад, ба ниятам, ба ниятам мерасам, гуфта фикр мекардам* [180, с. 527]

«Ничего-с, дело, как вы знаете, обошлось пустяками» [174, с. 454]. *Ҳеч гап не, худатон медонед, ки ин кор дупула натиҷа набахшид* [180, с. 557].

Примечательно то, что для выполнения задачи переводчиком также выбрано редко используемый фразеологический оборот «аз худатон гап намемонад»

«Всё это, как вы понимаете, с целью поссорить меня с матерью и сестрой...» [174, с. 384]. Аз худатон гап намемонад, ҳамаи инро вай бо чунин мақсад кардааст, ки маро бо модарам ва хоҳарам ҷанг андозад... [180,с.471].

«Но тогда, то есть в начале знакомства, сами знаете, бываешь всегда как-то легкомысленнее и глупее, смотришь ошибочно...» [174,с.455]. Аммо он вақт, яъне вақте ки нав шинос шуда будем, аз худатон гап намемонад, кас ҳамеша беандешатар, беақлтар мешаваду фикру андешаҳои хато мекунад ва ба чашии кас ҳам чизҳои... менамояд [180,с.558].

Анализ вводных конструкций данной группы показал, что самым продуктивным вводным оборотом группы является фразеологическая единица «по крайней мере» (71%), выражающая достаточную уверенность в достоверности высказывания и соответствующая по значению словосочетанию «во всяком случае». Для передачи данного компонента переводчик использует фразеологические обороты и некоторые наречия в таджикском языке, которые в тексте перевода представлены и в роли вводных конструкций, и в роли членов предложения.

3.1.7. Перевод вводных единиц, выражающих эмоциональную оценку

Известно, что вводные конструкции, относящиеся к данной семантической группе, выражают отношение говорящего к сообщаемому, которое мотивировано его эмоциональным состоянием. Данную группу в романе составляют 25 разных компонентов исследуемых единиц.

Наиболее употребительными в романе, являются вводные слова «странное дело», «странно», выражающие оценку какой-либо ситуации, чьих-либо действий как вызывающих удивление, недоумение, представляющихся необычными, непонятными. Для передачи данных

компонентов на таджикский язык переводчик использует вводное слово «ачабо», выражающее наряду с другими компонентами («ё алҳадар», «наход», «во ачабо») удивление, недоумение, т.е. применяет приём подбора эквивалента посредством словарных соответствий переводящего языка:

«Странное дело, до сих пор еще ни разу не приходило ему в голову: что подумает Разумихин...» [174, с. 280]. *Ачабо, то ин дам ҳанӯз ягон бор дар майнааш чунин савол пайдо нашуда буд: «агар Разумихин бохабар шавад, чӣ гумон мекарда бошад?»* [180, с. 346].

«Что же касается пышной дамы, то вначале она так и затрепетала от грома и молнии; но странное дело: чем многочисленнее и крепче становились ругательства...» [174, с. 94]. *Хонуми сарулибосаи бокарруфар бошад, даставвал аз дашному ҳақоратборон шуданаи тамоми аъзои баданаи меларзид; аммо ачабо: ҳар қадар, ки дашному ҳақоратҳо зиёдтар ва сахттар мешуданд...* [180, с. 119]

«Странно, однако ж, почему я об ней почти и не думаю, точно и не убивал?...» [174, с. 262] *Ачабо, барои чӣ ман дар бораи вай қариб ҳеҷ фикр намекунам, гӯё ки вайро накушта бошам?..* [180, с. 324]

В следующих примерах переводчик применяет приём лексической трансформации «логическое развитие или модуляция», преобразуя названные вводные единицы простым двусоставным предложением «ачобат дар ин буд, ки», который примыкает к главному предложению с помощью подчинительного союза «ки».

«Но теперь, странное дело, в большую такую телегу впряжена была маленькая, тощая клячонка...» [174, с. 54]. *«Лекин ин дафъа ачобат дар ин буд, ки ба ҳамин хел як аробаи калон як саманди хурди логармиёни деҳқонӣ катӣ карда шуда буд...»* [1-А].

«Он смотрел на Соню и чувствовал, как много на нем было ее любви, и странно, ему стало вдруг тяжело и больно, что его так любят» [174,с.404]. *Раскольников ба Соня менигаристу ҳис мекард, ки дар дилаш ин қадар меҳру муҳаббати духтар ҷой шудааст ва ачобат дар ин буд, ки аз ин қадар дӯст*

доштани духтар банохост гӯё бори гароне бар души ӯ фуромада, дилаширо ба танг овард [180, с. 495].

«**Странно**, он не очень удивился Порфирию и почти его не испугался» [174, с. 427]. Раскольников як нафас дар ҷояш карахт шуд. **Аҷобат дар ин буд, ки ӯ Порфирийро** дида ба ҳайрат наафтод, қариб ҳеч аз вай натарсид [180, с. 524].

Вторым по частотности вводным компонентом в романе «Преступление и наказание», выражающим эмоциональное состояние говорящего, является вводное слово «признаюсь» («признаться») с общим экспрессивным характером в значении «говоря откровенно», «если сказать правду». Следует также отметить, что вводное слово «признаюсь» синонимично значению устаревшего фразеологического оборота «признаться сказать» в значении «если быть откровенным». По этой причине, для передачи данного компонента на таджикский язык переводчик подобрал фразеологическое сочетание «рости гап», т.е. применён метод фразеологического эквивалента.

«...мы не имеем покамест больших причин сомневаться, хотя и скоренько, **признаться**, сделалось дело» [174, с. 35]. ... мо бошем, алҳол барои шубҳа овардан ба ин мутлақо асосе надорем, агарчӣ ин кор, **рости гап**, хеле ба зудӣ анҷом гирифт [180, с. 44].

«— Извините, что такими пустяками беспокоил, — вещи мои стоят всего пять рублей, но они мне особенно дороги, как память тех, от кого достались, и, **признаюсь**, я, как узнал, очень испугался...» [174, с. 237] — Мебахшед, ман шуморо бо ҳамин чизҳои намеарзидагӣ ташвиш додам, — давом кард ӯ, як қадар телба шуда, — чизҳои ман ҷамъулҷамъ панҷ сӯм меистанд, аммо онҳо барои ман аз ҷону ҷигаронам ба ёдгор мондааст, **ва рости гап**, баъди ин гапҳоро шунидан бисъёр тарсидам... [180, с. 294]

«Я всё слушал, я нарочно всё ждал, чтобы всё понять, потому что, **признаюсь**, даже до сих пор оно не совсем логично... Но для чего вы всё это сделали — не понимаю» [174, с. 380]. Ман ҳамаашро бо гӯиши худам шунидам, ман қасдан барои ҳама гапро фахмидан гӯиши мекардам, **чунки рости гап**,

ҳозир ҳам ҳеч ба ин ақлам намерасад, ҳозир ҳам ин рафторатон чандон бомантиқ нест... [180, с. 467]

«Я, **признаюсь**, хотел даже к вам идти объясниться, да думал, может...» [174, с. 506] Ман, **рости гап**, ба пеши шумо даромада, узри худамро гуфтанӣ будам, лекин сонӣ мулоҳиза кардам, балки шумо... [180, с. 620]

Можно также отметить использование переводчиком вводных предложений, для данного вводного компонента подобрано односоставное определённо-личное предложение «росташиро гӯям». При переводе произошло изменение структуры предложения, которое относится к грамматическим трансформациям, а в данном контексте - к синтаксическим:

«Ты до того себя разнежил, что, **признаюсь**, я всего менее понимаю, как ты можешь быть хорошим врачом...» [174, с. 196]. Ту ба дараҷае худро нозуку нозпарвард кардаӣ, ки, **росташиро гӯям**, ман ҳаминаширо ҳеч фаҳмида наметавонам, ки ту бо ин аҳвол чӣ хел табиби нағз ва ҳатто фидокор шуда метавонӣ [180, с. 244].

«Любопытно и смотреть, и слушать... и я, **признаюсь**, так рад, что вы изволили, наконец...» [174, с. 240]. Ман муштоқи дидани шумо ва шунидани суханони шумо будам... ман, **росташиро гӯям**, бисъёр хурсандам, ки шумо ниҳоят омадед... [180, с. 297]

«- Имел даже честь и счастье встретить вашу сестру, — образованная и прелестная особа. **Признаюсь**, я пожалел, что мы тогда с вами до того разгорячились. Казус!» [174, с. 506]. Ман ҳатто ба дидори хоҳаратон мушарраф шудам, — духтари бисъёр бомаърифат ва оқила. **Росташиро гӯям**, ман бисъёр пушаймон шудам, ки ҳамон вақт мову шумо хеле оташин шуда будем. Кори хуб нашуд! [180, с. 620]

Третьим показателем вводных конструкций, выражающих различные чувства, выступает качественно-обстоятельное наречие «как нарочно», выражающее сожаление или огорчение и соответствующее по значению словам: «как будто специально», «как будто намеренно», «как назло».

Необходимо отметить, что данное вводное словосочетание также является устойчивым выражением и не случайно переводчик для его передачи подобрал таджикские фразеологические обороты «қасд кардагӣ барин» и «худи қасдан кардагӣ барин»:

«Но за что же, за какое дело? — он как будто бы теперь, как нарочно, и забыл. Господи! скажи ты мне только одно: знают они обо всем или..?» [174, с. 121] *Аммо ба чӣ шурӯъ кунад, ба кадом кор шурӯъ кунад? Ў гуё акнун, қасд кардагӣ барин, инро фаромӯш карда буд: «Худоё! Ту ба ман фақат хаминро гӯй: оё онҳо ҳамаашро медонанд ё худ ханӯз намедонанд?»* [180, с. 151]

«Как нарочно, кто-то переслал с другого конца стола Соне тарелку, с вылепленными на ней, из черного хлеба, двумя сердцами...» [174, с. 369]. *«Худи қасдан кардагӣ барин, як кас аз сари дигари миз ба Соня як табақча фиристод, ки дар он аз нони сиёҳ шакли ду дилро сохта гузошта буданд ва ба ин дилҳо найзае халонда шуда буд»* [7-А].

В следующих трёх контекстах способами передачи вводной конструкции выступают вводные словосочетания и предложения с сравнительным союзом «гӯё», используется приём смыслового развития (модуляция).

«Которые же из них постарше, те все, как нарочно, будто сговорившись, манкировали» [174, с. 363]. *«Калонсолтар ва муътабартари ҳамсоҷо, ки бояд ба маърака меомаданд, гӯё қасдан, гӯё маслиҳат кардагӣ барин, наомаданд»* [7-А].

«Разумихин, как нарочно, еще помог делу» [174, с. 180]. *Разумихин гӯё дидаву дониста кардагӣ барин корро осон кард* [180, с. 290]. *«Как нарочно, незадолго перед тем, после долгих соображений и ожиданий, он решил, наконец, окончательно переменить карьеру и вступить...»* [174, с. 292]. *Гӯё ки пешакӣ медониста бошад, қабл аз рӯй додани ин воқеа, баъди фикру мулоҳизаҳои дурударозе, интизориҳои тӯлоние ӯ қарор дод, ки ниҳоят қарорро қатъиян дигар кунад, ба доираи васеътари амалиёт сар дарорад...*

[180, с. 360]. Далее, наблюдается использование автором самых разнообразных и нестандартных вводных оборотов, которые в большинстве случаев несут общий экспрессивный характер. Автор в основном использует вводные предложения, к которым переводчик подобрал соответствующие предложения и реже словосочетания в таджикском языке:

«А желчи-то, желчи в них во всех сколько! Да ведь это, я вам скажу, при случае своего рода рудник-с!» [174, с. 323-324] *Бадзахрии онҳоро намеғӯед, онҳо чунон бадзахр ки! Онҳоро, ман ба шумо гӯям, кони захр гуфтан мумкин!* [180, с. 399]

«- Ну стоит ли с тобой говорить! Ведь он это всё нарочно, ты еще не знаешь его, Родион! Ведь он по две недели таким образом выдерживает» [174, с. 243]. — *Ҳочати бо ту гап задан ҳам нест! Охир вай ҳамаи ин гапҳоро қасдан мегӯяд, ту ҳоло вайро намедонӣ, Родион!* [180, с. 301]

«А что поношенное, так это, по правде, и лучше: мягче, нежнее...» [174, с. 123] *Агар рости гапро гӯем, нимдошт буданаи ҳатто беҳтар аст: мулоимтар, маҳинтар шудагӣ* [180, с. 155].

«...потому что всё теперь переменилось внезапно, по воле божией, к лучшему, и чтобы ты знал, как любит тебя Дуня и какое у нее бесценное сердце» [174, с. 30-31]. *...чунки акнун ҳама кор банохост ранги дигар гирифт бо хости худованд, зисту зиндагиамон беҳтар шуд, ва ту бояд доништа боӣ, ки Дуня туро чӣ хел дӯст мсдорад ва чӣ дили бебаҳое дорад* [180, с.38].

В следующих предложениях вводные единицы переведены приёмом контекстуальной замены:

«Так вот, если бы ты не был дурак, не пошлый дурак, не набитый дурак, не перевод с иностранного... видишь, Родя, я сознаюсь, ты малый умный, но ты дурак!» [174, с. 160]. *Хӯш, агар ту аҳмақ намебудӣ, аҳмақи расво намебудӣ, аҳмақи гузаро намебудӣ, агар ту аз забони хорича тарҷума намекардӣ... дидӣ, Родя, ман тан медиҳам, ту ҷавони боақлӣ, аммо ту аҳмақӣ!* [180, с. 199].

«Дайте хоть умереть спокойно! Иначе, **уверю вас**, завтра же поступок ваш будет известен самому генерал-губернатору» [174, с. 172].
Монед, ки вай лоақал оромакак қон диҳад! Вагарна, **дониста бошед**, ки пагоҳ ин рафтори шумо ба худи генерал-губернатор маълум мешавад [180, с. 214].

«Потом от вас тотчас же бегу сюда и через четверть часа, **мое честнейшее слово**, принесу вам донесение: каков он?» [174, с. 188]. Сонӣ, шуморо монда, зуд ба ин ҷо давида меоям ва баъди чорьяк соат, **ба шумо қавл медиҳам**, аз ӯ хабар мебарам: аҳволаш чӣ хел? Хоб рафт ё не? ва зайра ва ҳоказо! [180, с. 180]

«— Авдотья Романовна, — закоробившись произнес Лужин, — ваши слова слишком многозначительны для меня, **скажу более**, даже обидны, ввиду того положения, которое я имею честь занимать в отношении к вам» [174, с. 286]. — Авдотья Романовна, — печутоб хӯрда гуфт Лужин, — суханони шумо барои ман аз ҳад зиёд пурмаъноянд, **зиёда аз ин**, агар мавқеи нисбат ба шумо доштаамро ба назар гирем, суханони шумо ҳатто ба кас алам мекунанд [180, с. 353].

Встречаются вводные обороты, выражающие радость, одобрение, к которым в тексте перевода подобраны словарные соответствия:

«Но теперь, **слава богу**, я, кажется, могу тебе еще выслать, да и вообще мы можем теперь даже похвалиться фортуной...» [174, с. 30].
Лекин акнун, **худоро шуқр**, ман ба ту пул фиристода метавонам ва умуман, акнун мо худамонро ҳатто таъриф ҳам карда метавонем, ки бахтамон тофтааст ва ман инро аз шодию хурсандӣ ба ту мегӯям [180, с. 38].

«**На счастье его**, в воротах опять прошло благополучно» [174, с. 72]. **Ба бахти ӯ** дар пеши дарвоза ин дафъа низ касе набудааст [180, с. 89].

Выявлены также вводные обороты со значением опасения, удивления и недоумения, сожаления и неодобрения, при передаче которых на таджикский язык использован приём контекстуальной замены:

«Не понравился ей тоже и чепец с новыми лентами: уж не гордится ли, **чего доброго**, эта глупая немка тем, что она хозяйка и из милости

согласилась...?» [174, с. 446] *Ба вай кулутаи Амалия Ивановна ҳам бо лентаҳои наваи маъқул нашуд: «ин немисзани бефаросат ман кадбону шудам гуфта аз худ рафтааст, боз худо накарда, ба камбагалони берӯзи раҳмам омада ба онҳо мадад расондам намегуфта бошад?»* [180, с. 446].

«- Ну, да черт с вами со всеми! — отрезал Разумихин и вдруг, рассмеявшись сам, с повеселевшим лицом, как ни в чём не бывало, подошел к Порфирию Петровичу» [174, с. 236]. — *Хӯй, хап кун! Муфаттиш!.. Э дафъ шаветон, ҳамаатон! — гуфта Разумихин гапро бурид ва банохост худ хандида, бо чехраи хушҳол, гӯё ки ҳеч гап нашуда бошад, пеши Порфирий Петрович омад* [180, с. 291].

«Он, к величайшей своей неприятности, принужден был мало-помалу принять за факт, совершившийся...» [174, с. 342]. *Ў, ҳарчанд ин барояи бениҳоят нохушу ногувор бошад ҳам, маҷбур буд ҳодисаи руйдодаро тадричан чун амри воқеъ шуморад, онро дигар ислоҳнопазирр донад...* [180, с. 423].

Итак, анализ вводных конструкций, выражающих эмоциональную оценку (чувства) показал, что в романе «Преступление и наказание» использованы компоненты всех подгрупп, относящихся к данной семантической группе. Если обратить внимание на частотность использования одних и тех же компонентов, то чаще всего автором применены такие вводные обороты как «странное дело», «странно» со значением удивления и недоумения; «признаюсь», («признаться») с общим экспрессивным характером; и «как нарочно» со значением сожаления и огорчения. Что касается остального контингента вводных конструкций данной группы, то их большинство составляют единицы с общим экспрессивным характером. В этом случае наблюдается преобладание приёма подборки эквивалента над остальными способами перевода, выявлены также применение переводчиком приёмов логического развития мысли, метода фразеологического эквивалента и контекстуальной замены.

Выводы по третьей главе

В данной работе исследуется именно авторское отношение, авторское намерение и его героев к сообщаемой информации.

1. Функциональное назначение вводных единиц со значением модальности заключается в том, что с их помощью выражается отношение уверенности и достоверности, неуверенности и предположения, неопределённости и допущения автора и героев к основной информации. Для их передачи переводчиком использованы приёмы вариантного соответствия, лексической трансформации (лексического опущения), грамматической трансформации (замены части речи). Также переводчиком использовано немало фразеологических оборотов при передаче данных языковых единиц на таджикский язык.

2. Вводные компоненты со значением порядка мыслей и их связи, подчёркивают значение итога, результата предшествующего действия. Данные единицы используются при выделении кого-либо или чего-либо наряду с другим, подобным, а также указывают на дополнительное сообщение. Для передачи средств данной функциональной группы также использованы приём вариантного соответствия, лексическая трансформация (лексическое опущение), грамматическая трансформация (замена части речи). Нельзя не заметить, что и в этой группе очень заметна роль метода фразеологического эквивалента.

3. Группа вводных единиц со значением привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания использована с целью - убедить своего собеседника в истинности своих слов. В тексте перевода они представлены словарными соответствиями, выполняющими функцию вводных слов в таджикском языке, а также проведена лексическая трансформация посредством приёма смыслового развития.

4. Вводные единицы, выражающие манеру речи, в романе выполняют 6 функций: 1) выражают краткое обобщение или подведение итога сказанному; 2) указывают на возможность, допустимость какой-либо оценки,

формулировки; 3) употребляются как оговорка, смягчающая решительность какого-либо утверждения; 4) употребляются при поправке или уточнении; 5) выделяют какое-либо слово или часть предложения в связи со сказанным или в дополнение к нему; 6) выражают главное, основное, что характеризует кого-либо или что-либо. Для передачи данных единиц переводчиком использованы чаще всего таджикские словарные соответствия, приёмы логического развития и позиционной трансформации.

5. Вводные слова, указывающие на источник сообщения, в основном использованы при передаче чужой речи, субъективного предположения, с их помощью автор ссылается на определённую информацию, которую он услышал ранее. В процессе перевода наблюдается влияние характерных особенностей таджикского языка, в результате чего переводчик воспроизводит в тексте перевода грамматические (синтаксические) трансформации вводных компонентов.

6. Вводные единицы со значением меры, степени и обычности выражают достаточную уверенность в достоверности высказывания, а также употребляются для передачи степени обычности излагаемых фактов. Для передачи данного компонента переводчик использует фразеологические обороты и некоторые наречия в таджикском языке, которые в тексте перевода представлены и в роли вводных конструкций, и в роли членов предложения.

7. С помощью вводных единиц, выражающих эмоциональную оценку, говорящий выражает свое эмоциональное состояние к содержанию высказывания, большое количество которых составляют вводные обороты со значением удивления и недоумения, общим экспрессивным характером и со значением сожаления и огорчения. При их передаче на таджикский язык преобладает приём подборки эквивалента над остальными способами перевода, выявлено также применение переводчиком приёмов логического развития мысли, методов фразеологического эквивалента и контекстуальной замены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемом исследовании рассматривалось понятие «вводные слова» и их функционирование в русском и таджикском языках на примере конкретных примеров из художественной литературы с его переводом. В русском и таджикском языках вводные конструкции не находятся с членами предложения в грамматической связи, то есть не обладают признаками, свойственными членам предложения. В одних случаях они относятся к отдельным членам предложения, а в других - ко всему предложению в целом. С помощью вводных конструкций говорящий выражает своё отношение к высказанному и даёт общую оценку сообщения.

1. Вводные конструкции относятся к языковым явлениям отдельной синтаксической категории. Они наделены так называемой интонацией «вводности». Техника интонации «вводности» состоит в понижении голоса и более быстром их произнесении по сравнению с другими элементами высказывания, а также в своеобразной безударности.

2. Вводные конструкции - это термин, охватывающий и вводные слова, и вводные словосочетания, и вводные предложения. Однако в традиционном языкознании очень часто под термином «вводные слова» подразумеваются как собственно вводные слова, так и вводные словосочетания и предложения. Поэтому в нашем исследовании целесообразно использовать оба термина, так как в некоторых контекстах они выражают одно и то же явление [2-А].

3. Вводные слова используются в различных функциональных стилях благодаря разнообразию значений, которые они могут выражать. Функционально-семантические разновидности вводных конструкций не закреплены за определенными стилями и могут использоваться в стилистически разных контекстах.

4. Помимо языковых единиц, которые не имеют ярко выраженного стилистического оттенка, мы также можем заметить вводные слова, которые придают высказыванию особый стилистический характер.

5. В плане определения и установления лингвистической природы вводных слов между таджикскими учёными резких разногласий нет, всё сводится к тому, что вводные слова грамматически не связаны с основным предложением, т.е. к основной информации никакого отношения не имеют, а лишь придают различные смысловые оттенки [1-А].

6. Таджикские учёные-языковеды обратили внимание на различные аспекты изучения вводных слов, включая связь между ними и структурой основного предложения. Они также обратили внимание на состав, значение, морфологические характеристики, интонацию и стилистический аспект вводных слов [6-А].

7. С точки зрения состава, вводные конструкции в таджикском языке могут быть представлены различными лингвистическими единицами, такими как отдельные слова, сочетания слов, словосочетания и даже целые предложения. В таджикском языке выделяется восемь функционально-семантических групп вводных конструкций [6-А];

8. По морфологической характеристике вводные слова и словосочетания в таджикском языке могут выражаться большинством частей речи;

9. По вопросу интонации вводных слов в таджикском языке можно заметить следующее: а) вводные слова и словосочетания произносятся особым тоном; б) вводные слова и словосочетания присоединяются к основному предложению, преимущественно, посредством союзов; в) если вводные слова и словосочетания употребляются без союзов, то они связаны с основным предложением только интонацией; г) вводные слова и словосочетания обособлены от других слов знаками препинания (запятые, тире, скобками, многоточиями) [6-А];

10. В стилевом отношении следует отметить, что в таджикском языке вводные слова в основном рассмотрены в художественной речи, в употреблении вводных слов и словосочетаний в современной и классической таджикской литературе резких отличий нет. В классической литературе

вводные слова и словосочетания в предложении также использованы для выражения разных оттенков значения и отношения говорящего к выражаемой мысли [5-А].

11. В романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского всего выявлено приблизительно 2100 примеров с вводными компонентами и самую большую группу по структуре, составляют вводные слова - 1822 (83%), которые по морфологической характеристике можно разделить на 9 групп:

- а) Глаголы - 485 примеров (27%);
- б) Наречия - 354 примера (19%);
- в) Инфинитив или сочетания с инфинитивом - 313 примеров (17%);
- г) Союзы - 253 примера (14%);
- д) Частицы - 252 примера (14%);
- е) Имена прилагательные - 61 пример (3%);
- ж) Предикативы или слова категории состояния - 61 пример (3%);
- з) Имена существительные - 40 примеров (2%);
- и) Местоимения (в основном, кроме того) - 26 примеров (1%).

12. Вторыми по продуктивности в романе «Преступление и наказание» являются вводные словосочетания - 277 (13,2%). В соответствии с их морфолого-синтаксическими особенностями большую часть данных единиц составляют именные словосочетания - 180 примеров (68%); практически в два с половиной раза меньше использованы глагольные словосочетания - 72 примера (27%). Реже всего в романе встречаются наречные словосочетания, количество которых составляет 14 примеров (5%) [7-А].

13. Меньше всего по структуре использованы вводные предложения - 102 (4,9%), которые представлены в следующем порядке: а) односоставные предложения - 60 примеров (определённо-личные - 39 (65%) примеров, безличные - 21 (35%) пример); б) двусоставные предложения - 44 примера (нераспространённые - 33 (75%) примера, распространённые - 11 (25%) примеров).

14. Весь спектр использованных автором в романе вводных конструкций можно представить в следующем порядке продуктивности:

- а) С модальным значением – 926 (39,7%);
- б) Со значением порядка мыслей и их связи – 750 (32,2%);
- в) Со значением привлечения внимания собеседника - 246 (10,5%);
- г) Со значением способов оформления мыслей – 137 (5,8%);
- д) Со значением источника сообщения – 124 (5,3%);
- е) Со значением степени общности излагаемых фактов – 73 (3,1%);
- ж) С эмоциональной оценкой сообщаемой информации – 71 (3%).

15. Вводные слова со значением модальности в романе представлены автором 20 разновидностями вводных компонентов, 7 из которых представляют семантику уверенности и достоверности и 13 – значение неуверенности, предположения, неопределённости, допущения. Наблюдается использование переводчиком приёмов вариантного соответствия, лексической трансформации (лексического опущения), грамматической трансформации (замены части речи). Также переводчиком использовано очень много фразеологических оборотов при передаче данных языковых единиц на таджикский язык [1-А].

16. В романе выявлено 26 вводных компонентов со значением порядка мыслей и их связи, основную часть которых составляют вводные слова, подчёркивающие значение итога, результата предшествующего действия и употребляемые при выделении кого-либо или чего-либо наряду с другим, подобным, указывающие на дополнительное сообщение. Для передачи средств данной функциональной группы также использованы приём вариантного соответствия, лексическая трансформация (лексическое опущение), грамматическая трансформация (замена части речи). Нельзя не заметить, что и в этой группе очень заметна роль метода фразеологического эквивалента.

17. По семантической группе привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания в романе выявлено 24 вида

вводных слов и конструкций, одна часть которых использована с целью привлечения внимания собеседника, вторая часть – с целью акцентирования и подчёркивания что-либо. В тексте перевода они представлены переводчиком словарными соответствиями, выполняющими функцию вводных слов в таджикском языке, а также проведена лексическая трансформация посредством приёма смыслового развития [1-А].

18. Весь спектр языковых средств, выражающих стиль высказывания, манеру речи, способы оформления мыслей в романе состоит из 6 подгрупп. Наиболее частотными среди них являются такие вводные компоненты как «одним словом», «можно сказать», «так сказать». Для передачи данных единиц переводчиком использованы чаще всего словарные соответствия в таджикском языке, приёмы логического развития и позиционной трансформации.

19. Вводные слова, указывающие на источник сообщения, в романе в основном представлены компонентами «дескать», «по-моему» и «говорят». В процессе перевода наблюдается влияние характерных особенностей таджикского языка, в результате чего переводчик воспроизводит в тексте перевода грамматические (синтаксические) трансформации вводных компонентов.

20. Самым продуктивным вводным оборотом группы со значением оценки меры, степени и обычности является фразеологическое единство «по крайней мере» (71%), выражающее достаточную уверенность в достоверности высказывания и соответствующее по значению словосочетанию «во всяком случае». Для передачи данного компонента переводчик использует фразеологические обороты и некоторые наречия в таджикском языке, которые в тексте перевода представлены и в роли вводных конструкций, и в роли членов предложения [7-А].

21. В романе использованы компоненты всех подгрупп вводных конструкций, выражающих эмоциональную оценку (чувства) говорящего. Автором часто использованы такие вводные обороты со значением удивления

и недоумения, общим экспрессивным характером и со значением сожаления и огорчения. Остальной контингент компонентов данной группы встречается в единичных количествах, большинство которых составляют единицы с общим экспрессивным характером. Преобладает приём подборки эквивалента над остальными способами перевода, выявлено также применение переводчиком приёмов логического развития мысли, метода фразеологического эквивалента и контекстуальной замены.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате выполненного исследования в целях использования и усовершенствования обсуждаемой темы предложены такие научные рекомендации:

1. Результаты данного исследования могут быть использованы как материал в научно-исследовательских работах и при разработке программ или вопросов, связанных с изучением поэтических переводов.

2. Диссертационная работа и ее научно-исследовательские результаты могут быть использованы в различных областях языкознания, в том числе в сопоставительном языкознании, переводоведении, а также литературоведении, философии и т.д.;

3. Результаты исследования можно использовать при проведении лекционных и практических занятий для студентов социально-гуманитарного направления;

4. Материал диссертационной работы может быть использован при разработке учебников по сравнительному языкознанию и переводоведению;

5. Результаты данной работы могут послужить материалом при преподавании сопоставительного языкознания и переводоведения, лексикологии и фразеологии, а также для проведения семинаров и спецкурсов в области сопоставительного языкознания и переводоведения;

6. Также результаты исследования могут быть использованы для подготовки базы при переводе таджикских прозаических произведений в учебном процессе в высших филологических заведениях на спецкурсах, семинарах и лекциях по сравнительному языкознанию и переводу;

7. Возможно использование результатов исследования при организации образовательных программ и учебников в области сопоставительного языкознания и переводоведения, а также фразеологии.

8. Автор настоящей диссертационной работы в качестве перспективных задач по дальнейшему исследованию темы определяет более подробное изучение языка и перевода произведений Ф.М. Достоевского на материале других языковых единиц русского и таджикского языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А) Научная и учебная литература

1. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного языка / Г.Н. Акимова. – М.: Высш. шк., 1990. – 166 с.
2. Алгазина, Т.С. Вводно-союзные компоненты в структуре предложения и текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Алгазина. - М., 1994. - 26 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. - Волгоград: Перемена, 1999. – 273 с.
4. Амосова, В.В. Вводно-модальные единицы в составе сложноподчиненного предложения: дис. ... канд. филол. наук / В.В. Амосова.-Куйбышев, 1971. -247 с.
5. Андриященко, Т.Я. Лингвосемиотические интерпретации речевого сообщения / Т.Я. Андриященко // Общение, текст, высказывание. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1981. - С. 83 - 100.
6. Аникин, А.И. Основные грамматические и семантические свойства вводных слов и словосочетаний / А.И. Аникин // Русский язык в школе. -1956. - №4. - С. 22 - 27.
7. Анисимова, Л.В. Вводно-модальные слова в их отношении к структуре предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Анисимова. – Воронеж, 1982. - 19 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985.- Т. 16. - С. 3 - 42.
9. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 576 с.
10. Бабайцева, В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Учебник в 3-х ч. - Ч.3. Синтаксис. Пунктуация. — М.: Просвещение, 1987. - 256 с.
11. Бабайцева, В.В. Русский язык: Теория: учебник для 5-9 кл. / В.В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. - М.: Просвещение, 1993. - 256 с.

12. Бабайцева, В.В. Современный русский язык: учебник в 3 ч. Ч.3. Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. - М.: Просвещение, 1981. - 271 с.
13. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко - Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1989. - 184 с.
14. Базарбаева, З.М. Типологическое исследование интонации вводных единиц / З.М. Базарбаева—Алма-Ата, 1991.
15. Банару, В.И. Оценка, модальность, прагматика / В.И. Банару // Языковое общение: Единицы и регулятивы. - Калинин: Изд-во Калинин, гос. ун-та, 1987. - С. 14 - 18.
16. Баранов, А.Н. Вводные слова в семантической структуре предложения / А.Н. Баранов, И.М. Кобозева // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвуз. сб. - Красноярск, 1984. - С. 83 - 93.
17. Белошапкова, В.А. Синтаксис / В.А. Белошапкова // Современный русский язык. 3-е изд., испр. и доп. - М.: Азбуковник, 1997. - С. 606-868.
18. Беляева, Е.И. Достоверность / Е.И. Беляева // Теория функциональной грамматики - 1991. - С. 157 - 170.
19. Биренбаум, Я.Г. Пространство вводности и придаточные предложения: пособие по спецкурсу / Я.Г. Биренбаум. - Челябинск: Изд-во Челябинск, гос. пед. ин-та, 1976. - 117 с.
20. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов - Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1990. - 88 с.
21. Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). 5-е изд., перер. - М.-Л.: Гос.соц-экон., 1935. - 354 с.
22. Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. - М.: Наука, 1935. - 240 с.
23. Богушевич, Д.Г. Единица. Функция. Уровень. К проблеме классификации единиц языка / Д.Г. Богушевич. - Минск: Выгшэйш. шк., 1985. - 116 с.
24. Бондаренко, В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В.Н. Бондаренко // Филол. науки. - 1979. - №2. - С. 58 - 59.

25. Бульгина, Т.В. О границах и содержании прагматики / Т.В. Бульгина // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. - 1981. - Т.40. - №4. - С. 336 - 341.
26. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. - М.: Учпедгиз, 1959. - 624 с.
27. Бухарин, В.И. Вводные слова в аспекте актуального членения / В.И. Бухарин//Вопросы языкознания. - 1984. - №1. - С. 101 - 105.
28. Валгина, Н.С. Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. Учебник для вузов / Под ред. Н.С. Валгиной. - Изд. 6-е, перераб. и доп. - М.: Логос, 2003. - 528 с.
29. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка. Изд. 2-е. Учебник для вузов. - М.: Высш. школа, 1978, 439 с.
30. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник для вузов / Н.С. Валгина. - М., 1991. - 432 с.
31. Валгина, Н.С., Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь. - М.: Высш. нж., 1966. - 495 с.
32. Василенко, Я.И. Модальные слова в диалоге / Я.И. Василенко // Русская речь. - 1984.- №6. - С. 37 - 40.
33. Василенко, Я.И. Модальные слова как средство авторизации текста / Я.И. Василенко // Филологические науки. - 1984. - №4. - С. 26 - 28.
34. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Труды Ин-та русского языка. – Т. 2. – М., 1950. С. 38–79
35. Виноградов, В.В. Вводные слова и их соотношения с структурно-семантическими категориями слов в современном русском языке / А.И. Аникин // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. - М., 1958. - Т. 132. - С. 5 - 33.
36. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка. - М., 1981. - С. 310 - 316.
37. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов - М.: Наука, 1980. - 360 с.

38. Виноградов, В.В. Русский язык: учеб. пособие для вузов / В.В. Виноградов. - М.: Высш. шк., 1972. - 614 с.
39. Винокур, Т.Г. Информационная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т.Г. Винокур // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. - М., 1933. - Т.1. - С. 5 - 29.
40. Востоков, А.Х. Русская грамматика 12-е изд. / А.Х. Востоков. - СПб, 1831. - 216 с.
41. Востоков, В.В. О вводно-модальных элементах как средствах формирования и выражения субъектно-модальных значений / В.В. Востоков // Современный русский язык: Лингвистический сб. - Вып. 16. - М., 1976. - С. 103 - 112.
42. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. - М., 1981. - 139 с.
43. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык / А.Н. Гвоздев. - М.: Просвещение, 1973. - Ч. I. - 432 с.
44. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык: в 2 ч. 4.2. Синтаксис / А.Н. Гвоздев. - М.: Учпедгиз, 1961 - С. 190 - 191.
45. Глухова, В.А. Вводные конструкции со значением следствия в русском литературном языке XVIII в. / В.А. Глухова // Вопр. языкознания и сибирской диалектологии: Сб. статей. - Вып.7. - Томск, 1977. - С. 136 - 140.
46. Глушак, Т.С. Роль парантезы в макроструктурной организации функциональных стилей / Т.С. Глушак, Р.С. Самолетова // Научная литература. Язык, стиль, жанры. - М.: Наука, 1985. - С. 290 - 301.
47. Горельникова, Ю.А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения: дис. канд. филол. наук / Горельникова Юлия Алексеевна. - М., 1993. - 146 с.
48. Грамматика русского языка. В двух томах. Том 2: Синтаксис. Часть вторая. - М.: Академия наук СССР, 1960. - 440 с.
49. Грамматика русского языка. Т.2. 4.2. / ред. коллегия: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. - М.: АН СССР. 1954. - 444 с.

50. Грамматика русского языка. Т.2. Синтаксис. 4.2. / ред. коллегия: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. - 2-е изд., перераб. и доп. - АН СССР. М., 1960.-154 с.
51. Грамматика современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1970. - 767 с.
52. Греч, Н.И. Практическая русская грамматика / Н.И. Греч. - СПб., 1834. - 320 с.
53. Дейк ван, Т.А. Вопросы прагматики текста / Дейк ван, Т.А. // Новое в зарубежной лингвистике.- М., 1978. - Вып.8. - С. 24 - 27.
54. Зайцева, О.Л. Прагматическая обусловленность речевой деятельности и некоторые способы ее выражения / О.Л. Зайцева // Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф. - Волгоград: Перемена, 1994. - С. 15 -17.
55. Золотова, Г.А. О модальности предложения в русском языке / Г.А. Золотова // Филологические науки. -1962. - №4. - С. 26 - 29.
56. Золотова, Г.А. Вводно-модальные слова в предложении и в тексте / Г. А.Золотова // Ceskoslovenska rusistika. - 1983.-№5. - С. 207 - 211.
57. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онопенко, М.Ю. Сидорова. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. - 528 с.
58. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. - М.: Наука, 1982. - 368 с.
59. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. - М.: Наука, 1973. - 351 с.
60. Йокояма, О.Ц. Теория коммуникативной компетенции и прагматика порядка слов в русском языке / О.Ц. Йокояма // Вопросы языкознания. - 1992. - №6. - С. 94-101.
61. Каримова, Л.А. Вводные слова и вводные сочетания слов в русском литературном языке второй половины XVIII - начала XIX вв. / Л.А. Каримова // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. -1965. -Т. 125. - С. 137 -158.
62. Кобозева, И.М. Интерпретирующие речевые акты / И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий. - М., 1994. - С. 63 -71.

63. Колесников, А.В. Причинно-следственные отношения в синтаксисе целого текста / А.В. Колесников // Русский синтаксис: Известия ВГПИ, Т. 150. - Воронеж: ВГПИ, 1975. - С. 122 -131.
64. Колесников, А.В. Средства выражения разделительных отношений в синтаксисе целого текста / А.В. Колесников // Русский синтаксис: Известия ВГПИ, Т. 191 - Воронеж: ВГПИ, 1977. - С. 77 - 87.
65. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. - М.: Наука, 1975. - 231 с.
66. Коммуникативно-прагматическая семантика: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2000. – 177 с.
67. Корнилов, А.А. Модально-конструктивная функция лексических единиц со значением категорической и проблематической достоверности в осложненном и сложном предложениях / А.А. Корнилов // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий: Межвуз. сб. научн. тр. - Л., 1984. - С. 24 - 30.
68. Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. - 639 с.
69. Крючков, СЕ. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения / СЕ. Крючков, Л.Ю. Максимов. - М.: Просвещение, 1977. - 191с.
70. Ламбарджян, СП. Значение уверенности / неуверенности в разных по целенаправленности типах простого предложения в русском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Ламбарджян СП.-М., 1981. - 38 с.
71. Лекант, П.А. Синтаксические и грамматические аспекты предикации в современном русском языке / П.А. Лекант // Вводность - коммуникативно-прагматическая категория: Межвузовский сборник научных трудов. - М.: Наука, 1998. - С. 38 -45.
72. Лекант, П.А. Семантика вводных компонентов в тексте / П.А. Лекант // Семантика слова и словоформы в тексте: Межвуз. сб. научн. тр. - М., 1988. - С. 3
73. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. - М.: Просвещение, 1969. - 214 с.

74. Ломоносов, М.В. Грамматика русского языка / М.В. Ломоносов. - СПб, 1757. - 453 с.
75. Ломоносов, М.В. Российская грамматика в 11т. Т.7. / М.В. Ломоносов - М. - Л, 1952. - С. 550 - 553.
76. Ломтев, Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т.П. Ломтев. - М.: Учпедгиз, 1958. - С. 122 -123.
77. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблема семантики / Н.А. Лукьянова. - Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. - 227 с.
78. Ляпон, М.В. Вводные слова; Вставная конструкция / М.В. Ляпон // Русский язык: Энциклопедия. - М., 1986. - С. 39 - 49.
79. Ляпон, М.В. Из истории выражения модальности в русском языке: авто-реф. дис. канд. филол. наук / Ляпон Майя Валентиновна. - М., 1971. - 27 с.
80. Ляпон, М.В. Сложное предложение как иерархия оценочных инстанций / М.В. Ляпон // Русский язык за рубежом. -1998. - С. 61 - 63.
81. Манаенко, Г.Н. Осложненное предложение в языке и речи: Очерки по теории и методологии исследования / Г.Н. Манаенко. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. - 255 с.
82. Маркарян, Р.А. Грамматический и стилистический анализ вводных слов и оборотов / Р.А. Маркарян // Русский язык в армянской школе. - 1987. - №3. - С. 24 -32.
83. Мецлер, А.А. Прагматика коммуникативных единиц / А.А. Мецлер. - Кишинев, 1990. - 100 с.
84. Минкин, Л.М. К вопросу о многоаспектности предложения и композиции языковой синтаксической системы / Л.М. Минкин // Иностранные языки в школе. -1980. - № 4. - С. 15 -19.
85. Немец, Г.П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке / Г.П. Немец. - Ростов н/Д.: Изд-во Ростов, ун-та, 1991. - 142 с.
86. Никитин, В.М. Вводные слова в русском языке, их специфика и типы / В.М. Никитин // Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та. - №8 - Рязань, 1949. - С. 98 -142.

87. Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. - 2-е изд., испр. и доп. - СПб., 1912. - XXXV. - 322 с.
88. Овсянико-Куликовский, Д.Н. Синтаксис русского языка, 2-е изд. / Д.Н. Овсянико-Куликовский. - СПб, 1912. - 297 с.
89. Останин, А.И. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке: автореф. Дис д-ра филол. наук / Останин АН - Саратов, 1969. - 17 с.
90. Останин, А.И. О функциях некоторых вводных единиц с общим значением модально-логической характеристики / А.И. Останин // Вопросы теории и методики русского языка / Труды XI зональной научной конференции кафедр русского языка вузов Сред. и Ниж. Поволжья. - Ульяновск, 1969. - С. 208 - 217.
91. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью / Е.В. Падучева. - М.: Наука, 1985. - 271 с.
92. Падучева, Е.В. Говорящий субъект речи и субъект сознания / Е.В. Падучева // Логический анализ языка: Культурные концепты. - М.: Наука, 1991. - С. 164 - 169.
93. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов // Вопр. языкознания. - 1977. - №4. - С. 37 - 49.
94. Пете, И. Типы синтаксической модальности в русском языке / И. Пете // Studia Slavica. - 1970. - Т. 16. - №3-4. - С. 226.
95. Петров, Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности / Н.Е. Петров. - Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1982. - С. 7 - 9.
96. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - Изд. 7-е. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
97. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - 8-е изд., доп. - М.: Языки славянской культуры. 2001. - 544 с.
98. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. - М., 1938. - 452 с.
99. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. / А.М. Пешковский. - М.: Просвещение, 1956. - 420 с.

100. Плоткин, В.Я. О связи вводных элементов с предложением и его частями (на материале английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук / Плоткин Вульф Яковлевич. - Л., 1959.
101. Плотников, Б.А. Соотношение коммуникативного и прагматического аспектов языковых единиц / Б.А. Плотников // Коммуникативные единицы языка. - М.: Изд-во Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1984. - С. 95 - 96.
102. Пляскина, М.В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пляскина Марина Владиславовна. - Новосибирск, 2001. - 18 с.
103. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1, 2. — М.: Учпедгиз, 1958.-536 с.
104. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике: Т. 1-2. / А.А. Потебня. - Харьков: Изд-во Харьков, гос. ин-та, 1958. - С. 291 - 297.
105. Почепцов, Г.Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании / Г.Г. Почепцов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. - Калининград.: Изд-во Калинин, ун-та, 1985. - С. 26 - 38.
106. Почепцов, Г.Г. Предложение / Г.Г. Почепцов // Теоретическая грамматика современного английского языка.- М.: Наука, 1981. - С. 164 - 281.
107. Почепцов, Г.Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения / Г.Г. Почепцов // Языковое общение: Единицы и регулятивы. - Калининград, Изд-во Калинин, ун-та, 1987. - С. 26 - 38.
108. Почтенная, Т.Г. Современный русский язык. Синтаксис / Т.Г. Почтенная. - М., 1968. - 48 с.
109. Превлесский П.М. «Начертание русского синтаксиса» / П.М. Превлесский. 1847. – 193 с.
110. Прияткина, А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие для филол. спец. вузов / А.Ф. Прияткина. - М.: Высш. шк., 1990. - 175 с.
111. Рачук, Н.В. Функционирование вводных элементов в современном газетном тексте: дис. канд. филол. наук / Рачук Нелли Владимировна. - СПб., 1999. -187 с.

112. Рейковский, Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский. - М.: Прогресс, 1979. - 512 с.
113. Розенталь, Д.Э. Вводные и вставные конструкции / Д.Э. Розенталь // Современный русский язык. 4.2. Морфология. Синтаксис / Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. - М., 1961. - С. 510 - 513.
114. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. - М., 1985. - 399 с.
115. Романов, Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований (на материале русского языка): автореф. дис. д-ра филол. наук / Д.А. Романов. - Белгород, 2004. - 48 с.
116. Романова, Р.М. Мелодика вводных и вставных предложений в современном русском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Р.М. Романова. - Л., 1971. - 20 с.
117. Рудковская, М.Н. Вводно-модальные элементы в публицистических текстах: автореф. Дис. канд. филол. наук / М.Н. Рудковская. - М., 1982. - 24 с.
118. Руднев, А.Г. Синтаксис осложненного предложения / А.Г. Руднев. - М.: Учпедгиз, 1959. - 198 с.
119. Руднев, А.Г. Синтаксис современного русского языка / А.Г. Руднев. - М.: Высш. школа, 1963. - 209 с.
120. Руднев, А.Г. Синтаксис современного русского языка / А.Г. Руднев. - М.: Высш. школа, 1968. - 319 с.
121. Русская грамматика. В 2 т. Т. II. Синтаксис: / Под ред. Доктора филологических наук Н.Ю. Шведова - М.: Наука, 1980. — 709 с.
122. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н.Ю. Шведова. - М.: Наука, 1980. - 710 с.
123. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. - М.: Наука, 1993.-Т. 1. - С. 5 - 29.
124. Русский язык: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин [и др.]; Под ред. Л.Л. Касаткина. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - 768 с.

125. Самый полный курс русского языка: учебное издание. Лексика, фразеология, фонетика, фонология и орфоэпия, графика и орфография, словообразование, морфология, синтаксис и пунктуация / Под ред. Н.В. Адамчика - Минск: Харвест, 2008. - 848 с.
126. Седун, П.И. О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях / П.И. Седун // Славянское языкознание: Сб. статей. - М. - 1959. - С. 186-198.
127. Седун, П.И. Синтаксис вводных образований в современ. рус. языке: автореф. Дис к-та филол. наук / Седун П.И. - М. -1955. - 19 с.
128. Сергеева, Л.А. Проблемы оценочной семантики: монография / Л.А. Сергеева.- М.: Изд-во МГОУ, 2003. - 140 с.
129. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение, 1979. - 236 с.
130. Слюсарева, Н.А. Введение // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / Н.А. Слюсарева, Н.Н. Трошина. - М.: Наука, 1982. - С 3 - 7.
131. Современный русский язык: учебник для вузов / Под ред. Н.С. Валгиной: - Изд. 6-е, перераб. и доп.- М.: Логос, 2001. - 528 с.
132. Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. — М.: Высшая школа, 1982. - 399 с.
133. Современный русский литературный язык: учебник / Под ред. акад. РАО В.Г. Костомарова и проф. В.И. Максимова. - М.: Гардарики, 2003. - 780 с.
134. Современный русский язык.: Лексика и фразеология, фонетика и орфоэпия / Под ред. Д.Э. Розенталя - М.: Наука, 1979. - 256 с.
135. Современный русский язык: пособие / В.Д.Стариченок, Т.В.Балуш, О.Е.Горбачевич [и др.]; под ред. В. Д.Стариченка. – Минск: Вышэйшая школа, 2011. - 596 с.
136. Современный русский язык: учебник для филол. пед. ун-тов / Под ред. В. А. Белошапковой. - М.: Высш. шк., 1989. - 799 с.
137. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. - 2-е изд., испр. и доп. / Л.А. Новиков,

- Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов [и др.]; под общ. ред. Л.А. Новикова, - СПб.: Изд-во «Лань», 1999. - 864 с.
138. Современный русский язык в 3 т. Том 3. Синтаксис: учебник и практикум для вузов / С.М. Колесникова [и др.]; под редакцией С.М. Колесниковой – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023, - 301 с.
139. Солганик, Г.Я. Модальные слова / ГЛ Солганик // Современный русский язык.- М.: Высш. шк., 1971. - 512 с.
140. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое) / Г.Я. Солганик. - М, 1991. -182 с.
141. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР СЛЯ. - М, 1981. - Т. 40. - №4. - С. 325-332.
142. Столярова, И.В. Модальная характеристика вводного компонента в предложении / И.В. Столярова // Модальность в ее связях с другими категориями. - Новосибирск, 1992. - С. 113 -121.
143. Ступнева, А.И. Вводные предложения в современной русской речи / А.И. Ступнева. - М.: Наука, 1968. -160 с.
144. Сусов, И.П. Семантика и прагматика предложения / И.П. Сусов. - Калинин, 1980. - 51 с.
145. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. - Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 1984. - 312 с.
146. Сусов, И.П. Личность как субъект дискурса / И.П. Сусов // Личностные аспекты языкового общения. - Калинин.: Калин, гос. ун-т, 1989. - С. 9 -16.
147. Сусов, И.П. Проблемы языкового общения, его единиц и правил / И.П. Сусов // Коммуникативные единицы языка. - М.: Моск. пед. ин-т. иностр. яз, 1984. - С. 113 -116.
148. Сусов, И.П. Языковое общение и лингвистика / И.П. Сусов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. - Калинин.: Изд-во Калин, гос. ун-та, 1985. - С. 3 - 12.

149. Тестелец, Я.Г. Введение в общий синтаксис / Я.Г. Тестелец. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. - 800 с.
150. Тихомиров, В. Разграничение вводных и вставных конструкций в современном русском языке / В. Тихомиров // «Русский язык в школе. - 1963. - № 6. - С. 100-102.
151. Топтыгина, Е.Н. Средства выражения субъективно-модальных значений предположения и допущения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Топтыгина. - М., 2003. - 23 с.
152. Харченко, И.П. Вводно-модальные слова категорической и проблематической достоверности в научном и научно-популярном текстах / И.П. Харченко // Системный анализ лингвистических явлений в тексте. - Владивосток, 1988. - С. 166-173.
153. Хэллидей, М.А. Лингвистическая функция и литературный стиль / М.А. Хэллидей // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. Г.Х. - Лингвостилистика. - М.: Прогресс, 1980 - С. 116 - 147.
154. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / под ред. Т.В. Бульгиной. - М.: Наука, 1992. - 279 с.
155. Чешко, Л.А. Изучение слов, грамматически не связанных с предложением / Л.А. Чешко.-М., 1960. – 130 с.
156. Чумак Л.Н. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. пособие / Л.Н. Чумак. Минск: БГУ, 2007. – 191 с.
157. Шапиро, А.Б. Современный русский язык, пунктуация / А.Б. Шапиро. - М., 1974. - С. 62 - 63.
158. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка: учебник / Ред. и комментарий Е.С. Истриной. - 2-е изд. - Л.: Гос. изд-во Наркомпроса РСФСР, Ленинградское отделение, 1941. - 620 с.
159. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. - Воронеж.: Изд-во Воронеж, ун-та, 1987. -192 с.

160. Шмелева, Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т.В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. - М., 1984. - С. 78-101.
161. Щеболева, И.И. Структурные типы вставных конструкций в современном русском языке / И.И. Щеболева // Вопр. синтаксиса русского языка: сб. статей. - Ростов-на-Дону. -1971. - С. 101-113.
162. Якобсон, Р. Речевая коммуникация / Р. Якобсон // Избранные работы по лингвистике. - Благовещенск: Изд-во Благовещ. гуманит. коллед. им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. - С. 306-318.
163. Яковлева, Е.С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности: автореф. дис. канд. филол. наук / Е.С. Яковлева. - М., 1983. – 21 с.
164. Грамматика современного таджикского литературного языка 3 (на таджикском языке) / сост. Ф. Зикриёев, Б. Камолитдинов, Ш. Рустамов, Д.Тоджиев. – Душанбе.: Дониш, 1989. - 224 с.
165. Зикриёев, Ф. Хусусияти грамматикии вохидҳои туфайли. - Масъалаҳои забони тоҷикӣ // Маҷмуаи илмӣ. Институти педагогии ба номи Т. Г. Шевченко. - Душанбе, 1978. - С. 24-34.
166. Зикриёев, Ф. Ҷумлаҳои туфайли ва муносибати онҳо бо ҷумлаҳои пайрави тарзи амал // Маҷмуаи илмӣ (материалҳо оид ба забони адабии тоҷик), Серияи филологӣ, ҷ. 55, Институти давлатии ба номи Т. Г. Шевченко. - Душанбе: Ирфон, 1967. – С. 83-109.
167. Зикриёев, Ф., Исматуллоев М., Каримов Х. и др. Современный таджикский литературный язык. Ч. 2./ Под ред. Ш. Рустамова, Б.Камолитдинова.- Душанбе: Маориф, 1984. - 324 с.
168. Ниёзмухаммадов, Б., Рустамов Ш. Таджикский язык: Синтаксис, - Душанбе: Маориф, 1976. – 219 с.
169. Ниёзмухаммадов, Б., Ш. Ниёзи. Грамматика таджикского языка года, Синтаксис, часть II. - Сталинобод, 1955, С. 63-64

170. Норматов М. Современный таджикский литературный язык: Синтаксис, Душанбе: Маориф – 2011. – 268 с.
171. Норова И. Обращение и вводные слова в таджикском литературном языке (на таджикском языке). – Сталинобод, 1961. - 92 с.
172. Рустамов, Ш., Камолиддинов Б. Грамматика современного таджикского литературного языка. – Душанбе: Дониш -1989. – 224 с.
173. Рустамов, Ш., Каримов А., Аминов С. Таджикский язык для седьмого класса (на таджикском языке). – Душанбе: Маориф, 1987, 132 с.

Б) Художественная литература

174. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом / Ф.М. Достоевский, Москва: Худож. лит., 1983. – 400 с.
175. Айнӣ, С. Китоби дуюм / С. Айнӣ, Ҷ. 11. – Душанбе: Ирфон, 1964. - 434 с.
176. Айнӣ, С. Куллиёт / С. Айнӣ Ҷ. 6. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1962. – 413 с.
177. Айнӣ, С. Куллиёт / С. Айнӣ Ҷ. 7. - Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1962. - 643 с.
178. Айнӣ, С. Куллиёт / С. Айнӣ. Ҷ. 1. - Сталинобод: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1958. - 341 с.
179. Айнӣ, С. Куллиёт / С. Айнӣ. Ҷ. 4. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1961. - 350 с.
180. Достоевский, Ф.М. Д 78 Ҷиноят ва ҷазо; Роман, Иборат аз шаш қисм бо хотимааш (Тарҷ. Шамсӣ Собир). - Душанбе: Ирфон, 1984. - 656 с.
181. Икромӣ, Ҷалол. Духтари оташ, / Ҷ. Икромӣ. - Душанбе: Ирфон, 1968. – 579 с.
182. Карим, Ҳаким. Ҳикояҳо, / Ҳаким Карим. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1957. - 114 с.
183. Ниёзӣ, Ф. Вафо / Ниёзӣ Ф. – Душанбе: Ирфон, 1966. - 497 с.
184. Ҷалил, Раҳим. Одамони ҷовид / Раҳим Ҷалил. - Душанбе: Ирфон, 1979.-446 с.
185. Ҷалил, Раҳим. Шикасти тилисмот / Раҳим Ҷалил. - Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1964. - 203 с.

186. Чалил, Рахим. Шуроб / Чалил. Р. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1959. - 323 с.
187. Шукӯҳӣ А. Кӯчабоғи ошиқон / Шукӯҳӣ, А.. Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1962. - 68 с.

В) Электронные ресурсы и интернет-источники

188. Адамчик, Н.В. Самый полный курс русского языка: учебник / Авт. Н. В. Адамчик. - Минск: Харвест. 2008. – 848 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://chamilanguerussepour tous.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0335/335723.2aech59711.pdf> (дата обращения: 22.03.2022)
189. Алфавитный список вводных слов и выражений - Грамота.ру [Электронный ресурс] URL: <http://new.gramota.ru/spravka/punctum/punctum-alphabet> (дата обращения: 04.12.2021)
190. Валгина Н.С. Современный русский язык: учебник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-174.htm#i11662> (дата обращения 18.01.2021)
191. Вводные обороты – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/page/obgrams3/> (дата обращения 22.01.2023)
192. Вводные слова, словосочетания и предложения [Электронный ресурс] URL: https://licey.net/free/4-russkii_yazyk/40-kurs_russkogo_yazyka_sintaksis_i_punktuaciya/stages/726-210_vvodnye_slova_slovosochetaniya_i_predlozheniya.html (дата обращения 20.08.2021)
193. Знаки препинания при вводных словах и словосочетаниях [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yaklass.ru/p/russky-yazik/11-klass/sposoby-oslozhneniia-predlozheniia-10915/konstrukcii-grammaticheski-ne-sviazannye-s-predlozheniem-10941/re-68ca8c95-f3f3-4264-a249-f4b6062e21df> (дата обращения 20.01.2023)
194. Ложные вводные слова. 1) по Д. Э. Розенталю [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litsite.ru/2011/01/13/loznye-vvodnye-slova/> (дата обращения: 10.12.2022)
195. Научная Россия Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru> (дата обращения: 16.02.2023)

196. Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 12.01.2023)
197. Розенталь Д.Э. Современный русский язык: учебник [Электронный ресурс]. URL: <https://biblioteka-online.info/book/sovremenny-russkiy-yazyk-ucheb-posobie-dlya-studentov-filologov-zochnogo-obucheniya/> (дата обращения: 18.09.2022)
198. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 14.11.2021)
199. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.academic.ru> (дата обращения: 22.05.2022)
200. Электронная онлайн библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.shoir.tj/poem.php> (дата обращения: 23.03.2023)

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Президенте РТ и ВАК РФ:

[1-А]. Ходжатов, Б.Д. Основные семантические группы вводных слов в русском языке и способы их передачи на таджикский язык [Текст] / Б.Д. Ходжатов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. - Душанбе, 2019. - №2 (34). – С. 16-25. ISSN 2226-9395

[2-А]. Ходжатов, Б.Д. О семантике вводных слов в русском языке и их соответствиях в таджикском языке (на примере художественного текста) [Текст] / Б.Д. Ходжатов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. - Душанбе, 2019. - №8. - С. 166-171. ISSN 2413-516X

[3-А]. Ходжатов, Б.Д. Когнитивная метафора – важный фактор развития сознания человека и его словарного запаса [Текст] / Б.Д. Ходжатов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. Душанбе, 2020. - №2 (38). – С. 18-22. ISSN 2226-9395

[4-А]. Ходжатов, Б.Д. Структурно-семантические особенности вводных конструкций в таджикском языке [Текст] / Б.Д. Ходжатов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. Душанбе, 2020. - №2. - С. 148 – 153. ISSN 2413-516X

[5-А]. Ходжатов, Б.Д. О некоторых семантических группах вводных слов русского и таджикского языков: сопоставительный аспект [Текст] / Б.Д. Ходжатов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. - Душанбе, 2020. - №4. – С. 85-90. ISSN 2413-516X

[6-А]. Ходжатов, Б.Д. Особенности вводных слов в таджикском языке [Текст] / Б.Д. Ходжатов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. - Душанбе, 2021. - №2 (42). - С. 93-98. ISSN 2226-9395

[7-А]. Ходжатов, Б.Д., Турсунов, Ф.М. Использование вводных словосочетаний в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и средства их выражения в таджикском языке [Текст] / Б.Д. Ходжатов, Ф.М.

Турсунов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. - Душанбе, 2022. - №4 (48). – С. 107-112. ISSN 2226-9395

[8-А]. Ходжатов, Б.Д., Турсунов, Ф.М. Репрезентация вводных предложений в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и средства их выражения в таджикском языке [Текст] / Б.Д. Ходжатов, Ф.М. Турсунов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. - Душанбе, 2023. - №3. – С. 121-127. ISSN 2413-516X

II. Статьи, опубликованные в других изданиях:

[9-А]. Маджидова Н.Х., Ходжатов Б.Д. Обучение русским фразеологизмам студентов языковых вузов / Н.Х. Маджидова, Б.Д. Ходжатов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2014. - №4 (16). – С. 96-101. ISSN 2226-9395

[10-А]. Ходжатов, Б.Д. О некоторых особенностях таджикских вводных слов / Б.Д. Ходжатов // Международная научно-практическая конференция на тему «Алтуальные проблемы лингвистики и перевода в современном мире». -Душанбе, 2019. - С. 290-293

[11-А]. Ходжатов, Б.Д. Репрезентация вводных словосочетаний в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и средства их выражения в таджикском языке / Б.Д. Ходжатов // Международная научно-практическая конференция на тему: «Алтуальные проблемы языкознания и литературоведения в современном времени». - Душанбе, 2022. - С. 289-294

[12-А]. Ходжатов, Б.Д. Вводно-модальные слова в русском языке и способы их передачи на таджикский язык (на примере романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») / Б.Д. Ходжатов // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции «Русский мир Азии», посвящённой Году русского языка в странах СНГ. - Душанбе-Якутск, 2023. – С. 349-356

[13-А]. Ходжатов, Б.Д. О некоторых особенностях вводных предложений в таджикском языке / Б.Д. Ходжатов // Международная научно-практическая

конференция на тему «Русский язык в современном билингвальном пространстве». - Душанбе, 2023. - С. 70-73

Примеры с вводными единицами из романа Ф.М. Достоевского
«Преступление и наказание» и их перевод

По структуре		
А) Примеры с вводными словами		
№	Предложения на русском языке	Перевод на таджикский язык
1	« Может , впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил», - подумал он с неприятным чувством.	« Эҳтимол , вай ҳамеша ҳамин хел бошад ман он дафъа инро пайхас накарда бошам»,— гуфта ба дил гузаронд чавон бо як ҳиссиёти ногуворе.
2	Было душно, так что было даже нестерпимо сидеть, и всё до того было пропитано винным запахом, что, кажется , от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным.	Ҳавои майхона дим буда, нафас гирифтган мушкил мегашт, нишастан дар он ҷо тоқатшикан буд, ба ҳама чизи гирду атроф бӯи май чунон нишаста буд, ки зохиран , аз худи ҳамин бӯй дар зарфи панҷ дақиқа маст шудан мумкин буд.
3	...а в последнем мы не имеем покамест больших причин сомневаться, хотя и скоренько, признаться , сделалось дело.	...мо бошем, алҳол барои шубҳа овардан ба ин мутлақо асосе надорем, агарчӣ ин кор, рости гап , хеле ба зудӣ анҷом гирифт.
4	Да, кроме того , собственным вашим носком очень даже интересоваться изволили, очень!	Ҳа, боз ғайр аз ин , ба ҷӯроби худатон бисъёр шавку мароқ зоҳир кардед, аз ҳад зиёд.
5	Кстати , он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен.	- Дарвоқеъ , вай бағоят чавони барно буд, чашмони сиёҳи зебое дошт, худаш малларанги сабзинатоб, қадаш аз миёна боло, ҷусааш борик, қоматаш мавзун буд.
6	Разумеется , мы сначала были очень поражены, так как всё это произошло слишком скоро и неожиданно.	Албатта , мо даставвал бисъёр ҳайрон шудем, чунки ҳамаи ин воқеа якбора, ногаҳон рӯй дод.
7	Короче , несмотря на доброе и благородное обращение Марфы Петровны, супруги господина Свидригайлова, и всех домашних, Дунечке было очень тяжело...	Алқисса , ба муомилаи нағзу оличанобонаи ҳамсари чаноби Свидригайлов - Марфа Петровна ва ҳамаи аҳли хонадон нигоҳ накарда Дунечка бисъёр азоб мекашад...
8	Впрочем , на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу.	Бо вучуди он , ин дафъа ба кӯча баромада ҳатто худи ӯ аз тарси вохӯрдан бо қарзхоҳаш маҳви ҳайрат гашт.
9	Во втором этаже одна пустая квартира была, правда , растворена настежь, и в ней работали маляры, но те и не поглядели.	Рости гап , дар ошъёнаи дуҷум дари як квартираи холи калон кушодагӣ буд ва дар он рангуборчиён кор мекарданд, вале онҳо ҳам ба ӯ нигоҳ накарданд.
10	Пожалуй , впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю.	Вале, эҳтимол , суръати ҳол ин бошад: аз он сабаб мелақам, ки ба коре азм намекунам.
Б. Примеры с вводными словосочетаниями		
11	Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать , как бы в какое-то забытьё, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать.	Аммо дере нагузашта ӯ гӯё ба андешаҳои чуқуре фуру рафт, аниқтараш , ҳатто гӯё ба як навъ ҳолати мадхушӣ афтод ва ба даври пеши худ нимнигоҳе накарда, ҳатто ба даври пешаш нигоҳ қардан ҳам нахоста, ба роҳаш давом кард.
12	Но какая-то рассеянность, как будто даже	Аммо ҳастии ӯро як навъ парешонхотирӣ, гӯё

	задумчивость, стала понемногу овладевать им: минутами он как будто забывался или, лучше сказать , забывал о главном и прилеплялся к мелочам.	ҳатто як навъ андешамандӣ тадричан фаро мегирифт: баъзан мешуд, ки ӯ гӯё тамоми оламро фаромӯш мекард ё худ, агар дигархелтар карда гӯем , чизи асосиро фаромӯш мекарду ба майда-сӯйдаҳо мечаспид.
13	- Извините, что вас перерву, сделайте одолжение : нельзя ли сократить и перейти прямо к цели вашего посещения.	Мебахшед, суханатонро мебурам, як илтимос : агар бемалол бошад, гапатонро кӯтоҳ карда якбора ба сари мақсади ин чо қадам ранча фармуданатон меомадед.
14	...прорвался наконец Лебезятников, который, вообще говоря , несмотря на всю свою «независимость» и на все «протесты», как-то не смел оппонировать Петру Петровичу...	...маддашро кафонд Лебезятников, ки агар умуман гирем , сарфи назар аз ҳамаи «муस्ताқилӣ» ва ҳамаи «этирозҳо»-яш, аз чи сабаб бошад, ки ба рад кардани гапи Петр Петрович чандон чуръат...
15	Вечером увидимся, сговоримся и положим, так сказать , основание.	Бегоҳӣ вомахӯрем, маслиҳат мекунем ва ба қавле корро мечунбонем (440).
16	Одним словом , милый Родя, письмо это так благородно и трогательно написано, что я рыдала, читая его, и до сих пор не могу его читать без слез.	Хулласи калом , Родячони ширин, ин мактуб чунон риккатовар ва чунон олиҳимматона навишта шудааст, ки ман вақти онро хонданам дунгос зада гиристам ва то ин дам онро бе оби дида хонда наметавонам.
17	Таким образом , ей пришлось несколько дней сряду объезжать всех в городе, так как иные стали обижаться, что другим оказано было предпочтение, и таким образом, завелись очереди...	Ба хамин тариқ , ӯро лозим омадааст чандин рӯз пайваста ба хонаи ҳамаи сокинони шаҳр равад, зеро баъзеҳо ранчидаанд ки ӯ касони дигарро авлотар дониста аввал ба назди онҳо рафта будааст ва ба хамин тариқ, мардум навбат мегирифтаанду...
18	Мое мнение , что многое, очень многое, тут было лишнее; но Марфа Петровна уже такого характера (33).	Ба фикри ман , дар ҳамаи ин корҳояш вай бисёр аз ҳад гузарондааст; аммо, феълӣ атвори Марфа Петровна хамин дел аст.
19	По крайней мере , она вполне восстановила честь Дунечки, и...	Ба ҳар ҳол , вай номи Дунечкаро аз доғи шармандагӣ тамоман покиза кард ва...
20	...как будто торопясь туда за делом, но, по обыкновению своему , шел, не замечая дороги, шепча про себя и даже говоря вслух с собою, чем очень удивлял прохожих.	...гӯё ба он тараф аз паи коре шитоб мекарда бошад, аммо аз рӯи одати ҳамешагиаш , ба зери пояш нигоҳе накарда ва худ ба худ пичир-пичир карда ва ҳатто худ ба худ гап зада мерафту бо ин кораш роҳгузаронро бағоят ба ҳайрат меандохт.
21	Мало того , свою собственную казуистику выдумаем, у иезуитов научимся и...	Ба болокории ҳамаи ин мо ҳар хел гапхоро бофта мебарорем, баъзе чизхоро аз иезуитҳо меомӯзем ва...
22	...в момент преступления подвергается какому-то упадку воли и рассудка, сменяемых, напротив того , детским феноменальным легкомыслием, и именно в тот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность.	...дар сари чиноят азму иродааш сушт шуда, ақлу ҳуши худро аз даст медиҳад, аз он баъд, баракси ин ҳол , маҳз дар лаҳзаи бениҳоят зарур будани ақлу ҳуш ва эҳтиёткорӣ, мисли кӯдак бемулоҳизагию беандешагии фавқуллодае зоҳир мекунад.
23	Но сердце не переставало. Напротив, как нарочно , стучало сильней, сильней, сильней...	Аммо тапиши дилаш бознамемонд. Баръакс, худи қасд кардагӣ барин , сахттар, сахттар, сахттар метапид...
24	Мало того , даже, как нарочно, в это самое	Ғайр аз ин , худи қасдан кардагӣ барин, дар

	мгновение только что перед ним въехал в ворота огромный воз сена...	худи хамин лаҳза, хамин хозир, пешопеши ў як аробаи калони хошок бор карда шудагӣ ба дарвоза медаромад ва...
25	Как нарочно , кто-то переслал с другого конца стола Соне тарелку, с вылепленными на ней, из черного хлеба, двумя сердцами, пронзенными стрелой.	Худи қасдан кардагӣ барин , як кас аз сари дигари миз ба Соня як табақча фиристод, ки дар он аз нони сиёҳ шақли ду дилро сохта гузошта буданд ва ба ин дилҳо найзае халонда шуда буд.
В) Примеры с вводными предложениями		
26	В первый же свой визит он объявил нам, что он человек положительный, но во многом разделяет, как он сам выразился , «убеждения новейших поколений наших» и враг всех предрассудков.	Вай хамон рӯзи ба хонаи мо бори аввал омаданаи ман одами хушфеъл гуфт, аммо, ба қавли худи вай , тарафдори «фикру ақидаҳои наслҳои нави мо» ва душмани ҳар гуна хурофот будааст.
27	Я тогда Заметова немного поколотил, - это между нами , брат; пожалуйста, и намека не подавай, что знаешь; я заметил, что он щекоплив; у Лавизы было, - но сегодня, сегодня всё стало ясно.	Ман хамон вақт Заметовро андак шибба кардам, - ин гап байни худамон монад , чӯраҷон; зинҳор маълум нақун, ки ту аз ин кор бохабар ҳастӣ; ман фаҳмидам, ки вай одами нозук будааст; дар хонаи Лавиза шуда буд ин воқеа - аммо имрӯз, ҳамааш имрӯз равшан шуд.
28	Тут, брат... Не могу я это тебе выразить, тут, - ну вот ты математику знаешь хорошо, и теперь еще занимаешься, я знаю... ну, начни проходить ей интегральное исчисление...	Ин бародар... Ман инро ба ту гуфта наметавонам, ин - мана ту, масалан, математикаро нағз медонӣ, хозир ҳам китобҳои математикаро хонда мегардӣ, ман медонам... хайр, аввал ба вай ҳисоби интегралро омӯз...
29	Марфа Петровна была совершенно поражена и «вновь убита», как сама она нам признавалась , но зато вполне убедилась в невинности Дунечкиной и...	Марфа Петровна батамом маҳви ҳайрат шуда буд, ва чунон ки худаш ба мо иқро мекард , «боз мурда» буд, аммо имони комил пайдо кард, ки Дунечка тамоман бегуноҳ будааст ва...
30	Вы чем-нибудь, верно, против него обиделись и сами не удержались, - но это вы напрасно: на-и-бла-га-а-ар-р-роднейший, я вам скажу , человек, но порох, порох!	Шумо, эҳтимол, вайро бо ягон гап ранҷондагистед ва худатонро ҳам нигоҳ дошта натавониста ягон гап задагистед, - шумо аз вай беҳуда ранҷидаед: ин одам аз ҳама о-о-олиҷаноб-б, ман ба шумо гӯям , аммо бисёр одами тез, якбора алав мегирад!
31	- Ах, Дунечка, бог его знает , придет ли! И как я могла решиться оставить Родю!..	- Оҳ, Дунечка, холо худо медонад , ки вай меояд ё не! Ба ман чӣ чин зад, ки Родяро партофта омадам!..
32	Воспитания, как и представить можете , Соня не получила.	Акнун худатон фаҳмидед , ки Соня таълиму тарбияи дуруст гирифта натавонист!
33	- Слушайте , сударь, меня, ...- я ещё давеча, с первого шагу, разгадал вашу неприязнь, но нарочно оставался здесь, чтоб узнать еще более.	Гӯш кунед , тақсир, ман, ...- ман аз ин пештар ҳам, баробари ин ҷо даромаданам, пай бурда будам, ки ба шумо маъқул нестанд, аммо қасдан ин ҷо мондам, то бинам ки баъд чӣ мешавад.
34	И он стал на колени среди тротуара, к счастью, на этот раз пустынного. - Перестаньте, прошу вас , что вы делаете?	Инро гуфта ӯ дар миёнҳои пиёдагард, ки ҳарчӣ ин дафъа хилват буд, сари зону истод - Бас кунед, илтимос мекунам , шумо чӣ кор мекунад?

35	Знаешь что, бесценный мой Родя, мне кажется , по некоторым соображениям ...- мне кажется , что я, может быть, лучше сделаю, если буду жить после их брака особо...	Медонӣ, Родяи бебаҳои ман, аз рӯи баъзе мулоҳизаҳо, ба хаёлам , ...- ба хаёлам , агар баъди никоҳи онҳо бо онҳо ҳамроҳ зиндагӣ накарда, балки алоҳида...
36	И, однако ж, в стороне, шагах в пятнадцати, на краю бульвара, остановился один господин, которому, по всему видно было , очень бы хотелось тоже подойти к девочке с какими-то целями.	Аммо ҳамин вақт, ягон понздаҳ қадам дуртар, дар сари хиёбон як ҷаноб омада истод, ки аз афташ , вай ҳам бисёр мехост ба пеши духтар бо ким-чӣ хел мақсад ояд.
37	Говорила же вообще мало, и как уже сказано , была такая смиренная и пугливая. . .	Вай умуман кам гап мезад ва чунон ки дар боло гуфта шуд , духтари бағоят фурӯтан ва ваҳмакӣ буд...
По семантике		
Г) С модальным значением		
38	Никакой хозяйки, в сущности , он не боялся, что бы та ни замышляла против него.	Соҳибаи хона вайро ҳар кор қарданӣ бошад ҳам, ӯ, аслан , аз ҳеч як соҳибхона наметарсид.
39	В остроге, в окружающей его среде, он, конечно , многого не замечал, да и не хотел совсем замечать.	Дар зиндон, дар муҳити атрофи худ, ӯ, албатта , ба бисёр чизҳо эътиборе намедод, эътибор додан ҳам намехост.
40	И если он не лежал еще в настоящей горячке, то, может быть , именно потому, что эта внутренняя, непрерывная тревога еще поддерживала его на ногах и...	Агар ӯ ханӯз ба табларзаи ҳақиқӣ гирифтӣ ва бистарӣ нашуда бошад, эхтимол , фақат аз он сабаб, ки ҳамин ташвишу хавотиркашиҳои доимӣ ӯро аз пой афтодан намонданд...
41	Мне кажется , ваш приезд будет иметь на него спасительнейшее влияние.	Ба фаҳми ман , омадани шумо барои ҳалос шудани вай аз ин аҳвол бисёр фоида расонданаш мумкин.
42	- Слушай, - сказал он Зосимову, - ты малый славный, но ты, кроме всех твоих скверных качеств, еще и потаскун, это я знаю , да еще из грязных.	- Гуш кун, - гуфт ӯ ба Зосимов, - ту худат бачаи нағз, аммо ту, ба ғайр аз ҳама хислатҳои гандаат, боз хиштакмурдор ҳам ҳастӣ, ман инро медонам , аз ифлостарин хиштакмурдорҳо ҳастӣ!
43	- Так зачем же ты ее завлекал? - Да я вовсе не завлекал, я, может , даже сам завлечен...	- Ман харгиз бераҳа накардаам, ман, эхтимол , аз рӯи аҳмакии худам, худам бераҳа шудаам...
44	И... и главное, он такой грубый, грязный, обращение у него трактирное; и... и, положим , он знает, что и он, ну хоть немного, да порядочный же человек. . .	Боз... боз вай одами ин қадар дағал, ин қадар ифлос, гапзаниҳояш гапзаниҳои қаси дар трактирҳо мегаштагӣ барин; боз... боз, фарз кунем , ки, вай ҳам лоқал як каме бошад, одами нағз буданаширо медонад...
45	Он вошел пасмурный, как ночь, отклонялся неловко, за что тотчас же рассердился - на себя, разумеется .	Разумихин бо чехраи мисли пардаи шаб тира воридаи хона шуд, хичолатомез сари таъзим фуруд овард ва ҳамон дам оташин шуд - аз худаш, албатта .
46	Право , я вас считаю как бы за провидение наше, а потому так и убеждена была, что вам уже всё известно.	Ба худо, ки ман шуморо тақдирҷунбони худамон барин медонам, бинобар ҳамин гумон қардаам, ки шумо аз ҳама қор воқиф ҳастед.
47	- Нет, вы, я вижу, не верите-с, думаете всё, что я вам шуточки невинные подвожу...	- Не, шумо, ба назарам , шумо ба гапҳои ман бовар намекунад, ба гумонатон, ман бо шумо ҳазлу шуҳӣ мекунам...
Д) Выражающие порядок мыслей и их связь		

48	Стало быть , есть еще какая-нибудь шкатулка, али укладка...	Маълум мешавад , ки боз ягон хел сандукча, ё худ ягон чои дигар будааст...
49	И, во-первых , угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вот уже полтора месяца как живет со мною, и мы уже больше не разлучимся и впредь.	Аввалан , оё ту, Родяи азизам, пай мебарӣ, ки хоҳари ту якуним моҳ ба ин тараф хамроҳи ман зиндагӣ мекунад ва мо дигар аз ҳам чудо намешавем.
50	...Дуня, кроме того что девушка умная , - в то же время и существо благородное, как ангел, и...	...Дуня, ба ғайр аз он ки духтараки боақл аст , - дар баробари ҳамин монанди фариштаҳо як махлуқи оличаноби покизаест ва...
51	Он, например , и мне показался сначала как бы резким; но ведь это может происходить именно оттого, что он прямодушный человек, и непременно так.	Домод, масалан , даставвал ба назари ман ҳам одами тундфеъл намуда буд; лекин охир ин тундхӯии вай маҳз аз сабаби он сар мезанад, ки вай одами кушодадил аст, аслан, ҳамин хел аст вай.
52	Итак , стоило только потихоньку войти, когда придет время, в кухню и взять топор, а потом, чрез час (когда всё уже кончится), войти и положить обратно.	Инак , ҳамин ки вақту соаташ расид, оҳистекак ба ошпазхона даромада, табарро гирифта, баъд аз он, пас аз як соат (баъди тамом шудани ҳама кор), табарро боз ба чояш гузошта метаванист (85).
53	Сначала, - впрочем , давно уже прежде - его занимал один вопрос: почему так легко отыскиваются и выдаются почти все преступления и так явно обозначаются следы почти всех преступников?	Даставвал, - дарвоқеъ , кайҳо ин чоғиб, - як масъала аҷлу ҳуши ўро ба худ машғул медошт: ба чӣ сабаб қариб ҳама ҷиноятҳо ин қадар ба осонӣ кофта ёфта ва ошкор карда мешаванду изи қариб ҳамаи ҷинояткорон ин қадар баръало маълум мешавад?
54	На снурке были два креста, кипарисный и медный, и, кроме того , финифтяный образок; и тут же вместе с ними висел небольшой, замшевый, засаленный кошелек, с стальным ободком и колечком.	Дар ресмон ду салиб - яке аз ҷуби дарахти сарв ва дигаре аз мис - ғайр аз ин , як суратчаи минокории муқаддас овезон буд; дар қатори ин чизҳо як ҳамёнчаи аз чарми нарми пусти гавазн тайёршудаи чиркини ҳалқачадори зеҳаш пулодин овезон буд.
55	И, наконец , когда уже гость стал подниматься в четвертый этаж, тут только он весь вдруг встрепенулся и успел-таки быстро и ловко проскользнуть назад из сеней в квартиру и притворить за собой дверь.	Ва ниҳоят , вақте ки каси оянда роҳи ошънаи чорумро пеш гирифт, ў банохост як қад париду зуд ва чобукона аз даҳлез ба квартира баргашта ва аз болои худ дарро маҳкам карда тавонис
56	Там и людей меньше, и незаметнее, и во всяком случае , удобнее, а главное - от здешних мест дальше.	Он чо одам ҳам кам мешавад, он қадар ҳам маълум намешавад ва, ба ҳар ҳол , он чо кулайтар аст, аз ҳама муҳиммаш ин ки аз ин чоӣҳо дуртар аст.
57	Вот каков этот человек, если хотите знать .	Ана ҳамин хел одам аст вай, агар доништан хоҳед .
Д) Со значением привлечения внимания собеседника к сообщению, акцентирования, подчёркивания		
58	«Малявочка, говорит, ты эдакая!» И наедине-с, понимаете ли?	«Эй моҳичаи ман!»—гуфт. Боз ин гапро танҳо ба худам гуфт, фаҳмидед?
59	- Так неси же, ради бога , неси! - закричал весь в волнении Раскольников, - господи!	Дарав гирифта биёр, аз барои савоб , зудтар биёр! – фаръёд кард Раскольников, саҳт ба изгироб афтада. – Худоё!
60	Послушайте , сударыня, — начал он звать	Гӯш кунед , хонум, - гуфта духтарро фаръёд

	ее, - где изволите проживать?.	мекард, - хонаатон дар кучо?
61	- Но позвольте , как же у них такое противоречие вышло...	- Аммо нигоҳ кунед: барои чӣ гапҳои онҳо ба ҳам зид мебароянд.
62	А теперь я вижу, что ничего мне не надо, слышишь , совсем ничего... ничьих услуг и участия... Я сам... один... Ну и довольно! Оставьте меня в покое!	Акнун ман бинам, ки ба ман ҳеч чиз лозим набудааст, фаҳмидӣ , ҳеч чиз... ёрию ҳамдардии ягон кас лозим нест.... Ман худам... тани танҳо... Хайр бас! Маро ба ҳолам монед!
63	Видишь ли: уроков и у меня нет, да и наплевать, а есть на Толкучем книгопродавец Херувимов, это уж сам в своем роде урок.	Гӯш кун: ман ҳозир дарс надорам, хайр, садқаҳои сар, дар чайқовбозор Херувимов ҳам як китобфуруш ҳаст, алҳол вай чои дарсро мегирад.
64	- Это, брат, веришь ли , у меня особенно на сердце лежало. Потому, надо же из тебя человека сделать.	- Бовар мекунӣ , чӯраҷон, ман кайҳо боз ҳамин хел як ният доштам, охир туро ба қатори одам даровардан даркор.
65	Теперь строго заметь себе: тела наверху еще теплые, слышишь, теплые, так нашли их!	Акнун чиддитар фикр карда бин: дар боло часади кушташудагон ҳанӯз хунук нашудааст, шунидӣ, хунук нашудааст, онҳоро дар ҳамин ҳолат ёфтаанд!
66	По моему же личному взгляду, если хотите , даже нечто и сделано: распространены новые, полезные мысли...	Аз рӯи ақидаи шахсии ман, агар доништан хоҳед , ҳатто баъзе корҳо карда шудаанд: фикрҳои тозаи муфид паҳн карда шудаанд...
67	- Согласитесь сами , - что есть преуспяние, или, как говорят теперь, прогресс, хотя бы во имя науки и экономической правды...	- Худатон як мулоҳиза кунед , - ки пешравиҳо, ё худ чунон ки ҳоло мегӯянд, прогресс дида мешавад, лоақал ба хотири илм ва ҳақиқати иқтисодӣ...
Е) Выражающие манеру речи		
68	Но такое отчаяние и такой, если можно сказать , цинизм гибели вдруг овладели им, что он махнул рукой и пошел дальше.	Аммо вучудаширо он чунон ноумедӣ ва он чунон, агар ҳамин ибора раво бошад , беиболию бепарвой аз ҳалокат нохост фаро гирифта буд, ки ӯ даст афшонду ба роҳаш рафта гирифт.
69	Это была девушка... впрочем, она мне даже нравилась... хотя я и не был влюблен... одним словом , молодость...	Вай духтари ганда набуд... вай ҳатто ба ман маъқул ҳам шуда буд... агарчӣ ман ошиқ нашуда будам... хулласи калом , чавонӣ-дия...
70	Да этак по форме и действовать-то нельзя, как вы говорите , дела вы, родимый, не знаете...	Дар ин аҳвол аз рӯи қоида ҳам амал карда намешавад, чунон ки шумо мегӯед , чигарбандам, шумо наметавонед...
71	...- вы можете ли-с... или лучше сказать: действительно ли и на столько ли вы коротки с вышеупомянутой молодой особой...	...- оё шумо ин корро карда метавонед?.. ё худ беҳтараш ин тавр гӯем: оё шумо ба ростӣ ҳам бо ҳамон духтаре, ки нав зикр кардам, шиноси наздикед?
72	...а воспитана была в «благородном, можно даже сказать , в аристократическом полковничьем доме», и уж вовсе не для того готовилась, чтобы самой мести пол и мыть по ночам детские тряпки	...ҳатто ӯ дар «хонадони олинасаб, ҳатто метавон гуфт , дар хонадони асилзодаи полковник» тарбия дидааст ва ӯро ҳаргиз на барои он калон кардаанд, ки хонаро худаш рӯбучин кунаду шаби дароз латта-путтаҳои кӯдаконро бишӯяд
73	У папеньки Катерины Ивановны... стол накрывался иной раз на сорок персон, так что какую-нибудь Амалию Ивановну, или, лучше сказать ,	Падари Катерина Ивановна... дар хонаи вай баъзе вақтҳо барои чил кас миз меоростанд, кадом як Амалия Ивановнаро, ё худ дурусттараш , Людвиговнаро, ҳатто

	Людвиговну, туда и на кухню бы не пустили...»	ба ошхонаи он чо роҳ намедоданд...»
74	Всё, стало быть, это вздор, и нет тут никакой своей, вернее всего , стало быть, сумасшествие.	Маълум шуд, ҳамааш гапи беҳуда, вай ягон ҷонона надоштааст, гуфтам, вай девона шудагист, гуфтам, тахмини дуруст ҳамин , гуфтам.
75	Одним словом , я, кажется, ее понял, что и считаю себе за честь.	Қисса кӯтоҳ , ман чӣ хел духтар будани хоҳаратонро фаҳмида гирифтам, барои ин аз худам хурсандам.
76	Между прочим , он стал опять слушать университетские лекции, чтобы кончить курс.	Зимнан , ӯ барои хатми таҳсил боз лекцияҳои университетро рафта гуш мекардагӣ шуд.
77	Одним словом , дело вышло ясное.	Хулоса , сурати воқеа маълум ва равшан шуда буд.
Ё) Указывающие на источник сообщения		
78	...которая уже испытала бедственное положение; потому, как объяснил он , что муж ничем не должен быть обязан своей жене...	...ва сахтиҳои зиндагири дида, азобу машаққат кашида бошад; барои он ки, шарҳ меод вай , шавҳар бояд аз зан аз ягон чихат минатбардор набошаду...
79	Тьфу! А пусть! Это, говорят, так и следует. Такой процент, говорят , должен уходить каждый год	Туфу! Аз ин ҳам бадтар шавад! Дуо рафтагӣ, бояд ҳамин хел шавад, мегӯянд .
80	По убеждению его , выходило, что это затмение рассудка и упадок воли охватывают человека подобно болезни...	Аз рӯи ақидаи ӯ чунин бармеомад , ки ин тирашавии ақл ва сустшавии азму ирода касро ба монанди беморие фаро мегиранд...
81	- Если у тебя еще хоть один только раз в твоём благородном доме произойдет скандал, так я тебя самое на цугундер, как в высоком слогe говорится .	- Агар дар хонаи «баобрӯи» ту лоақал боз як бор ҷанҷол шавад, ман туро, чунон ки ба забони олитаборон мегӯянд , ба цугундер мешинонам.
82	...потому что, по моему мнению , твое пальто не только еще может служить, но даже имеет в себе вид особенного благородства...	...чунки, ба хаёли ман , пальтои ту на ин ки боз хизмат мекунад, балки ҳатто ҳар намуд алалхусус босалобат аст...
83	...схватил шапку и побежал к Душкину и, как известно , получил от него рубль, а ему соврал, что нашел на панели, и тотчас же загулял.	...телпакашро ҷанг зада гирифта ба пеши Душкин тохта меравад ва, чунон ки ман нав гуфтам , аз вай як сӯм мегирад, ин пулро аз роҳи пиёдагард ёфтам мегӯяд ва ба ин пул айшу нӯш мекунад.
84	Там, слышно , бывший студент на большой дороге почту разбил...	Мешунавед , ки фалон чо, сари роҳи калон собиқ студенте почтаро талаву тороч кардааст...
85	Раскольников уговорил меж тем кого-то сбежать за доктором. Доктор, как оказалось , жил через дом (170).	Раскольников дар ин асно аз як кас илтимос кард, ки рафта духтур ҷеғ занад. Маълум шуд , ки духтур дар иморати дигар зиндагӣ мекардааст.
86	По наблюдениям же его , болезнь пациента, кроме дурной материальной обстановки последних месяцев жизни, имеет еще некоторые нравственные причины...	Аз рӯи мушоҳидаҳои ӯ бемории Раскольников ба гайр аз бад шудани шароити моддии моҳҳои охири зиндагиаиш, боз сабабҳои дигари ахлоқӣ ҳам доштааст...
87	Далее, помнится мне , я развиваю в	Баъд аз он, ёд дорам , ман дар мақолаам

	моей статье, что все... все до единого были преступники ...	Боз як фикрро пешниход кардаам, ки... ҳамашон беистисно чинойткор буданд...
Ж) Со значением оценки меры, степени и обычности		
88	А ну как тем временем хватится топора, искать начнет, раскричится, - вот и подозрение или, по крайней мере , случай к подозрению.	Лекин агар дар ин вақт Настасья пай барад, ки табар дар чояш нест, ба кофтуков мебарояд, доду фаръед мебардорад, - ана гумони бад, ё худ ҳеч набошад , ин ҳодиса боиси пайдо шудани гумони бад мегардад.
89	Светлые с проседью, жиденькие волосы ее, по обыкновению жирно смазанные маслом , были заплетены в крысиную косичку и подобраны под осколок роговой гребенки, торчавшей на ее затылке.	Мӯйҳои тунуки маллаи мошубиринчшудаашро, ки одатан ба он зиёда равған мемолид , ба шакли думи муш бофта ба таки шонаи шикастаи шохин лӯнда карда буд, ва ин шонаи шикаста аз паси гарданаш намуда меистод.
90	Когда он ходил в университет, то обыкновенно , - чаще всего, возвращаясь домой, - случилось ему, может быть, раз сто, останавливаться ...	Вақте ки ӯ ба университет рафта меомад, одатан , - аксар вақт дар бозгашт ба хонааш, - эҳтимол, қариб сад маротиба ӯ маҳз дар ҳамин ҷо бозистода...
91	По старой привычке , обыкновенным путем своих прежних прогулок, он прямо направился на Сенную.	Ӯ аз рӯи одати деринаш , аз роҳи муқаррарии сайру гаштҳои пештарааш рост ба ҷониби майдони Сенная равона шуд.
92	Одним словом, ...способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей , быть непременно преступниками, - более или менее, разумеется.	Хуллас, ...яъне қодиранд андаке ягон гапи нав гӯянд, ягон кори нав кунанд, аз рӯи табиати худ , албатта, каму беш, вале ҳатман бояд чинойткор бошанд.
93	- Не верь! - отвечал Раскольников с холодной и небрежной усмешкой, - ты, по своему обычаю , не замечал ничего, а я взвешивал каждое слово	- Бовар накун! - гуфта ҷавоб дод Раскольников, сардмехрона ва безътиноёна лабҳанд карда, - ту, аз рӯи одати худ , ба ҳеҷ чиз аҳамият намедодӣ, аммо ман маънии дар як суханро месанҷидам.
94	...он приготовился войти с холодным и дерзким видом и дал себе слово как можно больше молчать, вглядываться и вслушиваться и, хоть на этот раз по крайней мере , во что бы то ни стало...	...у саъй мекард ба назди Порфирий Петрович бо қиёфаи густохона дарояд, мисли одаме дарояд, ки ҳеҷ чизро писанд намекунад ва ба худ қавл дод, ки ҳаддалимкон камтар гап мезанад, бештар назар меандозад ва гӯш мекунад ва лоқал ин дафъа , ҳеҷ набошад...
95	Свидригайлов сидел уже в коляске. Раскольников рассудил, что подозрения его, по крайней мере в эту минуту , несправедливы (465).	Свидригайлов аллақай ба коляска баромада нишаста буд. Раскольников даръёфт кард, ки ҳеҷ набошад , дар ҳамин дақиқаҳо аз Свидригайлов беҳуда шубҳа карда будааст.
96	Лицо ее еще носило признаки болезни, похудело, побледнело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению , робко протянула ему свою руку.	Аз чеҳрааш ҳанӯз аломати беморӣ паид меомад, рангпарида, лоғар ва коҳида буд. Духтар ба Раскольников табассуми ширину шодмандона кард, аммо, аз рӯи одат , дасташро ба ӯ бечуръатона дароз

		намуд.
97	По крайней мере , он мог бы злиться на свою глупость, как и злился он прежде на безобразные и глупейшие действия свои, которые довели его до острога.	Ҳеч набошад , ӯ метавонист аз аҳмақиҳои худ дар қаҳр шавад, чунон ки ӯ пештар аз кирдорҳои бемаънӣ ва аҳмақонаринаш дар қаҳр мешуд ва ин кирдорҳо ӯро оқибат ба зиндон оварда буданд.
3) Выражающие эмоциональную оценку		
98	Он думал и тер себе лоб, и, странное дело , как-то невзначай, вдруг и почти сама собой, после очень долгого раздумья, пришла ему в голову одна престранная мысль.	У фикру андеша меронду пешониашро мемолид ва ҳамин дам аз ғайри чашмдошт , баъди хаёлу андешаҳои дурударозе, дар майнааш банохост, қариб худ аз худ, як фикри бағоят ачибе пайдо шуд.
99	Мало того, даже, как нарочно , в это самое мгновение только что перед ним въехал в ворота огромный воз сена...	Ғайр аз ин, худи қасдан кардагӣ барин , дар худи ҳамин лаҳза, ҳамин хозир, пешопеши ӯ як аробаи калони хошок бор карда шудагӣ ба дарвоза мебаромад ва...
100	Странное дело: только что он начал прилаживать ключи к комоду, только что услышал их звякание, как будто судорога прошла по нем.	Ачабо , ҳамин ки ӯ калиди чевонро ёфта андохт, ҳамин ки садои чирингос задани калид баромад, гӯё якбора тамоми аъзои баданашро фарошо гирифт.
101	Ну-с, а моя мысль именно такова, что всего больше заметишь и узнаешь, наблюдая молодые поколения наши. И признаюсь: порадовался...	Хӯш, шахсан худи ман чунин фикру андеша мекунам, ки агар қас насли чавонро ба мушоҳида гирад, аз ҳама зиёдтар чизро мефахмад ва дониста мегирад. Бояд иқрор кунам: ман хурсанд шудам...
102	К счастью , была готовая тема для разговора, и он поскорей за нее уцепился.	Ҳар чи , барои гуфтугузор мавзӯи тайёр буд ва ӯ фавран ба ҳамин мавзӯи часпид.
103	- Лучше всего, маманька, пойдете к нему сами и там, уверю вас , сразу увидим, что делать (с.207).	- Беҳтараш, худамон ба наздаш равем, очачон, дар ҳамон ҷо ҷи қор карданамон дарҳол маълум мешавад, ба гапам бовар кунед .
104	К счастью , я могу в этом убедиться наверно, и даже сегодня же	Ҳар чи , ман ҳатто худи ҳамин рӯз эҳтимол ба ин бовар ҳосил карда тавонам.
105	Признаюсь вам , это мой слабый пункт.	Ба шумо иқрор мекунам , ин ҷиҳати сусти қори ман.
106	- Слава богу , тут не так нужны подробности, сколько сущность дела; но...	Шукри ҳақ , ин ҷо гапро майда карда шиштан асло ҳочат нест, ин ҷо тақи гапро гуфтан дарқор; аммо... (545).
107	Странно и смешно: ни к кому я никогда не имел большой ненависти, даже мстить никогда особенно не желал, а ведь это дурной признак, дурной признак!	Хандаи қас меояд, боз қас хайрон мешавад: ман ҳеч гоҳ ба ягон қас кинаи саҳт нагирифтаам, ҳатто майли аз ягон қас қасос гирифтани ҳам нашоштам ва ҳол он ки аз ин бадтар қоре нест, аз ин бадтар қоре нест!